

Михаил ВОСТРИКОВ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

*Специальная военная операция
пехотного лейтенанта Артёма К., штурмовика*

Хроника подвига

(Журнальный вариант)

*Довольно людей кормили сладостями;
у них от этого испортился желудок:
нужны горькие лекарства, едкие истины.*
Михаил Лермонтов, «Герой нашего времени»

Предупреждение редакции

Из переписки редакции с автором:

Главред: «Ваша военная вещь отличается особой ценностью и удовлетворяет главному требованию, предъявляемому «Невским проспектом» к военной прозе, не считая литературного качества текста. Я имею в виду требование документальной и фактической основательности и недопустимости краснобайских или, наоборот, чернушных выдумок и полетов авторской фантазии касательно реальной картины войны, деталей военного быта и военного дела. Тут первое слово — участникам событий. Как вариант — грамотная обработка и подача литературных данных из первых уст. В общем, история Артёма К. вполне удовлетворяет формату и требованиям НП, весьма строгим, ибо тема войны — это, может быть, самая сложная, во всяком случае, за пределами ответственной темы, которую мало кто осилит. Я рад, что есть авторы, которым по плечу эта тема. «Невский проспект» ждет этих авторов».

Вслед за принятием повести к публикации между автором и редакцией возникла дискуссия по поводу заголовочного блока, на котором настоял редактор наперекор возражениям автора и в котором фигурируют слова герой и подвиг. Цитата из переписки:

Автор: «Артём ничего такого, за что награждают, не совершал и награжден не был. И никто не спрашивал его, хочет он идти воевать или нет. Он офицер. Распред — и вперед! Так что, строго говоря, подвига и героики в повести нет».

Главред: «Понимаю ваше возражение, но смысл слова подвиг в подзаголовке не узкий, а широкий: вот просто взять и пойти учиться на офицера и затем, не увидевшая как-либо и не симулируя, отправиться воевать за Родину в наше потребительское время — это разве не подвиг? Не суть, что за то, что описано в повести, не награждают. Это по-любому подвиг. И по-любому он герой, причем в двух смыслах: герой нашего времени, по смыслу заголовка, и герой войны как участник боевых действий, находящийся в самом пекле и получивший боевое ранение в таких боевых обстоятельствах, в каких многие сдаются и не выкарабкиваются, а выкарабкиваются и не сдаются (см. картину 18 «Выпелзание») такие люди, как Мересьев, герой «Повести о настоящем человеке» из Железного поколения победителей, и такие парни, наши современники, как 22-летний пехотный лейтенант Артём К. из вашей повести».

Вопрос к читателю: а как считаете вы, читающий (-ая) эти строки, является ли героем в обоих указанных смыслах или в одном из оных Артём, главный герой нижеследующей военной повести, напечатанной в «Невском проспекте» под многозначным лермонтовским названием «Герой нашего времени» и с подзаголовком «Хроника подвига».

Нижеследующая хроника попала на страницы «Невского проспекта» с фронта, как когда-то с фронта загружалась на страницы «Современника» военно-художественная хроника под названием «Севастопольские рассказы», создававшаяся фейерверкером Львом Толстым как литературный шедевр в режиме военного репортажа по репортерскому принципу: пишу, что вижу, но не по газетным технологиям, а сквозь литературно-философскую призму, имевшую у автора как редкостный дар, какой дается не каждому. Нижеследующая хроника куда проще классической военной прозы в художественном отношении и относится, грубо говоря (пусть точнее скажет тонкий литературный критик), к жанру военной документалистики как зеркальная картина войны, избилующая репортерской детализацией, но, пожалуй, самое главное в этом документе эпохи — эпохальный герой: герой нашего времени.

Оставим за кадром то, каким образом сделан этот документ эпохи, многоценный сам по себе как правдивая летопись военно-исторических событий, происходящих с героем повести и его соратниками, нашими современниками. По мнению редакции, герой этой хроники есть герой нашего времени: он эпохален: он порожден эпохой и произрастает в горниле самых главных событий эпохи, происходящих прямо сейчас на ЛБС и правдиво отраженных в хронике, пришедшей с ЛБС и являющейся правдой войны.

Этого героя нет без этой правды, но чего стоит такая правда без такого героя?

Истинный герой нашего и всякого времени — человек.

В данном случае — военный человек: пехотный лейтенант Артём К., штурмовик.

В финальных фрагментах хроники, когда лейтенант выбирается из гиблой переделки с перебитыми ногами и прячется от железных охотников с неба (дронов), как загнанный зверь, пару раз возникает фрагментарный эпизод, напоминающий о другом герое другого времени, цитата: «Артём лежал и просто смотрел в небо...» «Он снова смотрел в голубое небо...» Когда раненый лейтенант смотрит в голубое небо Донбасса, сама собой возникает ассоциация с небом Аустерлица и вспоминается раненый Андрей Болконский вкупе со всей той философией войны и мира, что крутилась в тот момент в голове толстовского героя и пронизывает всю эпопею Льва Толстого.

Вопрос: применимо ли к Андрею Болконскому многозначное и универсальное лермонтовское определение героя нашего времени как героя своего времени? Ответ: да оно, собственно говоря, применимо к каждому особо яркому и не отрицательному или лишь частично отрицательному образу (портрету: характеру: герою) в галерее русской классической литературы: Печорин, Онегин, Болконский, Безухов, Обломов, Штольц, князь Мышкин, Алеша Карамазов, Григорий Мелехов и так далее по галерее, примеряясь к разным эпохам отечественной истории.

Таково основание, сочтенное редакцией «Невского проспекта» необходимым и достаточным для использования лермонтовского универсального заголовка применительно к нижеследующей хронике.

Проницательный читатель понимает, что подразумевается герой не того рода и совсем не обязательно того рода, что Печорин и Онегин, но обязательно — герой нашего времени. Нашего и никакого другого. Текущего прямо сейчас, а не век или два тому назад, и несущего в себе своего героя, требуя от литературы и авторов, насколько те способны, показать его лицо, как он вообще выглядит, герой нашего времени. Каков он сегодня? И где его искать?

П о з ы в н ы е¹

Авиатор — начальник штаба батальона
Адвокат — направляющий штурмовой группы
Алмаз — закреп, бывший заключённый
Архангел — командир восьмой группы, бывший «Вагнер»
Борзый — заместитель командира группы
Буза — первый боец, обученный ГГ
Бур — командир второй группы
Булка — солдат-новобранец
Вайлдбериз — сильно пожилой боец
Воробей — топограф роты
Восток — замполит роты
Дашпыл — тувинец
Димон — закреп
Драчун — штурмовик
Затон — штурмовик первой группы
Зверь — командир взвода, лейтенант
Злодей — штурмовик-эвакуа
Знахарь — медик роты
Ирбис — комбат
Калаш — командир первой группы
Карась — штурмовик девятой группы
Кочевник — главный герой лейтенант Артём К.
Левша — боец группы Артёма
Легенда — штурмовик первой группы
Леший — закреп
Некромант — бывший заключённый
Нива — водитель «Нивы»
Орск — командир седьмой группы
Пахан — борзый зек
Пенициллин — медик другой роты
Решала — боец-тормоз.
Ритм — замполит батальона
Робин — инструктор РПГ
Роса — боец-толстяк
Садык — солдат-новобранец
Самосвал — ординарец Фаната
Самовар — 500-й, новый командир третьей группы
Сворог — эвакуа
Скат — дроновод
Смурфик — штурмовик девятой группы
Томагавк — опытный боец
Топник — 500-й, командир девятой группы
Шмель — медик батальона
Шофёр — пожилой боец
Урал — старший медик батальона
Фанат — командир роты
Шапка — командир третьей группы
Янек — 500-й

Г л о с с а р и ю

200 — погибший
300 — раненый
500 — дезертир
Бабка, старая — вражеский гексакоптер «Баба-яга»
Бат — батальон
Блестяшка — спасательное одеяло
ВОГ-17 — осколочный гранатометный выстрел
ВСС — бесшумная снайперская винтовка для спецназа «Винторез»
Втащить — ударить

¹ Прим. авт.: все позывные и имена выдуманы, совпадения случайны.

Джамбо — жест приветствия
ДРГ — диверсионно-разведывательная группа
Жесть — жестокость, ужасы
Закрепы — те, кто закрепляется на захваченных штурмовиками позициях
Занориться — спрятаться в укрытии
Калаш — автомат Калашникова
Каличи — калек
Камик — дрон-камикадзе
Коробочки — танки и бронетранспортеры
Крыло — разведывательный дрон самолетного типа
ЛБС — линия боевого соприкосновения, фронт
Лесополки, полки — лесополосы
Лимонка — оборонительная граната Ф-1
Малые — минуты
Мобик — мобилизованный военнослужащий
Нажопник — «пятиточечник», баллистическая защита паха
Ноль — крайняя точка перед Kill Zone — зоной смерти, «серой» зоной
Норка — безопасное место, укрытие
Открытка — открытая местность
Палить, спалить — случайно рассекретить
ПВД — пункт временной дислокации
Пидоры — коварный и беспринципный враг
Пиксель, мультикам, мох — виды камуфляжных расцветок
Польки — бесшумные мины
Птички — дроны
ПФМ-1 — мина-лепесток
Радейка — радиостанция
Распред — распределение выпускников военного училища по местам службы
РЭБ — радиоэлектронная борьба
Сбросник — дрон, способный сбрасывать гранаты и мины
СОЧ — самовольно оставивший часть: 500-й
СПН — специальное назначение, спецназ
Тээмка — противотанковая мина ТМ-62
Эвака — член группы эвакуации раненых и погибших с поля боя

Часть I. ПОСВЯЩЕНИЕ

Картина 1. УЧИЛИЩЕ

Фрагмент 1. Началось

Курсант первого курса Новосибирского высшего военного командного ордена Жукова училища по специальности «Применение мотострелковых подразделений» Артём К. находился в казарме, курс вернулся с последней пары и построился для следования на обед, и тут курсантам включили телевизор с обращением президента:

«Нас обманули, а выражаясь народным языком, просто кинули... Огна лишь сплошная ложь и лицемерие... Этому не бывать, никогда и ни у кого этого не получалось. Не получится и сейчас... Второй раз мы такой ошибки не допустим, не имеем права... Ситуация для нашей страны с каждым годом становится все хуже и опаснее... На наших же исторических территориях создается враждебная «анти-Россия»... Все напрасно... Мною принято решение о проведении специальной военной операции... Это самозащита от создаваемых нам угроз и от еще большей беды, чем та, что происходит сегодня... Мы готовы к любому развитию событий. Все необходимые в этой связи решения приняты. Надеюсь, что я буду услышан... Верю в вашу поддержку и в ту непобедимую силу, которую дает нам наша любовь к Отечеству!»

Такого своего главковерха — откровенного, встревоженного, но категоричного и решительного — Артём ещё никогда не видел. Да и никто не видел. Курсанты были в шоке, но тогда им это показалось чем-то далёким, ведь они были первокурсниками, уверенными, что не успеют туда попасть и всё закончится гораздо раньше выпуска, уже этой весной или летом. Но вот наступило лето 2022 года, ничего не закончилось.

Тем летом на базе училища готовили группу военных корреспондентов. Курсанты гоняли их на полигоне. Дяденьки-журналисты не глядя подписали бумажки, что согласны на всё, ну, им и устроили «курс молодого бойца». Журналистам выдали тяжеленные бронежилеты, каски, автоматы, и они в поте лица и грязные по уши ползали во всей этой «красоте» через полосу препятствий. А рядом жгли шины, взрывали учебные гранаты. Стреляли по ним холостыми из пулеметов, заставляли лазить в проёмы окон второго этажа... Некоторые даже справились. И зачем, спрашивается, мучали людей? Чай, не спецназовцы...

Фрагмент 2. Лейтенант Артём К., собственной персоной

Артём родился в райцентре Купино, что за пятьсот километров от Новосибирска, рядом с казахской границей. И это было не просто так Купино... Когда-то выселок Моховое, основанный в 1886 году переселенцами из села Купино Корочанского уезда Курской губернии (ныне в Шебекинском районе Белгородской области). В 1909 году решением народного схода выселок переименован в честь родного села, откуда переселенцы прибыли на жительство в Сибирь. Такие вот незримые исторические крепцы.

Летом в Купино бывали пыльные бури, от казахов их приносило, и тогда жара стояла плюс сорок градусов по Цельсию, земля трескалась... А зимой бураны, тоже оттуда. Самая низкая температура в Купино была в 1964 году, минус пятьдесят два градуса ночью, как на севере Якутии. Но тогда Артёма ещё и в проекте не было.

Батя Артёма служил офицером в купинской полиции, а мама – фельдшером в купинской больнице, архитектурной достопримечательности, памятнике истории и архитектуры Новосибирской области. Ещё у Артёма была родная младшая сестра и двоюродный старший брат, но он был – как родной, всегда рядом.

Отец и мать были государственными служащими, и сын их после школы пошёл учиться на государственного человека, поступив в ближайшее высшее военное училище в новосибирском Академгородке. Пехота-матушка, первооснова Российской армии. Учёба в пехотном училище оказалась не совсем такой, какой представлялась Артёму – суперменов, способных отбивать головой гранаты, здесь не готовили, больше учили этой головой работать.

Брутальные черты лица, высокий рост, спортивное телосложение и темно-русый цвет волос. Внешне спокойный, можно сказать, безэмоциональный, но в серьёзной обстановке мог позволить себе чёрный юмор. Для психологической разгрузки. А так, дисциплинированный, молчаливый и, возможно, излишне прямолинейный парень. Артём не обсуждал приказы командиров и выполнял поставленные задачи максимально точно и ответственно, практически без ошибок. Как умная машина.

За годы учёбы на пехотного офицера наш герой, кроме глубокой теории, овладел всеми существующими видами стрелкового оружия от пистолетов до гранатомётов, в том числе производства стран НАТО, и выучил английский. В рейтинге ста пятидесяти выпускников оказался на десятом месте с красным дипломом в руках. В общем, сплошной «синдром отличника», как сказала бы его девушка Кира.

Рейтинг выпускника – это итоговая оценка успеваемости, дисциплины, общественной нагрузки, факультативов, спортивных достижений и курсантской должности. В мирное время Артёма с его рейтингом точно забрали бы в какую-нибудь сверхсекретную военную структуру с героической миссией во имя Родины где-нибудь в дальнем зарубежье. Но в разгаре СВО выпускникам была уготована общая судьба командиров взводов на фронтах СВО в звании лейтенантов. Это для начала... И единственной привилегией отличников, краснодипломников и обладателей высокого рейтинга вроде как остался выбор конкретной бригады, где бы он, отличник, хотел служить. Остальные – куда пошлют. Называлось это мероприятие «распред», и происходило оно так.

Фрагмент 3. Распред

Недели за три до официального выпуска в большой зал училища по одному, строго по рейтингу, заходили выпускники, сначала – отличники и краснодипломники. В зале сидела большая комиссия – начальник училища полковник Роман Борисович Титов, все его заместители и начальники кафедр. Титов пролистывал досье отличника и задавал ему несколько вопросов с разной степенью дебильности. Если отличник не мог ответить или отвечал плохо, ему давали выбрать из нескольких предложенных вариантов и прощались. Если же отвечал правильно, то сначала спрашивали:

– Где хотите служить? Называйте номер бригады!

Все, естественно, называли номера бригад специального назначения – СПН, но

кадровик тут же всех обламывал:

— Там мест нет! — хотя это, и все о том знали, не было правдой.

В итоге отличник, как все, выбирал из ему предложенного. И зачем, спрашивается, учился лучше всех? В общем, шоу! Выбора отличниками будущего места службы в декорациях красивой довоенной традиции не случилось. Ну так война же...

А после тридцатого по рейтингу вопросы уже вообще никому не задавали, а лишь объявляли — туда!

Артёму, зашедшему десятым, достался, видимо, самый дебильный вопрос из всех дебильных, имевшихся в арсенале комиссии:

— Скажите, сколько пружин в главном фрикционе БМП-2?

Остолбевев, но быстро разморозившись, наш герой начал было торг с комиссией, замаскированный под борьбу за правильный ответ:

— Одна?

— Нет.

— Две?

— Нет.

На третьей пружине, тоже, как потом оказалось, не последней во фрикционе, торг выпускника с комиссией был закончен, и начался торг комиссии с выпускником:

— А вот сюда не хотите, может, там знакомые есть, подумайте?

— Нет!

— А сюда? Тоже нет? Напрасно...

В итоге Артём и два его однокашника — Лёха (девятый в рейтинге) и Ахмед (шестидесятый в рейтинге) попали служить в одну бригаду. И радовало нашего лейтенанта только то, что Лёха был из одного с ним отделения и все четыре года состоял его соседом по курсантской койке, близкий и практически родной человек. Однако в зону СВО они выехали отдельно, Ахмед на день раньше. Таков был приказ.

Картина 2. ПРИБЫТИЕ

Фрагмент 4. Карандаши и фломастеры

Артём с Лёхой в составе довольно большой группы контрактников-новобранцев прибыли в город Снежное, что рядом с многострадальной Горловкой в Донецкой народной республике. Они вышли из автобуса, остановились и молча огляделись. Остальные не молчали, а сразу же принялись курить и обсуждать своё возможное будущее. Умирать никто не собирался.

Всех построили в две шеренги и развели по бригадам, после чего Артём с Лёхой сели в одну «Газель» и куда-то поехали. Через какое-то время «Газель» заехала в лес. Здесь располагался штаб бригады. Им показали, где оставить вещи, и первыми завели их, офицеров, в штабной блиндаж. Таких блиндажей Артём ещё не видел. В нём было чисто, ничем не воняло, а пол, потолок и стены были отделаны листами свежей берёзовой фанеры с запахом новосибирской Бугринской рощи.

Спустились на три метра под землю и пошли по длинному коридору. На потолке висели диодные лампы с тёплым жёлтым светом. В коридоре встречались и двери, но лейтенантов вели вперёд. В итоге они попали в довольно большое помещение — некое подобие канцелярии. Везде компьютеры, принтеры и другая оргтехника. За рабочими столами сидели штабные разной степени упитанности, без кителей, просто в футболках и тапочках — по повадкам, старшие офицеры.

Когда всех оформили, то опять построили и зачитали, кого в какой батальон. Здесь пути Артёма и Лёхи разошлись, их распределили в разные баты. Артёма, судя по отдельным фразам штабных, направили в некий широко известный в узких бригадных кругах батальон, имевший больше всего боевых задач и, соответственно, потерь. И он, не уловив иронию, подумал, что это же здорово — ему, молодому лейтенанту, полному сил и азарта, там самое место.

Получив назначения, друзья разобрали свои вещи. У Артёма было два рюкзака — на сто и на сорок литров. И ещё у них на двоих была огромная клетчатая сумка «мечта оккупанта», как у «челноков» в девяностых, в которой Артём при росте сто восемьдесят восемь сантиметров помещался целиком, они проверяли. В этой сумке молодые лейтенанты привезли добротные покупные вещи — броню, пояса, шлемы и другие элементы защитной экипировки. У Артёма экипировки было больше, поэтому Лёха достал своё, а сумка осталась у Артёма. Они крепко обнялись, пожелали друг другу удачи и разошлись.

Артёму велели идти к восточному КПП и там ждать машину. КПП представляло из себя самодельный деревянный шлагбаум, пару шалашей и блиндаж. На КПП несли службу три бойца — двое улучшали шалаша, а один открывал/закрывал шлагбаум

перед машинами. Наш герой с ними поздоровался, скинул с себя рюкзаки и присел погреться на весеннее солнышко, прямо на свою сумку с бронёй. Один боец спросил его:

— Новенький? Куда определили? — Артём ответил, в такой-то батальон. — О, повезло тебе! — почему-то засмеялся боец.

Три часа лейтенант просто сидел и ждал машину, которая должна была забрать его в расположение батальона. Автомобиль, наконец, приехал.

— Ты тот самый фломастер? — спросил водитель.

— Ну-у, наверное... — Артём понял, что угадал: «фломастерами» здесь назывались офицеры, а бойцы — «карандашами».

— Меня просили тебе передать, что ты несёшь полную ответственность за одного из тех, кто сейчас в кузове. Точно не знаю за которого, но если ты его потеряешь по дороге, мало тебе не покажется. Понял?

— Хм-м... понял, чего же тут не понять? Потеряю — сам потеряюсь. Так?

— Точно! — весело заржал водитель.

Он помог лейтенанту загрузить вещи в кузов и залезть в него самому. В кузове было восемь человек — бойцы, карандаши. Артём прошёл вглубь и сел на ящик рядом с одним из них, который тут же ему поведал, что он тоже из этого батальона, был медиком роты, каждую ночь обходил блиндажи и осматривал солдат, а потом был назначен в группу эвакуации...

Его звали Дима, он почему-то сильно нервничал и курил сигарету за сигаретой. И что-то Артёму подсказало, что это и был тот самый человек, за которым он должен был присмотреть. По ходу следования Дима рассказал о батальоне, что комбат, подполковник Ирбис, любит играть в страйкбол, что он сам отличный мужик и в его батальоне служат прекрасные парни. Но почему-то Дима Артёму не понравился, показался каким-то странным.

Ехали долго...

Фрагмент 5. Про любовь

На тряской дороге в голову Артёму лезли мысли не о войне, а о любви — о доме, о родителях, о сестре, о брате, о Кире...

Наш герой никогда не был совсем уж бесчувственным дубовым «сапогом», девушкам он нравился, ими интересовался и в свои двадцать два года, бывало, дело с ними имел, однако гулякой-гусаром не был. В самоволки не бегал и жениться раньше времени, как некоторые его однокашники, не спешил, благоразумно относился этот вопрос к компетенции промысла Божия. Тем более сейчас, на войне. Насмотрелся уже на юных вдов и маленьких детей-сирот. Скрежет зубовой...

С Кирой они встретились как раз перед его отправкой на СВО, но всё же успели погулять по ночному городу... и даже поцеловаться, на большее времени не хватило. Её прощальная слеза обожгла, а на губах застыла сладость поцелуя. Вспышка цвета, звука и запаха! Пузырики шампанского в нос. И главное, он, наконец-то, понял для себя, что такое любовь. А это когда в душе восторг от того, что человек существует. Просто существует. И как бы далеко их ни разбросало, воспоминания и чувства всегда будут с ними.

Но ещё же была мама... И там тоже любовь, да ещё какая. Но это другое, данность. А батя? А сестрёнка? А брат? Как же всё это было разделить на войне? И множество этих своих любовей лейтенант временно слил в одну — любовь к своим. И подумал, что в совокупности с любовью к Кире это и была его любовь к Отечеству, которое он защищал... Уф-ф, совсем запутался! Но он же не писатель, а простой офицер-пехотинец, штурмовик. Придёт время, распутает и этот клубок.

Такие мысли придавали сил и уверенности в себе, хотя тогда он даже не представлял, что его ждёт и через что ему придётся пройти, чтобы вернуться живым и всех своих обнять ещё раз.

Фрагмент 6. Оформление

Наконец, добрались. Машина въехала в какую-то лесополосу, все вылезли, но вещи пока оставили в кузове. Один из часовых сопроводил прибывших к месту построения. Другой боец сказал Диме что-то в духе:

— Зря ты здесь появился, урод!

Построились в одну шеренгу. Было прохладно, но солнечно, мартовская погодка. На Артёме был softshell-костюм. Вскоре из блиндажа вышел на вид суровый, толстый, лысый мужик и, увидев Диму, сразу заорал:

— А ты почему, тварь, ещё не в наручниках?!

Двое бойцов наставили на Диму автоматы и куда-то его увели.

— Заслужил... Будучи в группе эвакуации, он испугался и спрятался. В итоге они не вытащили раненого, за которым их посылали, и тот умер. Сейчас вот, видимо, очухался и пришёл назад. Ещё и ровным пацаном, поди, прикидывался, пока вы сюда ехали? — услышал Артём от сопровождающего.

— Его что, в расход повели?

— Ну что ты... Он сам пришёл, его же не ловили. Вломят, конечно, оформят... а дальше как комбат решит, но под трибунал точно не пойдёт, тут у нас всё гораздо проще.

Лысый мужик представился замполитом батальона с позывным Ритм и спросил:

— Кто из вас офицер? Мне сказали, один есть.

— Я! — поднял руку лейтенант.

Его вызвали первым. Глубокий блиндаж и ещё одна канцелярия, но поменьше, чем в бригаде. Во второй комнате — апартаменты замполита с большим телевизором. Этот блиндаж тоже был хорошо отделан фанерой, в нём было светло и тепло, пыхтел небольшой дизельный обогреватель. Артём снял верхнюю одежду и сообщил личные данные. Его отфоткали с разных сторон и попросили придумать позывной.

Так Артём стал Кочевником.

Закончив оформляться, вышел на воздух. Один из часовых ему сказал, чтобы он забирал с собою в роту и «этого мудака», то есть Диму. Ну, что делать, забрал.

Пришли в расположение теперь уже его роты в соседней лесополосе, где их встретили два ярких персонажа: топограф роты с позывным Воробей — бывалый солдат, много раз ходивший на боевые задачи, а теперь тренировавший пополнение, и замполит роты с позывным Восток в звании младшего лейтенанта, в недавнем прошлом сержант.

Фрагмент 7. Сержанты в офицерстве

Кадровых пехотных офицеров после высших военных училищ сейчас не хватало, и такое было обычным явлением, когда сержанты, имевшие опыт на командирских должностях, за полгода проходили специальные офицерские курсы и становились младшими лейтенантами. Как во время Великой Отечественной войны. Бывало, что эти бывшие сержанты даже исполняли обязанности комбатов, в основном отвечая за документы — контроль личного состава, раненым — отпуска, санатории и тому подобное.

В реалиях СВО пополнять младший офицерский состав через высшие военные училища — это слишком долго. Тем более что молодой офицер, попадая на ЛБС, сразу видел не ту войну, которой его учили, и война ещё и менялась каждые полгода. И как так было быстро перестроить программу обучения в училище? А никак!

Например, ещё год назад не было такого масштабного применения дронов. Что будет через год, не знал никто. Поэтому целесообразно оказалось сделать младшего офицера — командира взвода — из сержанта. Тот уже всё видел, всё знал и понимал и был намного эффективнее на должности, чем выпускник училища.

Выпускников училищ на СВО, как правило, берегли. Их либо ставили работать с солдатами-срочниками вне боевых действий, либо на штабные должности, либо забирали в спецназ. Но и повоевать, конечно, тоже давали, чтобы опыта набирались. Кто хорошо себя показывал, того снова направляли в зону СВО по возвращении из отпуска. А потому что его там ждал командир, привыкший к нему и подписавший на него персональный запрет.

Воинское звание на СВО росло быстро, особенно в пехоте. Лейтенант уже через полгода мог стать старшим лейтенантом, а через год капитаном. Так комбат Артёма, выпускник 2018 года, в двадцать восемь лет уже был подполковником. А командир полка был очень молодым полковником. Быстрый карьерный рост — это плюс пехоты. Но и плата за него была высокая...

А вообще, СВО — это уже, как известно, не столько война людей, сколько война новых технологий.

Фрагмент 8. Kill Zone

Раньше линией боевого соприкосновения (ЛБС, фронтом) считалась узкая полоска ничейной земли — «серая» зона между окопами первой линии. Сейчас «серая» зона, она же «Kill Zone», составляла не менее трёх километров, и в ней полностью хозяйничали дроны. В ней были какие-то пустые траншеи, стояла сгоревшая техника и не было ничего живого, только тела погибших.

Тела собирали лишь тогда, когда фронт сдвигался на несколько километров. Из-за дронов, конечно, которые могли летать аж на двадцать километров и взезде могли долбануть. И офицеру-пехотинцу на задаче приходилось принимать решения с фатальными последствиями в виде потерь личного состава. А потому что на такой войне по-другому просто никак нельзя.

Сама местность на Донбасе — Kill Zone. Это просто поля. Нет там густых лесов. Только лесополосы, в обиходе лесополки, через каждые триста-пятьсот метров. И маршруты движения боевых групп строились в основном вдоль лесополос, прямо в них. А между ними — бегом минимум триста метров через поле, и других вариантов нет. Во-первых, вот на этих-то полях и происходили самые большие потери личного состава: потери от дронов. Восемьдесят процентов всех потерь.

Было и во-вторых, и в-третьих, но об этом позже...

Для борьбы с дронами противника есть противодроновое ружье. Оно стреляет электромагнитным импульсом, который глушит частоту дрона, и он просто падает. Но на это ружье уже придумали управу — дрон на оптоволокне. То есть дрон теперь летит по тонкому проводу, как воздушный змей на верёвочке, и его уже электромагнитным импульсом не заглушить.

Еще изобрели установку, которая управляется искусственным интеллектом: она обнаруживает дрон в воздухе и мощным лазером жарит его, пока он не загорится или не сдетонирует. Техника хорошая, но редкая и дорогая.

Самое доступное и надежное оружие против дронов — простой дробовик. Можно даже обрез. Или охотничья двустволка. Особо на СВО ценится «Вепрь». Это тот же калаш, только дробовик, лучше с длинным стволом. Против лома нет приёма, метров с тридцати-сорока из дробовика дрон сбивается гарантированно. Ну, если, конечно, стрелок опытный и дрона не боится.

Узнав об этом, Артём задался вопросом, что мешает организовать сбор охотничьих дробовиков по стране для фронта. Оказывается, прежде всего — закон, запрещающий их передавать...

Да, свой личный дробовик можно и нужно было бы привезти на СВО, но лейтенант не имел его в хозяйстве, как и изначального понимания его нужности на войне.

Фрагмент 9. «Обесформливание»

В числе прочих открытий, сделанных для себя по прибытии на войну, Артём узнал, что сейчас, как правило, стрелкового боя нет вообще. Наши бойцы занимают позиции, сидят там, и все. Как пешки на шахматной доске. У противника точно так же. Сколько он пытается в Курскую и Белгородскую область прорваться... Садится на американские гусеничные БТР и несётся. Но все эти коробочки наши «птички» сжигают. Подчистую. А люди, кто выжил, разбегаются по лесополкам, и дальше их там наши спеццы ищут и добивают либо дронами сжигают до талого. Вот такая сейчас роль у людей на войне — продавать, прощупать, сесть и сидеть.

Однокашник Артёма несёт боевое дежурство в Крыму. Он рассказывал, что когда к ним через море мчатся на своих модных иностранных лодках штурмовые группы противника, их обнаруживают с помощью спутниковой системы и направляют на них либо дроны, либо безэкипажные катера (БЭК), которые начинены взрывчаткой и идут на таран. Для врага с момента его обнаружения — это безвыходная ситуация, ловушка. Большую часть лодок просто топят, ну а людей в них...

Как-то, в канун широкого празднования дня украинских сил специальных операций — ССО, эти самые силы отправили несколько скоростных лодок с группами своих лучших спецназовцев-добровольцев к берегам Крыма. Их вовремя обнаружили, и наше обычное мотострелковое подразделение — рота, выдвинувшись на позиции по береговой линии, автоматным и пулеметным огнём попросту расстреляла все эти лодки. Вскоре волной их прибило к берегу. Никого живого на борту.

Пуля из ротного пулемёта калибра 12,7 мм, или, по западной терминологии, «пятидесятого» калибра, рвёт тело человека, как обычный винтовочный патрон мелкую птицу, в клочья. У одного верхняя половина торса свалилась вниз, а нижняя осталась сидеть, удерживаемая тяжёлыми берцами. Ещё двоих вообще «дезинтегрировало» одной пулей. А когда пуля отрывает конечность, врачи называют это «травматической ампутацией». Ещё термин — «фрагментация тела», или его «обесформливание». Это когда человека рвёт на мелкие кусочки. Ещё бывает «деформация головы в форму репы» и так далее. В общем, полный набор военно-медицинских терминов, которые лейтенант слышал на занятиях в училище.

Говорили, что спецназовцев для украинского ССО в значительных количествах и за большие деньги готовят в странах НАТО, но в массе своей они вот так просто погибают, даже не прибыв в район выполнения задачи.

Фрагмент 10. Рюкзак на задачу

На той задаче, что предстояла лейтенанту, за его спиной висел рюкзак на сорок литров весом более двадцати килограмм. А в нем — три литра воды (две полторашки), несколько первых блюд из сухпайков, шоколадные протеиновые батончики; две рации (нет, одна в рюкзаке, другая — под рукой), четыре запасные антенны и три выноса для рации — это такой длинный провод: когда сидишь в блиндаже, на один конец прикручиваешь антенну, а на другой конец рацию, и антенну выносишь на улицу, чтобы сидеть безопасно и связь ловить. В поклаже ещё один полный боекомплект патронов, то есть на восемь магазинов. И плюс россыпью на полтора боекомплекта. Получается, на двенадцать магазинов. Ещё четыре гранаты на себе и четыре в рюкзаке. Ещё куртка теплая (на тот момент ночью было холодно), дождевик-пончо и гамаши — это две непромокаемые тканевые полоски с молнией на лодыжке и длиной до колена. Они были очень нужны, чтобы штаны не задирались над обувью и чтобы в обувь не попадали земля, камни и другой мусор, ну и для фиксации обуви, чтоб она не сваливалась с ног, а шнурки не развязывались.

В рюкзаке — всё нужное. БК был рассчитан на длительный стрелковый бой, которого уже обычно не случалось как такового — ну, чтобы в лесополке влобовую, группа на группу, — но патроны всё равно нужны, чтобы, например, зачищать блиндажи и укрытия, да и просто стрелять туда наугад и вслепую закидывать гранатами. Сидит, например, противник в доме, а этот дом уже давно на нашей территории, а противник в нём сидит и ждёт чего-то, вот этих ждунов и выкуривают — гранатами, автоматным огнем, дронами, в общем, чем придётся.

Еще дробовик не помешал бы, но его не было.

А рюкзак на сто литров и клетчатая сумка остались в роте, в блиндаже. Просто как склад личных вещей, чтобы, вернувшись с задачи, можно было переодеться в сухое и чистое.

Картина 3. «ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ»

Фрагмент 11. «Штрафрота» в «штрафбате»

Замполит роты Восток был высоким и крупным казаком, а Воробей — плотным русским парнем среднего роста, малость картавым и шепелявым. Как только они увидели Диму, то изменились в лице и тоже куда-то его услали.

Вся рота сейчас находилась на боевой задаче, в расположении оставались — замполит, топограф, пара опытных бойцов, каптер, старшина и канцеляр.

Сначала с Артёмом общался Воробей, рассказывал ему всякие страсти и заглядывал ему в глаза так, будто высматривал в них сомнение и страх. Однако Артём смотрел на него без эмоций и в лице не менялся.

Дальше с лейтенантом говорил замполит. Сперва Восток показался Артёму страшным человеком, но позже понял, что казах настоящий добряк, просто с расшатанной психикой. Он рассказал про командира роты Фаната:

— Грамотный, чёткий командир, но очень жёсткий, даже я его боюсь.

Артём представил себе Фаната просто вспыльчивым и громким молодым парнишкой, но в реальности тот и впрямь оказался тем, кто может напугать кого угодно. О чем позже.

Замполит вкратце охарактеризовал свое подразделение так:

— Нашу роту называют «исправительной колонией» батальона. Весь наш батальон в целом считается «штрафным», но наша рота в нём самая «штрафная».

— «Штрафбат»? — удивился Артём. — Но ведь это куда через трибунал заезжают. Для военных, которые совершили уголовные преступления, если я ничего не путаю...

— То дисбат. Туда — да, за преступления. А к нам за косяки и залёты, хотя и за преступления тоже. И ещё зомбики. В каждом крупном соединении есть такой условный «штрафбат» с условной «исправительной колонией», куда сливают проштрафившихся. Ну, например, пошёл контрактник в город в увольнение, нажрался там, денег-то у него, как у дурака махорки, попал в комендатуру. Командир хочет от него избавиться. К нам! — Восток презрительно сплюнул на землю и прищурил свои и так узкие казахские глаза: — Или пятисотики — СОЧинцы, например. Заловят его, дезертира недоделанного, дома. Что с ним делать? Вешать по законам военного времени? К нам! А есть еще всякие болявые, кого военкоматы в погоне за показателями прозевали. Он бежит с трудом, а его воевать прислали. И как с ним быть? Домой отправлять? А контракт-то уже заключён. И к нам его на перевоспитание, а-ха-ха!

— Но ведь тогда в нашем бате должны быть большие потери на задачах... — грустно

заметил Артём.

— Так и есть, — коротко и просто ответил казах.

Фрагмент 12. Буза

Откуда-то пришёл Дима. Сам пришёл, на своих ногах. Но Артём не смог узнать его по лицу, хотя и прежнего вспомнить не смог. Видно было, что досталось ему, но он... улыбался разбитыми губами. Видимо, связавшись с комбатом, Ритм провозгласил его наказание:

— Сегодня ты едешь на боевую задачу, ко всем, чмо!

Восток позвал каптера, и тот выдал Артёму и ещё одному новоприбывшему бойцу личное оружие. Артём получил АК-12 модели 2022 года, а карандашу дали АК-12 2016 года в камуфлированном окрасе. Позывной у солдата был Буза. Тридцать лет. В армии не служил и автомат держал в руках впервые в жизни. Ни целиться, ни стрелять — ничего не умел. Был «тормозом». Артём несколько раз показал Бузе, как разбирается и собирается автомат, но он не запомнил. Правила прицеливания при стрельбе не запомнил и подавно.

Когда стемнело, их отвели в блиндаж, где они будут жить. Первое, что они увидели, спустившись туда, — это кошка с тремя котятками на спальных мешках. Блиндаж был наполовину отделан фанерой, остальное — земля. Внутри — нары, стол, буржуйка и полочки. Кругом беспорядок: раскиданы баулы бойцов, бывших сейчас на задаче; множество раскрытых сухпайков; обувь, одежда, личные вещи.

Каптёр показал, где взять дров. Они затопили буржуйку, пообщались и легли спать. Первый день Артёма на войне закончился.

Фрагмент 13. Второй день на войне: подготовка

Встали пораньше. На улице — небольшой туман, который быстро рассеялся. Прохладно и сыро. Выйдя к умывальнику, Артём поднялся на небольшой холм рядом. Перед ним открылся характерный пейзаж — бескрайнее поле, вдали огромный элеватор и левее таких же размеров террикон. Было видно уходящую вдаль дорогу и деревню.

Лейтенант умылся, экипировался и приготовился к занятиям (вчера замполит предупредил, что их будут тренировать). Появился инструктор — боец с позывным Томагавк. Это был опытный мобик, прошедший четыре задачи. Для начала он рассказал, как они группой прятались от Брэдли и танка в лесополке — бегали от ямки к ямке, а противник стрелял по ним фугасными снарядами с километровой дальности. Томагавк был спокойный и вспыльчивый одновременно, ростом чуть ниже Артёма, иногда заикался, а при упоминании какой-либо жести усмехался.

Подтянулись новобранцы из других рот, а с ними однокашник Артёма — Ахмед, прибывший сюда на день раньше. Они очень тепло поздоровались.

Новобранцы были слабоваты и немолоды. На занятиях по связи один из них не смог нормально выйти на связь со своим условным командиром и доложить о приближении условного противника, а при очередной неудачной попытке смутился и чуть не заплакал. Смотреть на это было дико.

На занятиях по огневой подготовке отработывали движение вперёд в тройках: один перебегал, а двое стреляли по мишеням, и так далее. Тир, если его можно было так назвать, представлял собой мишенную обстановку на поле длиной примерно сто пятьдесят метров с расположенными повсюду укрытиями. Мишени были из металла и при попадании пули громко звенели.

Артём с Ахмедом двигались, как их учили в училище. Инструктор даже похвалил Артёма, но сделал это нехотя, с придирками и замечаниями, такой у него был характер.

К слову, стрелял наш герой неплохо и стрелять любил. В свободное время в училище самостоятельно тренировал вскидку оружия, быстрое прицеливание и перезарядку. В любимом страйкболе научился хорошо прятаться за укрытиями и вести стрельбу из неудобных положений. И сейчас с каждого второго выстрела попадал в мишень. Прицеливался тоже довольно быстро.

Ещё в тот день однокашники дважды бросали наступательные противопехотные осколочные ручные гранаты РГН. Тоже всё как в училище, на оценку «отлично». Новичков инструктор обучал с большой осторожностью и боязнью, и когда те кидали гранаты, он всё время стоял рядом, чтобы, в случае чего, мгновенно утащить в укрытие незадачливого метателя боевой гранаты. А то бывало... и роняли, и рядом кидали, бр-р-р.

Потом стрельнули по разу из одноразовых гранатомётов РПГ-26, и Артём... промахнулся. У него не было опыта стрельбы из РПГ-26, в училище они стреляли только

из РПГ-7. И он понял, что дело в его хитрости. Если без технических подробностей... он обычно мудрил со жгутами, чтобы в случае ранения сразу мотать жгут на руку, но в данной конструкции «одноразки» это увеличило толщину лямки, прицел встал слишком высоко, и лейтенант не смог нормально прицелиться. Понятно, что надо было теперь просто поправить свою методику жгутования. Сделал потом.

Настала очередь медицины. Её преподавал медик батальона с позывным Урал — молодой, высокий и чуть пухлый парень. Он имел повадки рэпера, был весёлым и крутым парнем. Артём с ним позже плотно задружился. Урал — мобик. Окончил мединститут и не походил на военного. Как-то потом он сказал Артёму:

— Вот смотришь на тебя, Кочевник, и видно, что ты реальный офицер.

— Почему?

— А у тебя лицо такое, офицерское прям, видно, что военный.

Урал учил новобранцев оказанию первой помощи: накладывать жгут, делать давящие повязки, повязки головы и всё в этом духе. Некоторые новички никак не могли даже нормально наложить на себя жгут, и Урал сказал лейтенантам-однокашникам:

— Пацаны, сорян, из-за этих карандашей я не смогу вам сегодня показать что-то интересное, ща закончим с ними, и я с вами отдельно позанимаюсь.

Фрагмент 14. Третий день на войне: подготовка

Проснувшись, Артём увидел котят, копошившихся в его экипировке. Двое ползали между бронезилетом и поясом, а третий болтался в шлеме. А в своём телефоне увидел «Доброе утро» от Киры. Каждый день она писала ему и спрашивала, как он, явно переживая за него. Количество сообщений от неё не уступало количеству сообщений от мамы, и эти весточки ощутимо придавали лейтенанту сил.

В целом третий день был похож на второй. Артём всё так же пошёл умываться, так же полюбовался красотой пейзажа и подумал: «Как же здесь красиво, даже не верится, что идёт война». Но война шла. Томагавк, Воробей и Урал всё так же готовили к ней двоих лейтенантов и других вновь прибывших, и это ничем не отличалось от вчерашнего.

Артём спросил у Востока, что там с теми, кто вчера убыл на задачу ко всей остальной роте. И услышал в ответ, что Дима и Буза — 200. Лейтенанту стало как-то не по себе. Первый же боец, которого он здесь, на Донбассе, пытался обучить азам обращения с оружием, погиб уже на следующий день. А Дима, выходит, искупил...

Воробей учил пользоваться офлайн-картами на телефоне. В их «штрафном» батальоне у каждого солдата были радиостанция и телефон с офлайн-картой. И вообще их на задачи экипировали очень хорошо.

Томагавк опять учил стрельбе и тактике, а Урал — медицине. День ничем интересным не выдвинулся, всё — как вчера, только люди уже другие сегодня ночью должны были ехать на задачу.

После обеда Томагавк взял лейтенантов-однокашников в лесополосу — объяснить, как правильно её штурмовать. Там он ещё раз поведал историю про Брэдли и танк. Рассказал, как нужно в норке на передке ходить в туалет — бутылки из-под воды не выбрасывать, а справлять малую нужду в них. Выкидывать их из норки сразу нельзя, особенно ночью и зимой, потому что в тепловизор их очень хорошо видно. Зимой их можно использовать как обогреватель, пока не остынут, и только после этого выкинуть.

Ещё рассказал про разные мины, как наши, так и натовские. Про наши мины Артём кое-что знал — марки и основные способы их установки, но Томагавк посвятил во всякие хитрости. Предупредил о заминированных шоколадках и магазинах к автомату. Недавно противник придумал новую мину, похожую на куст: металлический штыр, к которому подвязаны зелёные ветки. Канистру с пластидом и гвоздями прикрепляли к бабке, и та летела куда нужно. «Куст» вставал в вертикальное положение и втыкался в землю. Вот и готова мина с дистанционным подрывом.

Военных хитростей много. В том числе, и таких, к примеру: дроны противника по ночам скидывали в лесополки полные и полупустые бутылки с отравленной водой...

День прошёл. Безлунной ночью Артём вышел из блиндажа и посмотрел в сторону ЛБС. Небо часто озарялось тусклыми вспышками света, издали доносились глухие взрывы. Там прямо сейчас шла война, и скоро он попадёт в её эпицентр, ведь он штурмовик.

Прежде чем заснуть, увидел в сообщениях «Спокойной ночи, сладких снов» от Киры. Она — словно ангел-хранитель. И мама тоже. Попытался представить, что они сейчас чувствуют... и у него невольно навернулись слезы. Он был обязан вернуться к ним живым.

Фрагмент 15. «Русские привозили воду в мою деревню...»

На седьмой день пребывания Артёма на СВО к ним в роту прибыла очередная группа новобранцев, которую нужно было подготовить и отправить на задачу. В этой группе оказался гражданин Ирака. Он почти не понимал русского языка, но вполне сносно говорил по-английски. Артём хорошо знал английский, имея диплом военного переводчика, и ему приказали заниматься с иракцем, научить его азам экипировки, боевой подготовки и так далее. Лейтенант поинтересовался у иностранца, почему тот приехал проливать кровь на русской стороне. Первая фраза, сказанная в ответ, звучала буквально так:

— Russians brought water to my village when I was little.

Этот воин-интернационалист объяснил свою мотивацию тем, что видел в русском народе только светлое и доброе. Он пошел на чужую войну, чтобы отдать долг этому народу за сделанное когда-то доброе дело. По ощущениям Артёма, в словах иракца не было лжи: этот доброволец действительно приехал по зову сердца. Но в тот же день его перевели в другое подразделение, и Артёму осталась неизвестной дальнейшая судьба иракца.

Тогда же лейтенант познакомился с контрактником с позывным Садык. Это толстый и хромой мужик после ранения. В его голосе слышался страх, а говорил он очень быстро и торопливо. Из экипировки у него не было ничего своего. Каптер выдал Садыку стандартный модуль «Монолит» и китайский шлем, больше подходивший для игры в страйкбол, но не для реальной войны.

Оценив экипировку бойца, лейтенант покрякал и предложил оптимальные варианты размещения жгутов, не влезавших у него в нагрудную аптечку. Объяснил, что шлем должен подгоняться в положении лёжа и что бронежилет не должен стеснять грудную клетку, и всё в таком же духе.

Это был второй боец, которого Артём обучал персонально. Садыку было сорок семь лет, и он боялся войны, как ребёнок темноты. Наш герой являл собой противоположность: он понимал, что может ждать его дальше, но не боялся так сильно и хранил спокойствие духа. Впрочем, возможно, потому, что ещё не до конца понимал, как всё может выйти на войне лично с ним.

Фрагмент 16. Дистанционный экзамен

Вечером седьмого дня Восток вызвал Артёма к себе в блиндаж. Вообще-то это был блиндаж Фаната, но Восток остался за комроты, пока тот на задаче. Блиндаж был очень хорошо отделан фанерой, внутри — дизельный обогреватель, стол, флаг бригады, фотографии командования, ноутбук с подключением к интернету по Starlink (на фронте большинство подразделений использует именно его).

И Восток сообщил Артёму, что тот завтра вечером отправится с новым пополнением на задачу, а пока должен идти в блиндаж к Ритму, там на телефоне его ждёт начальник штаба батальона Авиатор для беседы.

Начальник штаба, как и комбат, был кадровым офицером, выпускником высшего военного училища, а не сержантом, прошедшим спецкурсы. Они оба были очень молоды для своих должностей и званий, но факт: на войне, особенно в штурмах, звания росли быстро.

Прибыв в блиндаж Ритма, лейтенант увидел, что его одноклассник Ахмед уже здесь и тоже ждёт беседы с Авиатором. И вот его подозвали к телефону. Артём краем уха слышал вопросы, которые задавал Авиатор. Увы, Ахмед не смог на них толково ответить, и Артём стал ему тихонько подсказывать. Первый, второй вопрос прошли, а затем начштаба попросил испытуемого быстро найти определенную точку на карте. Артём начал подсказывать и спалился, Авиатор услышал его шёпот:

— Кто там тебе подсказывает, а?!

— Никто, товарищ майор, — ответил Ахмед.

— Понятно, тебя ничему не научили в твоём училище, зови следующего, — настала очередь Артёма: — Ну, давай, Кочевник, покажи мне, что хоть тебя чему-то научили в училище.

— Я готов, товарищ майор! — доложил лейтенант и азартно подумал: «Ну, давай задавай свой вопрос!»

— Какие виды связи ты знаешь?

— Проводную, радиосвязь, связь через посыльных, сигналы оповещения... — чётко отгарабил Артём, как на экзамене в училище.

— Ни хрена ты не знаешь! — перебил начштаба. — А все, кто тебя здесь учил эти дни, ни черта не делали, и их надо наказать. Всё, свободен!

Вернувшись в расположение роты, расстроенный Артём встретился с Востоком:

— Ты чё, в натуре ничё не знаешь, не учили, что ли, тебя ничему в твоём училище?! Восток уже был в курсе, что экзамен провален. Артём парировал, мол, Авиатор

задал вопрос не по теме; отвечал, как учили.

— А что был за вопрос и как ты ответил?

— Виды связи, — и лейтенант ещё раз их перечислил.

— Ну ты даешь! — расстроился Восток.

— А какой тогда правильный ответ? Авиатор сказал, что правильный ответ — прямая и через ретранслятор. Но это виды радиосвязи, а не связи в целом. Он специально поставил вопрос так, чтобы я его понял, как понял, и ответил соответствующе.

— Ну, ясно. Получается, запутал он тебя, что на него похоже.

Восток отправил Артёма отдыхать и готовиться к выезду на задачу, ведь уже завтра вечером он должен отправляться на реальную войну с группой новичков.

Чувства испытывал смешанные. Вроде и хотел ехать на задачу... Ведь его друг Лёха там уже пятый день. Но было страшно.

Пришёл в блиндаж, пообщался с Садыком, покормил кошку и лёг спать, утро вечера мудренее.

Картина 4. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Фрагмент 17. Первый выезд на задачу

Проснулся с мыслью, что сегодня ночью он едет на войну. На самую что ни на есть настоящую войну.

Проверил экипировку и пошёл умываться. Позавтракал — чай с печеньем и яблочным повидлом из сухая, всё вполне себе вкусно.

Появился Томагавк и дал ещё несколько советов по выживанию и не только по выживанию:

— Заверни в непромокаемый пакетик на zip-застежке свои документы и носи с собой.

Этот простой совет очень пригодился Артёму и реально помог сохранить документы в хорошем состоянии.

Также Томагавк напомнил лейтенанту, что на войне всем всё равно, кто ты, офицер или боец, работают все, и если нужно взять лопату и копать, то бери и копай, не прикрываясь офицерством, это здесь не прокатит. Часто бойцы общались на ты со своими командирами взводов, ведь взводные ходили на задачи вместе с ними. Впрочем, если задача была слишком опасной, командиры рот частенько берегли своих взводных и бойцов отправляли без них.

День прошёл. Вечером группа Артёма была экипирована и получила всё необходимое. Старшина приготовил очень вкусный плов, и все хорошо поужинали. Перед выездом Артём зашёл в блиндаж вздремнуть.

Написал Кире, сообщил, что едет на задачу. Она ответила: «Пообещай, что вернёшься, ты мне очень нужен». Почувствовал невероятный прилив тепла и сил. Дал ей это обещание и пожелал спокойной ночи. Какое там... как потом выяснилось, она не сомкнула глаз в эту ночь, так сильно за него переживала.

Время — двадцать три сорок. На выход к машине. За плечами полный рюкзак на сорок литров. Машина — точно такая же, что привезла его сюда. Восток пожелал группе удачи и сказал лейтенанту, чтобы тот не вздумал погибнуть. Загрузились. Водитель предупредил:

— Так, ребяташки, если вы вздумали немного поспать по дороге, спешу вас расстроить, не получится! Дорога — как после бомбёжки, что, в принципе, так и есть, но мы всё равно поедом с ветерком. Советую держаться покрепче за что найдёте.

Артём достал свой рабочий телефон из специального нагрудного подсумка и открыл карту. Ещё раз проследил основные маршруты и точки, примерно наметил путь. Ведь Воробей говорил, что есть вероятность того, что автомобиль не доедет до той деревни, где группа должна расположиться, и придётся какую-то часть пути проделать пешком.

Ехали около четырёх часов. Лейтенант пытался заснуть, не получилось, водитель не соврал. Тряска такая, что то и дело подлетаешь в воздух, и приходится заново усаживаться на свое место. Пришёл какой-то азартный мандраж. Артём не боялся. Ну, почти. Это, скорее, волнение, а не страх.

И вот наконец-то куда-то приехали. Это был небольшой и сильно потрёпанный городок. Разгрузили для тамошних гражданских обитателей передачку — различные припасы. Затем группа пересела в «багги» — обычный УАЗ-таблетка, но с обрезанной крышей. Водитель этой чудо-машины сообщил:

— Так, парни, здесь начинается опасная территория. Поедем быстро, смотрите за

небом и по сторонам, там бывает «грязно». Сразу орите, если что, птички очень любят машины.

Тронулись. Артём надел противоосколочные очки и дослал патрон в патронник. Было немного страшновато. Смотрел во все стороны, его бойцы тоже. Потом он распределил сектора наблюдения и посадил всех спинами друг к другу. Так получилось организовать грамотное наблюдение.

В этот момент лейтенант понял: шутки закончены, учёба тоже, пора брать инициативу в свои руки, ведь он — командир, а эти бойцы, хоть и старше его, но ничего не понимали в военном деле и порой вели себя, как испуганные дети. Тут он самый старший, и только он мог правильно оценить обстановку и принять нужное решение. Своя и их жизни теперь в его руках.

Да, теперь он вполне был и чувствовал себя командиром, который заботится о своих бойцах и переживает за них. Но если, будучи командиром штурмового подразделения — группы, взвода, роты, батальона, — будешь чересчур переживать за каждого погибшего солдата и беречь личный состав слишком сильно, то так и с ума сойдёшь, и задачу не выполнишь. Это война. И здесь тоже, как говорится, кто на что учился.

Фрагмент 18. «Джамбо»

Ехали через поле по накатанной грунтовой дороге вдоль лесополос. По пути встречались как те, кто заезжал, так и те, кто откатывался с задачи. И все всегда друг друга приветствовали жестом «Джамбо», или «Шака»: большой палец и мизинец оттопырены, остальные пальцы прижаты к ладони, а кисть обращена тыльной стороной к субъекту приветствия. Это реально создавало ощущение единства и братства. Незнакомые друг другу военные уважали себя и тебя, приветствовали и считали братом по оружию. Видя тебя впервые в жизни, они были готовы тебе помочь всячески и поделиться с тобой последним. Так же как и ты.

«Джамбо» на войне — это не то что на гражданке, где «Джамбо» означает — предложение выпить (с характерным опрокидыванием), разговор по телефону (с прикладыванием к уху) или молодёжный мем «обоюдно».

Фрагмент 19. Пересадка в Селидово

Прибыли в Селидово, что в часе езды от Донецка. Город был в зоне досягаемости вражеских дронов. На некоторых участках над дорогой натянуты рыболовные сети: как ни странно, это нехитрое изобретение неплохо защищает.

Группу встретил один из медиков батальона с позывным Шмель. Спросил, кто командир, и показал Артёму, куда идти и какая машина их повезёт дальше. Удивился, что Артём так молод. Пообщались, лейтенант немного рассказал Шмелю о себе.

На нужной точке за ними приехала красная «Нива». «Отличный цвет для того, чтобы не выделяться...» — с сарказмом подумал Артём.

Водитель, довольно пожилой мужчина, тоже удивился молодости лейтенанта, а тот, в свою очередь, удивился тому, какие немолодые люди воюют на Донбассе. И опять Артём почувствовал единение разных поколений на базе общего большого дела. Это необычное для него и очень приятное чувство. Оно, очевидно, знакомо всем на войне.

Очередной водитель предупредил о том же, о чем и предыдущий:

— Мужики, дальше ещё опаснее. Птички летают практически постоянно. Смотрите в оба и будьте готовы выпрыгивать из машины по моей команде.

Артём положил рюкзак на колени, а автомат поставил стволом вверх возле ноги.

— Обычно как проходит поездка? — поинтересовался у шофера.

— Ну, обычно я всегда доезжаю, слава Богу, — усмехнулся тот и перекрестился.

Поехали в деревню, что ближе к передку, но не на сам передок, рядом. Дорога тянулась все так же вдоль лесополос, была наезженная и напряжённая. Чем ближе к передку, тем больше сгоревшей техники попадалось. В какой-то момент выехали на асфальт. По обочине сплошь подбитый транспорт. Вот «Нива», вот БМП, вот даже танк.

Фрагмент 20. Первые 200

Подъехали к той деревне, куда должны были в случае чего идти пешком. Артём посмотрел налево и увидел... словно край земли. Чистое поле простиралось довольно сильно вверх, но это был не холм, а протяженное вдаль возвышение. Создавалось впечатление, что там вдали обрыв и пропасть. Красиво!

На дороге лейтенант обратил внимание на недавно сгоревшую багги. Рядом два тела. Это первые погибшие, увиденные им. Никакого ужаса или испуга не испытал. А

просто потому, что давно решил для себя воспринимать тела погибших как неизбежный элемент окружающей среды на Донбассе. Лежат себе и лежат. Он выкинул из головы, что это чьи-то сыновья и отцы: он уже перестроил свои мозги на войну.

Не нужно, проходя мимо каждого тела, думать о том, что это был человек со своей жизнью и близкими, которые его уже не дождутся, и неизвестно, дождутся ли хотя бы тело. Дроны не давали группам эвакуации выносить тела с поля боя, и оно было усыпано трупами, пока фронт не сдвинулся вместе с зоной охоты с неба на людей.

Заехали в какой-то амбар. Ура, наконец-то добрались в пункт назначения!

Фрагмент 21. Амбар

В амбаре пахло золой из печи. Дымилась какая-то куча пепла, видимо, жгли мусор. Группу встретил боец с позывным Некромант, худощавый парень ростом чуть ниже Артёма, по повадкам явно из заключённых, одет в softshell multicom, на голове чёрная шапка. Вёл себя очень агрессивно — орал, чтобы все быстрее выходили из машины и строились в одну шеренгу.

Группа Артёма состояла из пяти бойцов: Булка, Садык, Рига и ещё двое. Из всех Рига был наиболее годен к военной службе, низенький мужичок тридцати трёх лет, уже имевший за плечами несколько задач в другом подразделении.

Некромант велел показать ему «радейки» для проверки правильности вбитой в них частоты. Артём открыл подсумок, висевший справа на груди, чтобы Некромант взял оттуда рацию. Тот выдернул рацию и прошипел:

— Чё, салабон, сам достать не можешь?

Лейтенант было собрался втащить Некроманту за салабона, да так, чтобы на зад присел, но не стал. Мало ли к чему это могло привести. Просто злобно зыркнул на него.

Некромант проверил рации у всех и спросил:

— Кто из вас офицер?

— Я!

Некромант выразил удивление во взгляде, видимо, не ожидал, но тона не понизил:

— Ты идешь к Фанату. Остальные за мной. А тебя Сворог ответит.

Так и сказал: Свор г, а не Сварог.

Сворогом оказался высокий картавый парень, рыжий и с веснушками. Он был из группы эвакуации — эвака: вытаскивал раненых и погибших с поля боя.

Они пошли через амбар на выход с другой стороны. Из какого-то закутка амбара раздавался агрессивный мат, усиливающий просьбу больше тут не ходить, с пояснением: «Палите норку». Так называли любое безопасное место, отсюда и термин «занориться».

Путь на выход из амбара лежал через морг, куда эваки привозили тела погибших. Кто-то попросил Сворога помочь спустить мешки с тележки. Тот помог, и они проследовали наружу.

— Птички тут летают двадцать четыре на семь, а ночью вообще капец — бабки бомбят тээмками всё, что движется и откуда исходит тепло.

Артём понимающе кивнул и уточнил:

— А куда мы идём?

— Сначала к комбату. К Ирбису.

Картина 5. ТОЧКА НОЛЬ

Фрагмент 22. Камики летят в один конец

Шли через разрушенную деревню. Мирных жителей не было, только наши бойцы из разных бригад. Это точка ноль, откуда попадали в Kill Zone — зону смерти, «серую» зону. Все дома разрушены, везде мусор, но мертвые тела убраны.

Все двигались быстрым шагом или бегом. Те, кто поопытнее, ходили в тапочках, шортиках и футболках, как дома. Артём сначала этого не понимал, но со временем перенял эту манеру и ходил в точке ноль без брони и шлема, только с автоматом.

Сворог притормозил:

— Слышишь?!

Вдалеке послышался противный высокий звук «ж-ж-ж».

— Это камик! Быстрее сюда!

Они забежали в какой-то гараж и прикрыли железную дверь, оставив маленькую щёлку. Дрон-камикадзе приближался. Артём снял автомат с предохранителя.

— И не пытайся, всё равно не попадешь.

— Ты меня ещё не знаешь, боец.

Дрон, по звуку, совсем рядом. В кровь выплеснулся адреналин. Артём изготовился к быстрому прицеливанию... но дрон пролетел мимо.

— Может, это наш?

— Нет, что ты! Запомни, камики всегда летят в один конец и никогда не возвращаются. Они ищут технику и скопления людей. Если идешь один, он может тебя и не тронуть, но если он не находит желаемую добычу, то нападает на одиночек или ползущих раненых, а если же и их не находит, то может врезаться в любой целый дом или даже в мертвое тело, чтобы его потом тяжелее было собрать и опознать. Противник старается выжать максимальный КПД из каждой своей птички. Мы воюем с пидорами, не забывай.

Артёму казалось забавным, что и нами, и нашими врагами использовалось слово «пидоры» применительно друг к другу в одинаковом смысле. «Война пидоров» какая-то, получается. А говоря дипломатично — война братских народов или одного народа, как еще во времена междоусобиц в Древней Руси под властью враждующих князей и как век назад в виде Гражданской войны. Просто сегодня наши «братья» немного заблудились в мировоззрении и понимании того, кто им друг, а кто нет. Промытый пропагандой мозг, к сожалению, тяжело избавить от глупостей. Так объяснил для себя лейтенант казус «войны пидоров».

Фрагмент 23. Смотрины у комбата

Шли они ещё километра полтора и, наконец, дошли до нужного дома. Их встретили часовые. Артёма проводили внутрь и велели разрядить оружие и снять всю экипировку, после чего он спустился по вертикальной лестнице в погреб, прошёл по длинному подземному коридору и уперся в ковры, висевшие на проходе, раздвинул их и спросил:

— Разрешите войти?

Через пять секунд послышался расслабленный голос в ответ:

— Да.

В помещении находились четыре человека в майках и тапочках. Двое сидели с планшетами за столом. Третий сидел на разложенном старом диване, а четвертый на нём же лежал, видимо, спал. Тот, что сидел на диване, велел Артёму присесть на табуретку. Это был начштаба, тот самый Авиатор, который экзаменовал лейтенанта по телефону.

— Ну что, удивишь нас своими знаниями? — спросил Авиатор, молодой майор с плотным телосложением, черными глазами и волосами.

— Только в хорошем смысле, — добавил проснувшийся комбат с позывным Ирбис, тоже молодой офицер с голубыми глазами и светло-русыми волосами. Он встал с дивана и посмотрел на лейтенанта с нескрываемой предвзятостью и ехидной улыбкой. Артёму стало не по себе, ведь его судьба была в руках этого человека. — Ну, давай начнём с простого. Доложи мне ТТХ АК-74 и АК-12 и чем они отличаются, — на этот вопрос Артём ответил без проблем. — Хм-м, ладно, а скажи-ка мне все формулы поправок при стрельбе из автомата, — на это Артём тоже ответил уверенно. — Какую формулу должен знать каждый военный?

— Дуй в тысячу.

Авиатор одобрительно покивал:

— А ты не такой тупой, как я думал, возможно, я ошибался.

— Подожди-ка, это ещё не всё, — пробурчал Ирбис. — Какова прицельная дальность стрельбы из пулемёта ПКП? — Артём ответил. — Калибр пистолета Макарова?

— 9 на 18.

— Уверен? Не 9 на 19?

— Уверен. 9 на 19 — это Ярыгин.

— Ладно. Что ты ещё знаешь?

Это трюк: позволить самому определить свой объем знаний и потом выбрать из этого объема тему посложнее и начать её потрошить подробно. Попадался Артём в училище на зачётах на такую уловку преподавателей, научен был. Поэтому тщательно держался в рамках того, в чем реально разбирался. Ирбис понял, что лейтенант выкупил его трюк и после своего «хм-м» поинтересовался темой дипломной работы.

— Организация связи в лесистой местности.

Тут Артём с испугом подумал, что сейчас-то Ирбис и потопит его на этой теме через реалии СВО. Ведь дипломная работа писалась по уставам с использованием лишь начального опыта СВО. Причем в ней нужно было ещё и выдвинуть свои предложения по улучшению качества связи, но что он мог тогда предложить? За такие предложения боевой офицер его засмеёт. Но делать было нечего, и лейтенант кратко изложил свою дипломную тему, после чего посыпались вопросы: а как бы он это всё организовал здесь и сейчас? И почему именно так? Артём как мог отвечал и в некоторых деталях даже был уверен.

Плавню переходили к ТТХ радиостанций различных типов, а это было слабым местом

в знаниях Артёма. Он мало разбирался в радиостанциях, кроме «Азарта» и «Р-168». «Азарт» — редкая вещь в реалиях СВО. Эта радиостанция как бы не для всех. Для обычных бойцов она слишком сложная, впрочем, как и для большинства командиров. С ней хорошо могли управляться только сами связисты. А что касается «Р-168»...

— А стошестидесятвосьмые мы не используем, старье громоздкое, — сказал Авиатор.

Ирбис же, слушая неуверенный рассказ лейтенанта о ТТХ радеек, вдруг обнадежил:

— Честно, я и сам их не знаю. Рассказывай, мне интересно.

Артём почувствовал себя свободней и принялся попросту из головы сыпать предполагаемой цифирью.

— Ладно, хватит, вижу, не дурак, но и поучиться тебе ещё не помешает... Вопросы есть ко мне?

Артём не очень любил этот стандартный вопрос о вопросах, ведь они есть всегда, но, как назло, быстро их вспомнить и четко сформулировать никогда не получается.

— Вопросов нет.

— Всё, иди к Фанату, до встречи!

Лейтенант расценил исход экзамена как удачный. Похоже, он оставил о себе хорошее впечатление. А раз комбат остался им доволен, значит, и с ротным проблем не будет, подумал Артём и ошибся.

Фрагмент 24. Фанат

Сворог повел Артёма по деревне к её западной окраине. Рядом сыпались миномётные прилёты. Свист: «вжы-ы-ух». И взрыв: «бах».

В первый же день лейтенант научился понимать, когда мина упадёт далеко, а когда близко. Если этот свист «вжы-ы-ух» был замедленный, глухой и протяжный, значит, мина упадёт далеко. А вот если свист был быстро нарастающий и отчётливый, значит, нужно мгновенно падать на землю. Ну а мину, которая летит прямо в тебя, наверное, услышать и не получится.

Уже были мины и пострашнее, так называемые Польки. Они не свистели, и о них узнавали только после взрыва. Это прескверно. Если обычную мину услышишь на подлёте и имеешь шанс спастись, то Полька сводит твои шансы к нулю.

Зашли во двор частного домика. Сам домик был наполовину разрушен, но под деревьями стояли целыми: дровник, сарайка, небольшой гараж и подвал. Их встретил лейтенант с позывным Зверь, молодой парень среднего роста с рельефной мускулатурой. Познакомились.

После училища Зверь распределился в спецназ, но из-за конфликта с начальством (ударил командира) оказался в «исправительной колонии». Он был вспыльчивым, но весёлым. В училище занимался армейским рукопашным боем, и теперь никто из солдат с ним никогда не спорил.

Неподалёку бегал боец с позывным Самосвал — ординарец командира роты. Он заправлял генераторы, ходил за посылками на точку эвакуации, на ночь менял генератор на батарею. Это был суетный мужичок лет сорока, среднего роста, в хорошей форме и с часто-часто бегаящими глазами — нистагм, так называлась эта его болячка.

Зверь предложил Артёму спуститься в подвал. Отодвинув тонкий ковёр, висящий на входе, и нагнувшись, лейтенант попал в тесное помещение. Небольшой стол, тумбочка и самодельная лежанка, похожая на кровать. На тумбочке чайник, стаканы, кофе, сахар. На столе две автомобильные радиостанции, два планшета, два телефона, пепельница из жестяной банки и дорогой серебряный портсигар. Фанат много курил: две пачки сигарет за сутки.

Комроты с позывным Фанат оказался татаринем среднего роста, с низким и грубым голосом, с чёрными глазами и острыми чертами лица, сильно заросшим, что говорило о том, что он уже давно на задаче. На задаче никто никогда вообще не брился, не говоря о стирке и помывке. Носки и трусы просто меняли и выкидывали раз в три-четыре дня, а душ принимали влажными салфетками.

Артём попросил разрешения войти.

— Да, — тихим голосом отозвался Фанат и велел Артёму сесть рядом.

Лейтенант почувствовал себя в напряженной атмосфере. Похоже, Восток не преувеличивал. Угрюмое выражение лица, злобный взгляд, нарочито приглушенный голос. Даже шевелиться не хотелось, чтобы не издать слишком громкий звук. Пока работал дизельный обогреватель и создавал шум, пошевелиться ещё было можно, но Фанат выключил аппарат, и повисла гробовая тишина, были слышны даже шаги на улице.

Фанат раньше был сержантом и командиром штурмовой группы, сам ходил на

штурмы и вернулся живым, закончил офицерские курсы и вместе с Востоком стал офицером. Штурмы сделали Фаната жестоким, но самым эффективным командиром роты в батальоне. Все сложные и, казалось бы, невыполнимые задачи доставались ему. Положительные качества грамотного и рационального командира, какой призван побеждать, сочетались в Фанате с безжалостным хладнокровием. Гибель солдат на задаче он принимал как обыденную данность и не терпел, когда ему кто-то жаловался на боль или усталость, резко смешивая таких с грязью.

Сейчас Фанат работал: заводил штурмовиков на маршрут, отслеживая на планшете трансляцию с дрона и отдавая команды по радиостанции. Это были те новобранцы, что прибыли на Донбасс вместе с Артёмом.

Фрагмент 25. Садык и Булка

— Смотри, как сейчас война проходит, — Фанат взял рацию. — Садык, Садык, я Фанат! — Садык откликнулся. — Сейчас бери всех, бери всех, и выходите на тропинку, на тропинку. Булка первый, ты — замыкающий.

— Садык принял.

На планшете было хорошо видно, как три наших штурмовика в лесополосе вылазят из норки. Артём спросил:

— Где они сейчас?

Фанат назвал точку. Артём открыл карту у себя на телефоне. Это была уже Kill Zone. До противника — два километра. То место ощущалось как точка невозврата, зайти-то на неё можно, но когда дадут команду на откат, как-то ведь придётся проходить под дронами все эти открытки.

...И вот мужики дошли до края лесополосы, и им нужно было «прыгнуть» через открытое перепаханное поле в другую лесополосу. Артём замерил на карте расстояние, вышло около двухсот пятидесяти метров. Садык отправил вперёд Булку и второго мужика. Фанат кричал в рацию:

— Скажи этим дебилам, чтобы дистанцию набрали, не толпитесь, суки!

А толпиться было, действительно, нельзя, на открытке надо держать дистанцию минимум сто метров, чтобы не создавать групповую цель, которую можно уничтожить одним точным попаданием. Но второй мужик, видимо, очень боялся идти один и шёл рядом с Булкой, очень близко. Видно, страх подавил здравый рассудок и включил стадный инстинкт. Он знал, что нельзя держаться впритык друг к другу, но всё равно прижимался. Фанат кричал уже персонально этому мужику (рация была у каждого бойца):

— Ты, придурок, набери дистанцию, вы так оба сдохнете, идиот!

Мужик попытался отстать, но не смог, страх упрямо заставлял его двигаться рядом. И тут... Артём увидел, как между штурмовиками земля встала на дыбы, и оба упали.

— Булка, Булка, я Фанат! — Фанат попробовал вызвать Булку, но уже без толку. — Скот, подлети ближе! — приказал командир по другой рации оператору нашего дрона.

Дрон приблизился, и стало видно, что Булка ещё шевелится и пытается ползти дальше, вперёд. Булка не струсил и не пополз назад, Булка полз вперёд. Он выглядел вовсе не героически, но он полз вперёд.

Нельзя было понять, что конкретно у него перебито. Фанат начал подбадривать бойца:

— Булка, красавчик, ползи, двести метров осталось, не сдавайся, всего двести метров!

Но двести метров ползком в полной экипировке преодолеть было невозможно для толстого мужика.

Приуменьшать проблему — к этому вообще склонен каждый на войне. А потому что так задача кажется выполнимой, и ты изо всех стараешься с ней справиться.

Над Булкой завис дрон-сбросник.

— Булка, над тобой птичка с гранатой, попытайся увернуться от неё!

Не увернулся. Граната попала Булке точно в спину. Было видно, как что-то от бойца оторвалось и кровь залила землю.

— Сука, — пробормотал Фанат. — Садык, Садык, я Фанат!

— Садык на приёме... — донесся дрожащий голос.

— Как там небо?

— Очень грязно, Фанат, жужжат много очень!

Прилетели камики. Видимо, противник принялся искать цели и обнаружил Садыка.

— Фанат, они меня заметили, две штуки кружат возле меня!

— Найди толстое дерево и маневрируй от них, попытайся сбить их из автомата!

Садык нашёл толстое дерево, но бегать вокруг него быстро он не мог из-за своей физической формы. Дроны стали облетать его с двух сторон. Один упал рядом. Садык

попытался оббежать ствол, но осколки взорвавшегося дрона покосили ему ноги, и он упал, став очень хорошей целью. Следом тут же спикировал второй дрон и ударил в бок Садыку. Бойцу оторвало руку и вскрыло бок. Как жестяную банку острым консервным ножом. Несколько секунд он потрясся в судорогах и умер.

— Ну как тебе, а? Этому вас учили в училище? — спросил Фанат Артёма, не отрываясь от планшета.

Лейтенант молчал. Тишину нарушил Скот:

— Фанат, я на подзарядку.

— Да, — разрешил командир. Он достал из своего роскошного портсигара сигарету, прикурил её зажигалкой Зирра и сделал длинную затяжку: — Рига, Рига, я Фанат.

Фрагмент 26. Рига

— Рига на приёме.

— Берив второго, и выдвигайтесь на точку Садыка. Надо перебраться в ту лесополосу, у нас там должен кто-то быть.

— Есть, Фанат, пять малых на сбор?

— Да.

«Малые» — это минуты.

— Ну, давай покумекаем немного, — обратился Фанат к Артёму и, сперва задав несколько вопросов касательно его биографии, перешел к тактике: — Да, большая часть устава сейчас хрень полная, не отвечает современным требованиям, но знать его надо. Краснодипломник, значит? Ну, посмотрим, поможет тебе твой красный диплом выжить или нет. До этого нам ещё не присылали летёх из училищ.

— Фанат, я Рига, мы готовы, — донеслось из рации.

— Хорошо, выдвигайтесь! — они дошли до точки и доложили. — Подождите, сейчас глазки мои прилетят, и пойдём.

Дрон прилетел, и штурмовики оказались под наблюдением. Фанат дал команду двигаться. Мужчины шли грамотно, держа дистанцию. Ничто не предвещало беды. И тут противник решил ударить так, чтобы дотянуться до обоих. Сто двадцатый миномёт закинул мину между ними ближе к мужику, который шёл позади Риги. Тот упал замертво на спину, и было видно, как с его головы слетел шлем. Ригу тоже задело, но не так сильно.

— Беги быстрее, Рига, беги, не останавливайся и не падай!

И Рига бежал, хромал, но бежал. Он испытывал огромный страх, который предстояло испытать и Артёму, но не на этой задаче. Рига добежал до лесополосы и упал:

— Фанат, я не могу идти дальше, ноги ватные! — закричал в рацию Рига.

— Скоро стемнеет, ищи, где спрятаться, зажгутуйся и сделай повязки!

— Куда спрятаться, Фанат, тут нет норки вообще!

— Жди, сейчас придумаю что-нибудь.

Фанат вышел на связь с другими подразделениями и выяснил, что в той лесополке уже есть люди, которые сидят в какой-то норе, и там найдётся место для Риги. Но проблема в том, что нора — метрах в пятистах от него. Фанат сообщил Риге точку на карте, куда ползти, но боец был дезориентирован от кровопотери. И тогда командир снова связался с теми, что сидели в лесополосе, и те стрельнули пару раз в воздух, чтобы Рига нашёл их норку по звуку. Он пополз и временами выходил на связь, но с каждым выходом голос был всё слабее и апатичнее, а скорость движения падала.

— Рига, сука, ползи, у тебя осталось минут тридцать от силы, потом стемнеет, и прилетит бабка!

— Я больше не могу, Фанат, не могу ползти...

— Ползи, сука! Это твоя жизнь!

Бойцы из норки стрельнули в воздух ещё несколько раз.

— Рига, слышишь выстрелы? Ползи на них, ползи на звук, там наши, там норка, там отдохнешь!

В ответ молчание.

— Рига, Рига, я Фанат!

Молчание.

— Рига, Рига, я Фанат!

Снова молчание.

— Всё, он не смог... — произнёс потухшим голосом командир.

Но он не терял надежды и ещё в течение тридцати минут пытался достучаться до Риги. После продолжительного крайнего вызова жирно написал в своем списке личного состава роты рядом с позывным Рига число 200.

— Иди, подыши пока, потом зайдешь, — сказал Артёму.
Видимо, хотел остаться один. Лейтенант молча вышел наружу.

Картина 6. НОРКА

Фрагмент 27. «Бомж» войны: без норки

На улице Артём побыл лишь несколько минут, пообщавшись со Зверем и Самосвалом. Дольше там находиться было нельзя, скоро уже ожидалось ночные дроны — мощные гексокоптеры «Баба-яга», в обиходе — бабки, или старые. Все спустились в подвал, где и вдвоём-то было тесно, а четвером тем более. Фанату эта теснота очень не нравилась. Самосвал запер дверь, завесил её спальным мешком и остался спать на лестнице.

Комбат дал добро Фанату на отбой, и Зверь подменил его на управлении ротой. Артёму Фанат спать не разрешил и велел смотреть, как проходят ночные действия.

После того как комроты заснул, Зверь сказал, что ничего интересного этой ночью не будет и Артём может идти спать. Лейтенант ещё какое-то время посмотрел трансляции с дронов и задремал, сидя на лежанке и положив голову на тумбочку.

Но он не спал. Артём был на грани между сном и явью и слышал и видел всех, кого любил. Ему казалось, что они все здесь, рядом с ним. Эх-х, как ему хотелось оказаться в объятиях Киры и поесть вкусной маминой еды.

Очнулся от сильного тычка в спину. Это был Фанат:

— Тебе кто разрешал спать?! Ты должен следить за тем, как идёт война, и учиться! Похоже, ты не понимаешь, где находишься. Завтра утром идёшь с Самосвалом искать себе нору. У вас будет много времени до вечера.

Похоже, Артём дал повод для выплеска сдерживаемого гнева. Ему показалось, что всё говорится хоть и со зла, но не всерьёз. Посмотрел на часы — четыре ноль ноль.

До восьми утра лейтенант сидел рядом со Зверем и наблюдал за обстановкой. Стыд съедал его, но было и страшно. Любое замечание Фаната звучало как приговор. Но он же не знал, что ему совсем нельзя спать!

Восемь ноль ноль. Фанат проснулся:

— Почему ты ещё здесь? Ты помнишь, что я ночью тебе говорил?

— Помню.

— Тогда иди и ищи себе норку! Если не найдёшь, то копай! — заорал Фанат, так что Артём почувствовал себя увядшим цветком и тут же выскочил из подвала, разбудив Самосвала.

Они пошли в сарайку — кладовую роты. Сарайка была с металлической дверью и сделана из шлакоблоков. Самосвал открыл дверь, и они оказались внутри.

Артём поник, он не знал, что делать и куда идти, тем более, где копать.

— Да, братка, разозлил ты его. Не против, если на ты будем?

— Нет, мы все тут в одной лодке, — ответил лейтенант слабым голосом.

Попили чаю из сухпайка. На улице были слышны утренние миномётные взрывы. На войне утро начинается с них, а не с кофе.

— Да, командир у нас такой, скажем так, не слишком добрый. Его все боятся.

— Я заметил, трудно с первого раза такого человека не испугаться.

Какое-то время ещё посидели в тишине, только изредка были слышны пролетающие дроны и далёкие взрывы мин.

— Пойду искать норку, — сказал Артём, поднялся, взял автомат и собрался уходить.

— Тут все норки давно заняты. Вряд ли что-то найдешь.

— А я попробую, всяко лучше, чем просто сидеть и думать.

И лейтенант, надеясь на свою удачу, вышел на улицу. Взгляду открылось большое разрушенное село. Повесил автомат на шею и пошёл со двора. Руины села были хорошо видны с дороги, вдоль которой тянулась небольшая лесополка с хорошими, густыми кустами. Артём заметил её, чтобы, если что, в ней копать.

Никогда бы он не подумал, что командир в гневе выгонит его на улицу и заставит искать себе убежище — норку. Конечно, это сделано в воспитательных целях, но для Артёма это было дико. Он расценил это как попытку избавиться от него и долго ещё не забывал, даже когда у него наладились нормальные отношения с Фанатом. Этот урок лейтенант запомнил на всю жизнь.

Он чувствовал себя, как будто оказался в игре Stalker. Все куда-то шли, везде разлука и кругом смертельная опасность. Навстречу попались два бойца, которые тащили несколько рюкзаков, а за ними бежала маленькая чёрная собачка. Бойцы были без брони и в саже.

— Здорово, мужики, не знаете, где тут норки свободные есть?

— Нет, брат, нам бы самим найти что-нибудь, сегодня ночью бабка скинула гостинцев нам, сука, — ответил один из них.

— Понял. Ладно, мужики, удачи вам.

— Тебе тоже. Слушай, у тебя автомат, застрели эту собаку, она сейчас привяжется и спалит нам позицию, когда бегать будет.

— Нет, брат, я не буду этого делать.

— Ну пожалуйста! Она же нам и спалила прошлую норку, выбежала на улицу, и бабка её увидела. Стрельни разок.

— Нет, сказал же.

Они разошлись. Артём пошёл по улице дальше. Вдруг раздался крик из лесополки:

— Воздух!

Артём помчался к ближайшему дому и запрыгнул в разбитое окно. Взял автомат в руки и изготовился. Это был дрон-камикадзе, искавший свою добычу. Этот проклятый звук жужжания... Но, видимо, камик не нашёл желаемое, а Артём ему так и не попался в поле обзора...

Эти дроны подобны диким летучим хищникам, которые рыщут в поисках добычи повкуснее, а если не находят, то нападают на всё подряд. Когда ты один попадаешь под прицел, тебе может повезти, потому что дрон предпочитает не убивать одиночку сразу, сперва поищет добычу пожирнее. Но если он тебя приметил, то обязательно вернется, не найдя другой цели.

Опасность миновала, Артём выбрался из укрытия и пошёл дворами через дома, внимательно глядя под ноги и стараясь не наступать на подозрительные предметы.

Навстречу попала группа бойцов. Они окликнули его:

— Эй, кем будешь?

Лейтенант назвал сам и назвал своё подразделение. Мужики, наставив на него автоматы, задали несколько каверзных вопросов, видимо, заподозрив в Артёме вероятного члена вражеской ДРГ. А потому что экипировка у него была модная, без знаков отличия, и двигался он очень осторожно и напряжённо. Однако лейтенант смог убедить их в том, что он свой.

И вот он нашёл целый подвал, аккуратно засыпанный палками. Отодвинул одну и протиснулся на лестницу. Аккуратно спустился в темноту и проник в помещение, отдернув занавеску на входе. Увидел два расстеленных на полу спальных мешка и два автомата, стоявших у стены. Подумал: «Во дебилы! Окажись обитатели этой норки моими подчинёнными, я бы их проучил. Автоматы мог взять кто угодно. И ведь все знают, что в армии нет понятия «украли», а есть понятие... «профукали», мягко говоря».

Выбрался обратно на улицу, поставив палку на своё место, как была.

На связь вышел Самосвал:

— Кочевник, я Самосвал, приём.

— Кочевник на приёме.

— Фанат ищет тебя, зайди к нему.

Артёму это не понравилось, но он вернулся по тому же маршруту. Самосвал встретил его рядом с сарайкой:

— Иди, он тебя ждёт.

Лейтенант быстро скинул с себя экипировку в сарайке и отправился в подвал к Фанату. Спросил разрешения войти и сел рядом с командиром, по его приглашению. Фанат раскурил очередную сигарету и в спокойном и неспешном тоне стал задавать вопросы:

— Куда ушёл?

— Норку искать; вы сами велели.

Фанат выдохнул сигаретный дым:

— Почему не сказал, что уходишь?

Этот вопрос поставил Артёма в тупик. Фанат сам же послал его на поиски норки, он и отправился выполнять приказание, а теперь вынужден тщательно подбирать слова для объяснения своих действий:

— Вы сказали, я сразу и пошёл.

Фанат молча докурил и потушил сигарету. В тишине сигарета сминалась очень громко. Он искрошил окурки об дно жестяной банки с громким скрежетом, рискуя разбудить Зверя, спавшего после ночного дежурства. И... отпустил Артёма пообедать.

Фанат даже не спросил про результаты поисков норки. Значит, не держал зла, просто Артём попал под горячую руку? Ура!

За обедом пообщался с Самосвалом. Бойца звали Андрей, до войны он работал водителем самосвала. Рукастый мужик, мог починить всё.

После обеда вернулся в подвал к Фанату, чтобы, наблюдая за работой командира, вникать в тонкости этой войны. Тот ожидал указаний от комбата и постоянно выходил

на связь с бойцами на позициях. А вечером комроты задал лейтенанту вопрос, который поверг того в шок и трепет:

— Вы норку себе нашли?

— Нет, все заняты, а вырыть не успел.

— И вы решили забить?! — громко и страшно рявкнул Фанат. — Идите ищите, мне всё равно, как вы это будете делать! Если до утра доживете, приходите.

Артём просто остолбенел. Время — двадцать сорок. Сейчас он выйдет, и бабка его убьёт. В сарайку за экипировкой соваться нельзя — сразу заметят вражьи дрончики и сожгут, а в той сарайке вся жизнь роты, можно сказать.

Лейтенант растерялся. Без брони, без оружия ночью под дронами, которые видят тебя, а ты их — нет... А ночи на Донбассе очень тёмные, невооруженным глазом ничего не увидеть.

— Пошли проситься к соседям из полка закрепов. Надеюсь, пустят, — обнадежил Самосвал.

«Исправительная колония» играла все новыми и новыми красками в восприятиях лейтенанта. Даже офицер в ней мог нарваться на такое. Здесь управляемость достигалась за счёт страха.

На ощупь добрались до нужного дома. Андрей постучался и, назвавшись, попросил:

— Пустите на ночь, мужики, не дайте помереть. Ну, если уж для двоих места нет, заберите пацана хотя бы. Молодой офицер, первый день на войне.

— Да вы что, найдётся место для обоих, забегайте скорее! — послышалось из дома.

Они мигом заскочили в открывшуюся дверь, которую сразу же закрыли.

«Спасибо тебе, Андрюха, спасибо, Самосвал, за то, что спас мне жизнь, я тебя никогда не забуду. Ты — настоящий русский солдат», — подумал Артём.

Фрагмент 28. У закрепов

Все окна заколочены. В доме три помещения: прихожая со спуском в погреб, гостиная и спальня, но различия едва угадывались за отсутствием мебели, кроме стола и скамейки, и всё было в земле.

На столе — миска со сладостями, чайник, чай, кофе и сигареты. На полу работала мини-горелка с насадкой под плиту, и над ней висела кастрюлька. Хозяйка пригласили гостей к столу поужинать. Их было трое: Димон, Алмаз и Леший, все 45+.

Алмаз — старший. Бывший зек. Худой, пучеглазый, сиплый и спокойный. Отличный стрелок. Сбивал птичек постоянно и относился к числу тех очень немногих, кто мог на расслабоне ходить через поля. Камики — FPV-дроны противника — он издевательски называл комиками. Иногда ради забавы Алмаз разгуливал по деревне в ожидании дрона, чтобы его сбить.

Леший предложил Артёму отведать борща и открыл крышку кастрюли. Борщ был сварен на шпике из сухая и тушенки. Ох-х, какой мерзкий запах! Лейтенант попытался отказать, но Алмаз настоял. Артём не стал артачиться из опасения, что выгонят, и ему налили полную тарелку...

Андрей общался с радушными хозяевами, обсуждая местные новости.

— Чё там наши, смогли зайти на ту точку? — спросил Леший.

— Да, смогли, но немногие, — ответил Андрей.

Артём ел борщ, с трудом сдерживая на лице отвращение. Ужасный вкус, а жирность превышала все мыслимые пределы. Но всё же он осилил угощение и немедленно приступил к чаю с конфетами.

— Может, ещё тарелочку? — улыбаясь, спросил Леший.

— Нет, спасибо, я наелся, правда, — ответил Артём с честным видом в надежде, что настаивать не будут. И действительно, уговаривать не стали, и он с удовольствием испил чаю.

— Как так тебя, молодого офицера, выпнули на улицу ночью? — спросил Алмаз.

— Разозлил ротного, вот и выпнули, — ответил Артём.

— Никогда такого не видел, кроме как в вашем «штрафном» подразделении, — сказал Леший.

— Ну, «исправительная колония» же, — заметил Андрей.

Артём рассказал закрепам про себя подробнее: про красный диплом, про диплом переводчика с английского и про физподготовку на высший балл. Раздался возглас удивления:

— Да тебе в спецы неплохо было бы попасть!

— Не фортануло. Я и сам туда хотел, но вот угораздило.

Перезнакомившись и переговорив, улеглись на пол. Хозяйка дала гостям чем укрыться, и Димон включил какой-то голливудский боевик на своём телефоне, поставив его на скамейку.

Мысли о доме переполняли Артёма. Тяжело было даже представить, что чувствовала мама... и когда он попытался это сделать, у него тут же повлажнели глаза. Он не смог долго представлять ту боль, которую должна была испытывать мать за своего ребёнка, попавшего в такое опасное и страшное место. Сколько же матерей сейчас терпят эту муку...

И ещё он думал о Кире. Какую-то искру она высекла в его душе. Ему хотелось снова оказаться с ней рядом, ощущать её объятия, нежность и заботу. Дождётся ли? Дождётся!

«Так, хватит! Надо взять себя в руки!»

И вдруг...

Фрагмент 29. Бабка

Димон резко поставил фильм на паузу:

— Тихо, слышите?!

Снаружи послышалось низкое жужжание, как будто работала газонокосилка.

— Бабка прилетела, — сказал Алмаз. — Рядом с нашим домом жужжит.

«Баба-яга» могла нести две-три тээмки или три-четыре мины для восьмидесятидвухмиллиметрового миномёта. Ужасное оружие, которое разрывало людей на кусочки.

Все находившиеся в доме замерли в ожидании сброса, естественно, не без страха, но никто умирать не собирался. Послышался лязгающий звук механизма отцепления. Все внутренне сгруппировались. Взрыв! Очень мощный взрыв. Мина упала на соседний дом, а у них посыпалась земля с потолка. Было слышно, как сложился взорванный дом.

— Капец птичникам, там наши дрончики сидели, — сказал Димон. — Если это она на их дом скинула.

— Да, на их, — подтвердил Алмаз.

Бабка ещё немного пожужжала рядом и улетела, видимо, результат её удовлетворил.

Димон возобновил киносеанс, поставленный на паузу. Артём немного посмотрел и уснул.

Картина 7. ОТКАТ С ЗАДАЧИ

Фрагмент 30. Знахарь

Настало утро. Время пять тридцать. Дождливый день. Они с Самосвалом вышли на улицу. Рядом горел дом, и в нём до сих пор продолжало что-то хлопать и взрываться.

Спустились в подвал к Фанату и от него узнали, что сегодня рота откатывается с задачи на восстановление. Командир оставил Андрея на охране, а Артёму, Зверю и ротному фельдшеру, находившемуся в другой части деревни, приказал собирать шмотье и выдвигаться на эвакуацию.

Фанат ушёл к командиру другой роты, чтобы вместе с ним ехать на машине. Зверь же должен был следовать с Артёмом и фельдшером. Собрались, экипировались и двинулись пешком сперва к месту встречи с фельдшером с позывным Знахарь. Там Зверь вручил Артёму свою ВСС — бесшумную винтовку снайперскую для спецназа «Винторез» — и попросил доставить её в тыловое расположение роты в целости. Причину просьбы Артём не понял, но «Винторез» взял, попросили же. А Зверь оставил Артёма и Знахаря вдвоем. Он, даже не попрощавшись, запрыгнул в проезжающую мимо багги какого-то своего кореша и умчался с ним.

Лейтенант с фельдшером тронулись на пару в путь длиной пять километров. По дороге выяснилось, что они земляки, оба из Купино. Поговорили за родной любимый городишко. Знахарь в нём родился, был постарше Артёма. У них оказалось много общих знакомых. Знахарь закончил мединститут в Новосибирске, вернулся в Купино работать в больнице, представлявшей собой исторический памятник, и даже был шапочно знаком с мамой Артёма, трудившейся там же фельдшером.

«Правильно говорят: земляка на войне встретить — как дома побывать, — подумал Артём, отряхивая с ноги прилипший кусок грязи. — Вот мама обрадуется тому, что у меня такой брат появился. Обязательно Знахаря в гости затащит на пироги... Хотя до этого нам ещё идти и идти... по грязи».

Фрагмент 31. Эвакуация

Земляки откатывались с задачи пешим ходом мимо сгоревших машин той же дорогой, которой их завезли на задачу. Навстречу шли солдаты во множестве. Они

заходили на задачу, и каждый что-то на себе нёс.

Путь по грязи оказался долгим и тяжким. Ещё этот «Винторез» Зверю! «Че, он сам не мог его довести, сука?! — злобно подумал Артём. — Странный тип... И Фанату не сказал, что это он мне спать разрешил... хотя и Фанат спать не запрещал, а потом меня за это и зачмурил. Значит, такая здесь педагогика... Ладно, будем привыкать, никто лёгкой прогулки не обещал».

Когда они шли по тропке в лесополосе, случилось ещё одно невероятное событие: Артём встретил однокашника Серёгу. Оба были приятно удивлены и рады видеть друг друга. Но поговорить толком не смогли, крепко обнялись и разошлись в разные стороны с пожеланиями удачи. Серёга заходил на задачу и нёс на себе, помимо автомата и рюкзака, два одноразовых гранатомёта.

И вот конец маршрута: точка эвакуации. Немного пообщались с бойцами, отвечающими за сохранность посылок, за которыми приходили бойцы из разных деревень. Артём скинул с себя тяжеленный рюкзак и припал к бутылки с водой. Устал. Да ещё и промок насквозь.

Им сказали — ждите багги. Стали ждать. Внезапно послышалось знакомое жужжание. Подлетел вражеский камик, видимо, заметив какую-то машину. Все сразу разбежались по кустам, а Артём схватил свой автомат.

— Не вздумай стрелять, он нас не видел! — крикнул какой-то солдат. — Стрельнешь, он сразу тебя засечет и накроет.

Но по дрону открыли огонь из другой лесополки. И тот сразу развернулся в ту сторону. Жужжание набрало обороты, стало громче, и камик стремительно спикировал на стрелков. Раздался взрыв. Артёму не довелось узнать о том, пострадал ли там кто-нибудь.

После этого по рации поступил приказ продолжать путь пешком, ибо птички уже вылетели на охоту. Ещё пять километров...

Наконец дошли до точки, где их должны были забрать. Там ожидали эвакуации ещё несколько бойцов. Вскоре появилась багги. Загрузились и поехали. Это было счастьем!

Прибыли в какую-то неразрушенную деревню и заселились в один из домов, в котором смогли отдохнуть и подсушить одежду. Артём впервые за долгий промежуток времени посмотрел на себя в зеркало. «Н-да, подоброс знатно!»

А уже через сутки лейтенант был в расположении своей роты на территории ДНР, откуда уезжал на задание. Там он молча отдал Зверю его «Винторез», а тот и спасибо не сказал, просто головой мотнул.

Картина 8. ПОЛИГОН

Фрагмент 32. Пополнение

Вечером в расположение роты привезли пополнение — около сорока человек. Их построили на поверку, выдали оружие и экипировку и отправили спать по блиндажам.

Подъем в четыре тридцать. Полчаса на завтрак. Кто успел поесть, а кто и нет. Построение. Вышел командир роты, проверил личный состав на наличие и дал команду выдвигаться.

Артём со Знахарем шли замыкающими, а направляющим шёл Некромант. До стрельбища — четыре километра. На тренировки добирались только пешком, это тоже тренировка. Возили только «каличей», у кого всё болело и кто вообще не мог идти, причем возили только обратно. А на полигон — ногами.

Артёма гоняли, как всех. И его однокашника Ахмеда из соседней роты — тоже. Бежали, стреляли, штурмовали окопы, уворачивались от дронов. Было несколько учебных точек — тактическая стрельба, штурм окопа, стрельба из пулемета. Плюс топография: бойцы учились ходить по картам в телефоне. Плюс инженерная подготовка: учились копать. И военно-политическая работа. Всего девять точек, и на каждой занятия длились один час.

Учёба начиналась в восемь утра, в час дня — часовой перерыв на обед, и далее до восьми вечера. Первые четыре дня занятия проходили на одних и те же учебных точках для «закрепления материала», как это называлось.

В один из дней комбат явился лично тренировать лейтенантов-однокашников, Артёма с Ахмедом, и приказал ползти пятьдесят метров через колючку, потом бежать, затем с ходу стрелять по мишеням и отползать. И хохотал, если они путались в экипировке.

Роту разбили на два взвода и десять групп. Первым взводом и, соответственно, группами с первой по пятую командовал Зверь. Вторым взводом и, соответственно, группами с шестой по десятую командовал Артём.

У седьмой и восьмой групп были свои командиры — Орск и Архангел. Хорошие, грамотные парни, уже побывавшие в боях, правда, в составе другого батальона. Архангел к тому же из «Вагнеров». Он стал самым близким Артёму бойцом и помогал управлять вторым взводом, лейтенант даже назначил Архангела своим неофициальным заместителем. Они отлично ладили. У Архангела недавно родилась дочка, и он поделился с Артёмом своим большим желанием скорее увидеть своего ребенка.

Командир роты всё ещё относился к Артёму предвзято и не хотел видеть лейтенанта, а когда видел, у него менялся взгляд, выражая нарочитую брезгливость. Но со временем Фанат стал заметно менять свое мнение об Артёме.

Бойцы поначалу толком не понимали, как им относиться к Артёму. Командир роты жёсткий, можно сказать, жестокий, командир первого взвода такой же — их боялись. А командир второго взвода вёл себя тихо, не орал, не дрался, а просто изучал, присматривался. Как к нему относиться?

На пятый день Артём проявил себя.

Одиннадцать человек шли с приличным отставанием от основной колонны. Их подгоняли, кричали:

— Быстрее, быстрее, быстрее, отстаем!

Но без толку. Основная часть роты оказалась далеко впереди, и аррьергард просто потерялся. Артём со Знахарем на этот полигон ещё ни разу не ходили. На связь вышел Фанат:

— А чё, где вы там?

— Нормально всё, только вот вышли на дорогу и не знаем, куда идти дальше.

— Ясно. Сейчас с тобой топограф свяжется, точку даст.

Топограф дал координаты роты, и через полчаса отставшая группа туда вышла. Все уже бегали и занимались:

— Тащ командир, все отставшие прибыли!

— Молодец, хорошо.

От неожиданной похвалы Артёму стало приятно.

Рассредоточились по точкам. Артём занялся топографией. Справился с заданием отлично, быстро пришёл к заданной точке. Там в кустах прятался Воробей и следил за тем, чтобы солдаты не обманывали и не докладывали, что они уже пришли, хотя на самом деле нет. Артём почему-то сразу понял, что Воробей следит за ним. Понял и насторожился:

— Я тебя вижу, Воробей!

— Ладно, молодец!

Вечером Артём опять шёл замыкающим, и вдруг...

Один слабый боец не смог идти дальше. Оставался километр, с него уже сняли и броню, и шлем, и автомат... но он просто упал на колени:

— Командир, я не могу...

— Мы же уже в наш лес зашли, ползи! — закричал Артём. — Вот что ты позоришь наших дедов, они же смогли?!

— Я не могу, я не могу, командир, пожалуйста, оставь меня здесь.

А тут ещё Фанат вышел на связь:

— Вы где там, вас тут все ждут, ё-моё!

Солдату было сорок пять лет, но выглядел он значительно старше.

— Давай я тебе двести тысяч на карту переведу, и ты меня тут оставишь.

— Ты чё, мне взятки предлагаешь?! — удивился Артём.

В итоге он назначил нескольких крепких солдат, и те потащили доходягу за руки, за ноги. Дотащили.

Тем бы день и закончился, но дальнобойный дрон-камикадзе противника принялся жужжать над лесом. Раздался сильный взрыв. Никого не задело.

Несколько дней подряд чередовались: тактика — стрельбище, тактика — стрельбище, и на тактику нужно было ходить пять с половиной километров через поле, через лес и через овраг, в котором текла речка. Солдаты спускались в овраг, а через речку путь лежал по поваленному дереву, соединявшему берега. Требовалось пройти по дереву и не упасть. Лёгкое задание, но все слабосильные в ту речку свалились.

За эти дни Артём лучше узнал людей; самому молодому было 23 года, ровесник. Его стали уважать и спрашивать совета — как поступить в том или ином случае, что сделать, чтобы автомат не заклинил в самый неподходящий момент, как лучше засунуть магазин в подсумок и так далее.

Зверя отправили в отпуск, а по его окончании он стал командиром штурмовой роты где-то в другом месте.

Фрагмент 33. Некромант

Во время обеда между занятиями по тактике к Артёму подошёл Некромант. Просто пообщаться. И, кроме всего прочего, сказал:

— Мне как бы не очень приятно, что я на тебя наорал при первой встрече. Я тогда был весь на нервозе, поэтому прошу простить меня.

«Ничёсе! Это он, что ли, извинился передо мной? — подумал Артём. — Так-то он парень с пониманием, но реально психованный».

Это же просто жуть, когда его бойцы не понимали, что им делать... а у него тупо яростный крик включался, как у демона. Он орал так, что было слышно, как у него глотка раздирается.

Артём полагал Некроманта непонятным и мутным человеком. Он как будто бы везде искал для себя выгоду, пытался пригреть себе место, жертвуя отношениями с одним человеком ради отношений с другим. Нет, на него не похоже — извиняться, что-то он наверняка задумал...

Некромант был зеком, он уже год ждал помилования, но пока никак. В отпуск зеки не ходили и воевали, пока не получали помилование. А то так — посидел в тюрьме, три месяца повоевал и в отпуск? Нет, так не было.

Он рассказывал Артёму про свой первый штурм. Пошли они траншею противника забирать, и скинул он свой тяжёлый рюкзак в какую-то ямку, чтобы не мешал. При штурме так лучше — спрятать рюкзак где-нибудь в укромном месте, но чтобы у тебя его никто не стырил и птички не сожгли. В общем, всё они там проштурмовали, зачистили, выбили противника, и он вернулся за рюкзаком. А его нет... кто-то стащил! И скорее всего, это был какой-нибудь 500-й, прятавшийся где-то в лесу или в лесополке, в какой-нибудь норе. Он и забрал рюкзак себе. И убежал обратно в нору.

А потому что — очень редко, но бывало, когда 500-е, просто чтобы выжить, либо крали рюкзаки с едой и водой у заходящих на задачу штурмовиков, как вот у Некроманта, либо убивали из засады отставшего от группы с целью поживы. Артём сперва не поверил, но эта информация спасла его на второй задаче.

На поиски этих ублюдков, бывало, даже отправляли специальные группы зачистки с негласным приказом найти и ликвидировать. Артёма тоже хотели отправить искать одного такого — тот вроде как скрылся, были подозрения, ну и отправили группу проверить. Но нашлись другие желающие.

В общем, пояснил Некромант, если Артём попадёт на передок, там нужно быть максимально осторожным, даже свои могут подставить. Ну, как свои... 500-е — это уже не свои, но они в нашей форме, с нашим оружием и притворяются, что они с такого-то подразделения.

Фрагмент 34. 500

В середине второй недели после выхода с задачи в расположение роты прибыло пополнение 500-х: двадцать дезертиров «СОЧинцев» — самовольно оставивших часть, косячников, которых отловили на гражданке и отправили в зону СВО. Их нашли в основном у них же дома, по квартирам. То есть они подписали контракт, получили деньги и как ни в чём не бывало пошли заниматься своими делами. Редко кто реально бежал и прятался. Во время ВОВ их бы за это, по законам военного времени, расстреляли, а сейчас вот всего лишь отправили в условный «штрафбат».

Накануне прибытия 500-х Артём вместе со своим подразделением находился на полевом выходе. Его вызвал командир и озадачил:

— Сейчас тебя Некромант доставит в расположение. Доверяю тебе двадцать «СОЧинцев», которых утром привезут. Пока иди отдыхать, а завтра их встретишь и пойдешь с ними на первое занятие. Смотри, чтоб никто не сквозанул, и не вздумай дать им патронов, чтоб они тебя не застрелили, пока ты с ними по лесу ходишь. Давай там аккуратней, я тебе доверяю. Всё!

Некромант приехал на шикарном кабриолете — «Ниве» с обрезанной крышей. Взял на борт Артёма и еще нескольких инструкторов из других рот, тоже ожидавших пополнение в виде 500-х. И с этого момента, можно сказать, Артём перешёл с Фанатом на уровень доверительных отношений, если не брать во внимание, что Зверя уже не было и послать, кроме Артёма, было некого.

Прибыв в расположение роты, лейтенант поболтал и попил чаю со старшиной, канцеляром и каптёром. Старшина его выделял, всегда всё для него находил и переживал, как идёт его внедрение в их непростую роту. Со Знахарем и каптёром тоже была дружба, а с Востоком, который любил докапываться до всякой фигни, были почти дружеские отношения, но не совсем.

500-е прибыли в девять утра. Всех экипировали, снарядили, и вперёд, на занятия! Позанимались топографией. Так и день прошёл.

По большей части 500-е оказались нормальными мужиками. Были среди них и кадры со всякими странностями, например, один тувинец, который по-русски якобы не говорил, но всё понимал. Артёму он не понравился, хитрый какой-то, скользкий. Ну как так, всё понимать, но не говорить?

Попадались откровенно отталкивающие типажи. К примеру, боец с позывным Янек. Он был из персонала то ли МВД, то ли прокуратуры, в общем, носил специальное звание — капитан. На вид — сморщенный, сгорбленный, глаза выпучены.

Пару слов о бойце с позывным Топник. Это был низенький, крепенький мужичок с сильным низким голосом, обычный заводской работяга... Как-то раз, когда рота ночью возвращалась с полевого выхода, он отстал и заблудился в лесу. Артём довёл колонну до лагеря и отправился искать заблудшего бойца. Ходил по лесу и кричал:

— Топник! Топник!

— Где он? — вышел на связь Восток. — Нашёл его?

— Нет, пока не нашёл.

— Запятисотился?! Найдешь, объясни ему хорошенько, чтобы он понял, что так не надо делать!

В итоге Артём обнаружил Топника идущим ему навстречу:

— Кочевник, ты?

— Да, это я. Ты куда пропал?

— Да я заблудился, отстал от колонны, пытался найти дорогу, но не получилось. Вы же меня ещё не запятисотили, нет?

— А почему на связь не выходил?

— У меня рация села.

— Восток уже на тебя сердится, говорит, что ты пятисотик...

— Нет-нет-нет, пожалуйста, скажи ему, что я не хотел пятисотиться, я просто заблудился! — у Топника случилась паническая атака.

— Восток, Восток, я Кочевник. Всё, я нашёл его.

— Я Восток. И где он прятался?

— Да он заблудился просто, отстал от колонны, и рация села, сам ко мне навстречу вышел.

— Ну, все равно проведи ему профилактические меры, чтобы больше не терялся.

— Я Фанат. Кочевник, нет-нет, оставь его в покое, нормально всё, пусть спокойно идет сюда, — подключился к переговорам командир роты.

Услышав это, Топник заулыбался, уф-ф, пронесло...

Фрагмент 35. Направляющий

На другой день занятия по тактике проводились не на стрельбище, а в другом месте, докуда пять километров. Отработали новые точки, закрепили полученные знания, день и закончился. И тут Фанат огорошил Артёма:

— Всё, давайте в лагерь, ты направляющий, веди всех обратно.

И уехал на машине с Востоком и с Некромантом за рулём.

«Ёлки-палки, ну какой я направляющий, ведь ходили мы сюда три-четыре раза, причём ночью, и я всегда шёл за колонной», — подумал Артём.

Похоже, Фанат решил ещё разок испытать лейтенанта.

Начиная с этого дня, Артём всегда ходил направляющим, а в этот первый раз пришлось поплутать в лесу. Один боец, всегда ходивший впереди колонны вместе с Некромантом, как бы дорогу знал и стал подсказывать лейтенанту, мол, мы обычно вот тут ходили, здесь ходили, вот там нас Некромант проводил... И вдруг тропинка закончилась.

— А-а-а, не-е... кажется, мы не там повернули.

— Ё-ё-ё!

Всю колонну разворачивать уже не было смысла, далеко ушли от того поворота, и Артём повёл роту просто в гору, по очень крутому склону, покрытому травой и кустарником. Через некоторое время наткнулись на какую-то тропинку, по которой пришли в чей-то лагерь. Часовой:

— Стой, стрелять буду! Вы кто такие и откуда?

Артём назвал подразделение, мол, колонна движется с занятий и немного заблудилась.

— Вы вообще молодцы, конечно! Там же наши растяжки стоят с сигнальными ракетами, как вы их не сорвали, не знаю...

— Ну, вот видишь, не сорвали, повезло нам, зато мы у вас брешь выявили, вы теперь можете это исправить, правильно?

- Ну да, правильно. Но мне влетит за то, что я вас пропустил, да уже и поздно.
- Мы же брешь нашли в твоих растяжках...
- Да всё, блин, проходите!

Артём сделал переключку, проводившуюся после каждого сложного участка местности. Все на месте. Двинулись дальше через поле. Если фонарик выключали, то оказывались будто в пустоте, настолько было темно. Потом лесополоса — и вот свой лагерь, где их встретил Восток:

- Что-то вы долго шли, почему?
- Я пять раз проводил переключку на маршруте.
- Что так часто, перестраховаться решил?
- Первый раз людей вёл. Почему нет? Лучше перебдеть, правильно?
- Ладно, нормально всё! Всех по блиндажам, спать.

С тех пор Артём водил бойцов по своему маршруту, а не по маршруту Некроманта.

Фрагмент 36. «Стань злым, как демон»

Артём предпочитал работать с людьми по-доброму. Кое-кто его упрекал: «Вот ты не орёшь на подчиненных — ты не прав: ты должен на них орать, если они не понимают тебя! Они должны тебя бояться».

Но лейтенант гнул свою политику, желая строить свою командирскую власть не на страхе, а на взаимоуважении. Он беседовал с бойцами. С кем получалось. А получалось, конечно, не с каждым.

Однажды комбат вызвал командиров взводов и указал на их недостатки:

— Ты не знаешь бойцов. У тебя бойцы вещи теряют. А у тебя, Кочевник, нормально все, ты много знаешь, хорошо владеешь навыками, но меня бесит, что ты с бойцами, как с детьми, себя ведёшь. Когда ты станешь злым, чтобы как демон?

— Я не знаю, товарищ полковник, наверное, я не буду «чтобы как демон», не могу. Мне хочется с людьми по-человечески как-нибудь.

— С твоим человеческим отношением бойцы тебя пошлют на задаче, и пойдёшь ты один биться с противником!

- Я думаю, что у меня получится построить свою власть на уважении.
- Я хочу, чтобы ты был злым, я вижу тебя злым, так что давай меняйся.

Фрагмент 37. Дрончики

В ротных занятиях принимали участие БПЛАшники. Они просто летали на FPV-дронах и имитировали, что пикируют, а бойцы уворачивались.

Кроме прочего, отрабатывали умение копать окоп, в котором можно спать и который не видно с воздуха. В небе летал дрон, и Фанат орал на тех, чьи норки плохо замаскированы:

— Вас в тепловизоре видно, в тепловизоре вы светитесь, придурки, лучше маскируйтесь!

Один дрончик говорил Артёму:

— С тобой, Кочевник, интересно играть. Приходится придумывать, как тебя обмануть. Другие просто идут, хромают, кто-то устал, еле тащится... я пикирую на своей птичке рядом с ним, он даже не уворачивается, ему всё равно. А ты не просто идёшь, ты следишь за небом и вывернуться пытаешься.

— Вам бы всё играть... как мальчишки, — проворчал Артём, памятуя, как однажды дрончики задумали «охоту на Кочевника», условившись запустить три птички и попробовать подловить его хотя бы одной, когда он побежит.

Артём увернулся от всех трёх дронов. Один специально залетал со стороны солнца. В таких случаях получалось увернуться через раз: фифти-фифти.

Дрончики — это молодые пацаны от 18-ти и недалеко за 18.

Картина 9. «НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО!»

Фрагмент 38. Офицерский ритуал

В штабе батальона за большим столом собрались все офицеры и прапорщики батальона. Повод — серьёзный. В батальоне были прапорщики, получившие первое офицерское звание, были офицеры, которые повысились в звании, и было молодое пополнение из училищ, вставшее на должности. И ведь никто из них ещё не проставился! Безобразие! Устранить!

Обычай древний и всеми любимый, ещё из окопов ВОВ — святой офицерский ритуал. Всё жёстко, но справедливо; не проставился, не представился — не вступил.

Вся рота уже спала, а Фанат, Восток и Артём выдвинулись в штаб батальона. Как только сели за накрытый стол, к Артёму обратился Ахмед:

— А как надо правильно представляться, объясни, пожалуйста.

— Я не знаю, давай посмотрим. А шпаргалки у тебя нет?

— Есть, дали, но там как будто бы всё неправильно...

Они вместе посмотрели шпаргалку.

— Ты смотри, не набухайся! — сказал Артёму командир роты.

— Не волнуйтесь, не набухаюся, тащ командир.

Фанат предупредил по-доброму, но, на самом деле, он был категорически против алкоголя. Ближайшая гауптическая вахта находилась очень далеко, поэтому он обходился собственными силами. Если кто-то из личного состава попадался пьяным, его сразу же на сутки определяли в яму глубиной два метра, и он там сидел и думал над тем, правильно ли он поступил или нет, напившись. На день ему скидывали одну банку тушенки, и всё. Воды давали немного, а сигарет вообще не давали.

Один солдат говорил Артёму, что на войне сначала хочется пить, потом курить, потом спать, а только потом жрать. Нельзя не согласиться.

Пришёл командир батальона и объяснил присутствующим причину сбора. На столе стояли всякие вкусные закуски. Конечно, все заранее скинулись на застолье.

Начал проставляться первый офицер. А проставка (они разные бывают), согласно шпаргалке, на этот раз была такая.

Нужно обратиться: «Товарищ полковник!» — потом залпом выпить гранёный, ещё советский, стакан водки и затем, не запивая, не закусывая, не занюхивая... представиться. При этом никто офицера не торопил, разрешалось думать хоть десять минут, что сказать, главное, сказать правильно.

Первый офицер выпил гранёный стакан водки, и у него начал заплетаться язык. Раздались возгласы:

— Не-не-не! На второй круг!

Это означало: вставай в очередь, чтобы заново опрокинуть гранёный стакан водки и представиться как надо. И так, пока не вырубись либо не представишься правильно.

Первый, второй, третий, четвертый... и никто не смог представиться. И вот дошла очередь до Артёма. Он выдохнул:

— Товарищ полковник! — и выпил гранёный стакан водки...

Раньше он водку вообще не пил, даже не пробовал её. Сухое вино, шампанское и сидр — вот его три любимых алкогольных напитка, остальные ему не нравились. Это был первый раз в жизни, когда он выпил водки, да ещё и в таком большом количестве. Артём почувствовал жжение во рту, потом в горле, потом в груди, потом в желудке... а потом ему так врезало в нос, что глаза выпучились.

Усилием воли лейтенант поставил пустой стакан на стол, выдохнул, поднял глаза на улыбающегося комбата и окинул взглядом стол. На него смотрели все двадцать человек. И он начал представляться:

— Лейтенант К... командир <...> взвода <...> роты <...> батальона, представляюсь по случаю назначения меня на должность командира <...> взвода <...> роты <...> батальона!

Вроде он все правильно исполнил, не забыв упомянуть звание, фамилию, должность с указанием, какого именно взвода он командир в какой именно роте и в каком именном батальоне. Артём посмотрел на командира роты. Тот одобрительно кивнул, мол, да, молодец, с первого раза представился.

Комбат обратился к собравшимся:

— Что скажете, товарищи офицеры? Как думаете, справился лейтенант?

— Да, все хорошо, да, справился, нормально! — зажужжал стол.

— А мне кажется, что он не справился! Мы же с вами люди военные, правильно?

Ему нужно было сказать: «по случаю назначения меня на *воинскую* должность». Садись, на второй круг пойдёшь. Все согласны?

— Да, да, да, да, да, определённо так, да, точно, мы же все военные, военнослужащие, — опять согласился с мнением комбата стол.

Артём сел, а командир роты хлопнул его по плечу:

— Красавчик! Только, смотри, не опозорься, не вырубись!

В общем, с первого раза не представился никто, и все пошли на второй круг. Один молодой лейтенант, которого назначили командиром взвода, выпил второй гранёный стакан водки и моментально выключился. Он даже не успел ничего сказать, просто как стоял, так и откинулся назад, упал. Следующий за ним тоже не смог представиться — язык заплелся, и он сел на место.

Вновь настала очередь Артёма, и он стал первым офицером, который представился со второго раза. Опять доложил:

— Товарищ полковник! — залпом выпил второй стакан...

Думал, что второй пойдет легче, чем первый. Нет, такой же, абсолютно такой же тяжелый второй стакан, но лейтенант его осилил. Собрался с мыслями, вдохнул — выдохнул. Горечь очень сильно мешала говорить. Постоял, подождал, собрал мысли в кучу. Его никто не торопил. И начал говорить. Сказал всё как надо, добавил уточнение к должности и даже акцент сделал: «на воинскую должность...» После чего командир батальона торжественно объявил:

— Товарищи офицеры, нашего полку прибыло! У нас новый командир взвода. Поздравляю тебя, лейтенант, со вступлением в офицерский корпус России!

И все начали хлопать. Артём сел и стал есть, очень много есть, чтобы не вырубиться. Застолье закончилось. По итогу, представились всего три человека.

Восток подбодрил Артёма:

— Ты как, нормально? Ты держись, держись, только не выключайся...

Вышли из штабной палатки.

— А в какой стороне наш лагерь? — спросил Фанат.

Дорога в лагерь Артёму была знакома, потому что по этой дороге он водил бойцов с занятий:

— Я знаю, куда идти, товарищ командир, знаю!

— Точно? Это не пьяный бред у тебя?

— Нет-нет-нет, вон сейчас там КПП будет, потом противотанковые ежи. Сейчас мы вот туда пройдем и выйдем к лагерю.

— Ну, смотри, если ты меня обманешь... если ты меня обманешь!

— Нет, тащ командир, всё нормально, я помню, я знаю.

И вскоре они реально вышли к лагерю. Фанат пожал Артёму руку:

— Ну ты красавчик, представился, не вырубился, ещё и дорогу домой нашёл, вообще молодец. Всё, отдыхай, завтра я тебя не трогаю, на построение не привлекаешься.

Артём спал до четырёх дня. Его не трогали. До выхода на задачу оставалась неделя.

Фрагмент 39. Отсыревший порох

На крайней неделе перед выходом на задачу Артёма сделали инструктором по стрельбе из ручного противотанкового гранатомёта многоразового применения РПГ-7 и еще пары «одноразок». В помощники ему определили двадцатидвухлетнего паренька-контрактника с позывным Робин, недавно вставшего на должность командира взвода, но пока не офицера (пообещали ему младшего лейтенанта).

У паренька было редкое и крайне неприятное ранение. Год назад при штурме ему пулей отстрелило одно яичко. Он перестреливался с противником чуть ли не в упор и поймал автоматную очередь справа. Товарищ успел его спасти, убил вражеского стрелка, но одна пуля все равно попала в пах. В госпитале собрали что осталось, сшили, репродуктивную функцию парню сохранили, реабилитировали, но совсем без последствий не обошлось и, к сожалению, сказалось на мужском здоровье.

Артём рассказывал солдатам теорию. На стенде висели плакаты, включая натовские «одноразки» Javelin и M72. Объяснял, как целиться, какие боеприпасы используются для поражения пехоты или техники. И показывал разные лайфхаки.

Вот как проверить, например, работоспособность РПГ-7? Нужно между ударником и бойком поместить лист бумаги, сделать спуск, и если в листе бумаги появится небольшая круглая дырочка, значит, боёк исправен.

Стреляли из ПУС-7 — приспособления для учебной стрельбы из гранатомёта. Оно выглядит как выстрел РПГ-7, но стреляет трассирующими патронами калибра 7,62 мм. Заряжается, как винтовка «мосинка» — в затворе в патронник кладётся патрон, досылается и защёлкивается вниз.

Огневой рубеж — разбитое окно в полуразрушенном доме. Когда солдаты достаточно настреляли из ПУСов, им дали сделать по одному настоящему выстрелу. И первый же был неудачным, возможно, отсырел пороховой заряд.

Артём остался с бойцом на линии огня и скомандовал ему:

— Собирай!

Боец выстрел собрал, скрутил его как надо... Понятно, что в бою этого не сделать, всё должно быть сделано до боя, но солдаты ещё и обучались скручивать-накручивать пороховой заряд на гранату. Вот поэтому...

Боец всё накрутил, вставил выстрел в РПГ-7, снял его с предохранителя, изготовился...

— Прицелился?

— Так точно, прицелился!

— Огонь! — скомандовал Артём

— Выстрел! — отозвался боец и нажал на спуск. Но выстрела не произошло, порох

не воспламенился, и граната осталась в гранатомёте. — Командир, что делать, что делать, командир?! — начал паниковать боец и опустил гранатомет себе под ноги.

— Придурок! Ты не опускаяй его, а то он сейчас выстрелит, и мы с тобой разлетимся на кусочки! — закричал Артём.

Боец повернул гранатомёт в сторону мишени:

— Командир, у меня руки устали, я уже не могу держать!

— Обопрись его на оконный проём!

Боец пристроил гранатомёт на раму...

— Командир, что делать, мне страшно...

— Подожди около минуты и попробуй произвести второй выстрел.

— Хорошо.

Подождали минуту, и боец повторно взвёл курок:

— Выстрел! — и опять холостой спуск. Граната не улетела, осталась в гранатомёте.

— Командир! Командир! Что делать, командир? Командир, что делать, я не знаю...

— Просто не отпускай и не опускай его! Может быть, он сейчас выстрелит... задержка... подожди... видимо, отсыревший порох попался.

Постояли ещё минуту. И опять холостой спуск!

В училище у Артёма, он вспомнил, был такой же случай, и полковник, руководивший стрельбами, тогда просто руками вытащил выстрел и унёс его в поле.

— Всё, стой, замри, не шевелись, не води ни влево, ни вправо, сейчас я буду доставать гранату.

Было очень страшно прикоснуться к гранате, потому что если бы она в это время выстрелила, то раскрывшиеся стабилизирующие крылья отрезали бы Артёму пальцы, а если бы он за неё держался, то и руки бы оторвало. Но всё равно он к ней прикоснулся и потихоньку начал выкручивать. Выкручивал... выкручивал и выкрутил, стал аккуратненько вытаскивать... Сердце колотилось... Вот она уже скользит по трубе... Достал... Унёс в поле... Положил в первую же глубокую ямку и просто убежал.

Сразу доложил командиру роты:

— У нас тут не разорвавшийся выстрел, который не выстрелил.

— Принял. К вам подойдут два сапёра.

И стрельбы продолжились. Но выстрелы брали уже из другого ящика, не из того, который подвел.

Фрагмент 40. Девочка бросила

Артём частенько разговаривал со своим помощником Робинем по душам, и тот рассказал ему про свою жизнь. Он хороший был парень, хороший помощник, но слегка странноватый, громко разговаривал и не всегда мог подобрать нужные слова.

Рассказал Робин и про девушку, что его ждёт... но может и не дожидаться. И вот эта девушка написала ему, что она его бросила, и парень впал в шок. Артём, кстати, тоже. Вот тот ему сегодня днём рассказывал про эту девушку, а вечером она уже его бросила.

— Всё, я опять пойду в штурма!

Парень решил вернуться туда, откуда его только что убрали, поставив командиром взвода. Он уже два раза заходил на задачу и там получил свое неприятное ранение...

— Пойду обратно в штурма и буду штурмовать!

— Ты дурачок, ты сейчас на эмоциях, которые потом сыграют с тобой злую шутку, вдруг уже не повезет? Одумайся, эта девочка того не стоит, найдешь лучше!

— Нет, я все равно пойду, я все решил!

— Ну как знаешь, отговаривать не буду, но не решай на эмоциях. Просто успокойся и подумай, надо оно тебе или нет?

Артёму было с чем сравнить: он был уверен, что его девушка его дожждётся, ведь она всё так же писала ему каждый день, желала хорошего дня, скучала, ждала и просила вернуться живым и здоровым. Часто вспоминала их прогулку, их поцелуй и хотела прожить этот момент ещё раз. Артём чувствовал то же самое.

«Не наговорились и расстались — словно надвое порвались!»

«Пусть окопы, дожди и снега — ваша верность нам дорога!»

«Чтоб услышать смех этот звонкий — мы вернёмся к нашим девчонкам!»

«Нашу страсть разлука не остудит — наоборот, ещё сильнее будет!»

«Ради нашей любви с тобой, мне не страшна ни враг и ни бой!»

«Только здесь я настоящий мужчина — расскажи об этом нашему сыну!»

«У каждого из нас — своя любовь, и все мы поклялись к любви вернуться вновь».

Артём иногда упражнялся в лирическом стихосложении, сочинив эти никак не связанные между собой поэтические строчки, но дальше дело у него не пошло.

Часть II. МЯСОРУБКА

Картина 10. ВТОРОЙ ВЫЕЗД НА ЗАДАЧУ

Фрагмент 41. Замысел

Состоялся завершающий полевой выход, и поступил приказ собираться на задачу. Каждому солдату выдали всё необходимое, даже греющиеся стельки, которые грелись от движения. Потом прошли брифинги — инструктажи, вплоть до командиров групп, которым каждому на его уровне разъяснили замысел задачи.

Предстояло штурмовать деревню с целью занять восточную и южную её часть. Одна или несколько штурмовых групп заходят с юга, а другие с востока. Те, что заходят с юга, должны двигаться ночью вдоль речки. А вот восточникам не повезло, там — сплошная открытка, даже лесополос нет, просто двухкилометровое поле. Это максимально рискованно. Эх-х, если б у них были все молодые, заряженные рексы... Но рексов не было, и поэтому решено, что южники пойдут вдоль речки ночью, и в случае чего — сразу прыгать в речку, чтобы их тело остывало и тепловизор их не видел.

А те, кто штурмуют с востока, выйдут на дорогу и пойдут по ней до деревни тоже ночью. Предварительно проверили, что от дороги исходит тепло, которое накапливается в течение дня, и ранней ночью дорога еще тёплая. Человек идет по дороге, а в тепловизор его не видно. Исследовали этот вопрос досконально: с птичками и дронами ходили по четыре километра ночью в тылу и смотрели, где лучше перемещаться, по обочине или посередине. И бойцы знали, как им правильно идти.

Собираясь на задачу, всех посвятили в ряды бригады. Состоялся обряд посвящения с выдачей шевронов. Вообще-то такие шевроны выдавались после задачи, но на этот раз выдали досрочно. Всё было красиво и торжественно, всем понравилось.

Выдвигались на следующий день вечером.

Фрагмент 42. Выдвижение

Артёма назначили командиром групп с шестой по десятую, а командир роты командовал группами с первой по пятую. Накануне прислали еще одного 500-го, который застрелил двоих своих, чтобы его не нашли. Понятно, что его отправили к ним, чтобы он сходил в один конец, поймал на свою голову какой-нибудь дрон.

Ему не выдали никакого оружия, обыскали, нашли нож и забрали, надели на него наручники и посадили в машину к первым группам, а двух бойцов поставили его стеречь. При попытке побега его бы попросту пристрелили, потому что если б он перебрался на сторону противника, то рассказал бы и замысел задачи, и план заезда на неё. Если бы, конечно, добежал до противника и тот сам бы его не пристрелил. В общем, сейчас он был врагом для всех.

Артём ехал пассажиром на замыкающей «Ниве», за баранкой которой сидел боец с позывным Нива, а-ха-ха! Остальные следовали на двух КамАЗах, и в кабине первого находился командир роты. Перемещались ночью через всю ДНР три или четыре часа, постоянно прокачивая связь с командиром роты:

- Как дела? Куда вы едете? Не оторвались от нас?
- Все нормально! Видим вас. Едем за вами.

Наконец прибыли в пункт назначения и спрятались в подвале разрушенной многоэтажки, куда проникли через первый этаж. Приехал комбат и пообщался со всеми. Разгрузились и сели ужинать.

Чтобы не лежать на голом полу, кто-то нашёл фанеру, кто-то дверь... Было темно и прохладно, изо рта шёл пар. Рюкзаки поскидывали, и бойцы рассредоточились по всему подвалу, больше похожему на парковку. А может, это когда-то и была парковка. Все легли спать.

Артём поужинал на пару с Некромантом. С едой проблем не было, сухпай имелся в достатке. Это у сидящих на передке еда часто заканчивалась, и им её скидывали с дронов. Но дрон маленький, с небольшой грузоподъемностью, много еды за один раз доставить не получалось. И если птичка вообще долетит. РЭБом задавят частоту, и дрон упадет, или дроном-камикадзе собьют. А на нуле с едой никогда проблем не было. Но это еще был не ноль, а тыл.

Артём с Некромантом нашли кусок шкафа и устроились на нем на ночлег. Артём укрылся своим пончо. Спал в куртке, а броню положил под голову.

Нормально поспать не получилось, потому что было холодно и мешал шум. И было страшно, вернее, бил мандраж от неизвестности, что будет дальше.

В полусне в голову пришла гаденькая мысль — куда идти, если комроты опять не захочет пускать его в подвал? Опять они с Самосвалом будут проситься на ночлег к закрепам с их вонючим борщом?

Настало утро. Все экипировались. Первые пять групп расселись по багги и уехали на ноль с командиром роты:

— По готовности, выйду с тобой на связь, и будешь отправлять ко мне группы. Сам поедешь с крайней группой. Все понял? — с этими словами Фанат убыл.

А Артём с крайними группами посидели, позавтракали и пообщались. Он ещё раз объяснил бойцам замысел и план штурмовки.

Фрагмент 43. «Хочу просто Родине помочь»

Среди штурмов был пожилой боец, шестьдесят три года, позывной Шофер. Артём спросил у него:

— А ты зачем пришел сюда, тебе же столько лет?

— Ты знаешь, я воевал в Афганистане и в Чечне. Какое-то у меня рвенье Родине помогать, отстаивать ее интересы. Я в душе солдат, десантура...

— Я заметил. На полигоне ты утирал нос многим молодым. Ходил с рюкзаком и не уставал, а молодой рядом задыхался, в дрончики его отдали.

— Я хочу просто Родине помочь, но надеюсь, что после этой задачи меня уже спишут, спина и кости подведут, суставы болят. Я уже довольно долго на войне, с комбатом поговорил, он сказал, с задачи вернешься, мы тебя спишем.

— Это хорошо, только на задаче сохранись нормально, а то свои силы можешь неправильно подрасчитать, и что-нибудь не так у тебя щелкнет. А в поле с заклинившей спиной, знаешь ведь, не вариант.

И еще один возрастной боец с ними был, постарше Шофёра, с позывным Вайлдбериз. Артём спросил у него:

— А ты почему сюда пришел в таком возрасте?

— А я пришел умереть. Пора уже...

Лейтенант помолчал, думая, что пожелать бойцу, и сказал:

— Не лезь на рожон. Выполни задачу, и если уж захочешь умереть, то поверь, там всегда есть такая возможность, в любую секунду... Главное, не делай это специально, Бог не простит.

Фрагмент 44. «Ты очень нужен»

Поступило сообщение, что можно перебраться из холодной многоэтажки в теплый частный домик за пару километров отсюда. Перебрались. Там действительно было тепло.

Артём организовал наблюдение, охранение и дежурство по сменам.

Снаружи раздался крик какой-то старушки:

— Хлопци, хлопци, вы где, выходьте, я вам пирожки принесла!

Артём приказал бойцам:

— Не вздумайте выходить на улицу, даже на глаза ей попасться, сидите здесь и не двигайтесь, в окна не смотрите. Если она нас увидит, то спалит. Эта бабка, может быть, специально ходит и ищет, где мы сидим, чтобы передать противнику наше местоположение, и нас ночью другая бабка убьет.

Время шло к ночи, и Артём улегся ночевать в отдельной комнате. Интернета не было, и он открыл Telegram, где у него хранились сообщения от родителей, от Киры, от бабушки и дедушки... и все их перечитал. Очень захотелось к Кире, до бабочек в животе. Навернулись слезы от маминых сообщений... От отца: «Я горжусь тобой, сын, давай, все будет нормально» — гордость и страх. Бабушка с дедушкой не понимали, куда он попал, а он им и не объяснял, старенькие уже, не надо было им знать подробности. От Киры: «Возвращайся, пожалуйста, живым и здоровым, ты очень нужен мне...» — прямо в сердце... Это, наверное, любовь с первого взгляда.

Лейтенант оторвался от телефона, встал и прошелся по дому. Было темно, все окна заколочены и завешаны. Вот гостиная, вот зал, здесь стоял большой телевизор, столик какой-то, большой стол, диваны, кресла — здесь люди отдыхали всей семьей. Вот кухня... сейчас это пустые стены, но это кухня. Здесь была детская комната — валялись игрушки и лежала сломанная детская кроватка. Здесь туалет, все осталось, только воды не было.

Вышел из дома: это летняя кухня, а это веранда с большим столом. Зажиточная большая семья жила, всего в достатке — обычная кухня и летняя, веранда продуманная — покушать можно на свежем воздухе.

Вернувшись в дом, Артём открыл шкаф и в свете фонарика увидел фотографию. Лица на ней стёрлись. Не так давно здесь жили люди, и дом еще их помнил, но уже как будто стал забывать, вот и стёр их лица, самому бы выжить.

Фрагмент 45. Первая атака с неба

Утром группу навел Шмель с известием:

— За вами сейчас приедет машина. Давайте, эта... сгребайтесь, собирайтесь, экипируйтесь...

Вскоре загрузились. Точка сбора — та же, что и в прошлый заезд. Маршрут знакомый, и Артёму было уже не так страшно, как в первый раз. Он уже знал, где летают дроны, а где нет.

Лейтенант рассадил людей как положено, чтобы видели все вокруг. Сам же на пассажирском сиденье смотрел направо, в лобовое стекло вверх и налево через водителя.

Группу не довели до той деревни, где находился командный пункт командира роты и командира батальона. Остановились в точке эвакуации, куда они откатывались с задачи со Знахарем, чтобы потом месить грязь еще пять километров.

Выгрузились и подождали, пока отдохнёт проводник, посланный для сопровождения. Вовсю светило солнце, было ясно и тепло. Артём снял с себя куртку softshell, убрал её в рюкзак, оставив на себе только боевую рубашку.

Опять он идет по накатанной дороге рядом с лесополосой. Вдоль дороги натянута колючая проволока. В лесополосе много норок, где можно спрятаться от дронов. И вот штурмовики вышли на ту самую асфальтированную дорогу, где много сгоревшей техники.

С ними заходили ещё несколько групп, и чтобы не пересекаться, группы держали дистанцию пятьдесят метров. Артём шёл замыкающим, следил, чтобы никто не отставал и не потерялся. И тут начался налет.

Вдоль дороги было две небольшие лесополосы. Ну, как лесополосы... Высоких деревьев там не было, но имелись высокие кустарники. В них рассредоточились штурмы. Над ними кружили три птички.

Артём скомандовал:

— Пока не стрелять! Спрятались все, не двигаемся, сидим ждем.

Дроны сбавили обороты и замерли в небе. Поздняя весна: уже распустилась густая листва, поэтому люди были незаметны для дронов за листвой, впрочем, как и дроны для людей. Птички набрали высоту, потом спустились и аккуратненько полетели между лесополосами, тщательно всё просматривая.

Артём стоял за деревом и глядел туда, где жужжал дрон, а тот жужжал примерно справа. Повернулся... и увидел, что слева над дорогой, всего-то метра два с половиной над ней, завис дрон, и камера смотрит в его сторону. Лейтенант понял, что дрон, скорее всего, засёк его движение, когда он повернулся.

Снял автомат с предохранителя и приготовился к бою. И не зря. Дрон еще повисел, убедился, что перед ним живой человек, а не куст или дерево, стал набирать высоту, отклоняясь назад, чтобы зайти в атаку. Лейтенант вскинул автомат, прицелился и начал одиночными накидывать в птицу: бах-бах-бах-бах-бах... Всего восемь выстрелов. Шестым перебил дрон да винта. Дрон закрутился и упал на землю. Артём закричал:

— К бою! Огонь!

Началась ураганная стрелкотня, и два других дрона тоже сбили. Один взорвался в воздухе, второй упал и взорвался на земле. А тот, который сбил Артём, бился в конвульсиях, пытался взлететь на двух оставшихся винтах, но вдруг воспламенился. Артём скомандовал:

— Отползайте от него! Перебегаем открытку! Быстрее перебегаем, пока другие птички не прилетели!

В этом месте лесополосы обрывались, и дальше дорога метров сто тянулась по открытке. Штурмовики повскакивали и метнулись в обход дрона, который мог взорваться. Первый пошел, второй пошел, а всего в группе было восемь человек, и среди них один тормознутый боец с позывным Решала, слабый, дряхлый мужичок сорока пяти лет, выглядевший гораздо старше.

Артём бежал замыкающим, и перед ним возник этот тормоз Решала.

— Воздух! — раздался крик впереди: прилетели новые птички.

Артём максимально ускорился, догнал и перегнал Решалу, а тот, вместо того чтобы бежать к лесополосе, запрыгнул в багажник какой-то сгоревшей машины, видимо, думая там пересидеть. Лейтенант заорал:

— Дурак! Вылазь оттуда, они тебя сейчас разорвут на куски, они уже на подлете, уже слышно их! Вылазь и беги сюда!

Решала каким-то чудом послушался и побежал в лесополосу вслед за всеми.

— Ты зачем это сделал, сам себя загнал в угол? Если бы птицы увидели, что ты залез в эту машину, всё, тебе бы моментально конец пришёл.

— Я думал, что там безопасно...

— Слава Богу, что ты догадался, что так не надо делать, — закончил лейтенант разговор с Решалой и скомандовал всем: — Всё, притаились, в бой без моей команды не ввязываться! В первый раз — да, повезло, попали в птичек, но может не повезти. Посему — не стрелять никому!

Решение — правильное: дроны полетали, полетали и улетели, видимо, найдя себе другую цель или в расчете найти.

Штурмовики выстроились в колонну, набрали дистанцию пятьдесят метров и уже по густой лесополосе двигались к деревне на поле. Артём вышел на связь с другими группами, которые уже там сидели, и ему сообщили, какие дома заняты, а в каких еще есть места.

— Фанат, Фанат, я Кочевник, мы подходим к деревне.

— Да, принял. Давай заводи своих на точку... там есть места, а сам иди ко мне.

Зашли в указанный дом.

— Это и есть точка ноль. Будьте готовы заходить отсюда группами в Kill Zone, штурмовать позиции противника и идти дальше. Все всё поняли?

— Все! — услышал лейтенант в ответ и вышел на улицу деревни.

Та же самая разруха, всё сгоревшее, знакомые пейзажи, которые он уже видел. Быстро сориентировался, сразу оказался на нужной улице и пошёл. Ну как пошёл... Побежал. А потому что у птичек — время охоты.

Его встретил Самосвал, он уже был одет по-летнему, в кепке.

Артём забежал в знакомую сарайку, скинул броню и спустился в подвал.

— Как, нормально все дошли? — спросил Фанат.

— Да, без потерь. Было приключение с дронами, но мы справились, уничтожили трёх.

— Замечательно, давай пока отдыхай, смотри, как я работаю. Потом, если задача какая появится, будь готов с группами выдвинуться в нужное место.

— Всё ясно.

Картина 11. ЗАХОД ГРУПП НА ШТУРМОВКУ

Фрагмент 46. Занорились

Первая группа должна была выдвигаться с минуты на минуту. Командир роты вышел на связь с командиром первой группы и велел тому проверить готовность штурмовиков. В ответ из рации донеслось:

— Фанат, я Калаш, группа готова к выдвигению.

— Хорошо, начинайте движение по зелёному маршруту.

По замыслу, первая группа должна была днём дойти до деревни и от неё ночью двигаться дальше по камышу вдоль речки. В случае нападения дронов бойцам следовало прыгать в холодную воду, чтобы спрятаться от тепловизора бабки. На этом участке открытка длиной примерно километра два. Днём пойдёшь — не дойдёшь вовсе.

Первая группа выдвинулась. До деревни — около шести километров. В течение получаса штурмовики шли без происшествий и каждые десять минут докладывали командиру роты о статусе группы. По прошествии получаса выдвинулась вторая группа. Фанат наблюдал за передвижениями с дрона и остался доволен:

— Красавчики, мужчины, молодцы, двигаем в том же духе!

С интервалом в тридцать минут вышла третья группа:

— Фанат, я Бур, погода хорошая, все в норме, — поступил доклад от командира второй группы.

— Фанат, я Шапка, группа начала движение, — доложил молодой двадцатитрёхлетний командир третьей группы.

— Хорошо, парни, продвигайтесь!

Бойцы знали, как им действовать при атаке дронов, их этому учили целый месяц. Командиры групп были выбраны грамотные.

Вот первая группа, всё время находясь в лесополосе неподалёку, подошла к деревне.

— Фанат, я Калаш, слышу жужжание в небе, это вы?

— Мы высоко, вы не можете нас слышать, это пидоры летают, будьте осторожны!

— Принял.

Первая группа затаилась в ожидании «хорошей погоды». Тем временем вторая группа была на подходе и двигалась максимально осторожно.

— Фанат, я Калаш, небо чистое!

— Хорошо, найди точку <...>, там вижу норку. Перебегайте туда и занорьтесь там.

— Принял.

На экране было видно, как первая группа по одному, с дистанцией, перебежала к этой норке. Добежали все.

— Хорошо, красавцы, ставьте вынос и ждите указаний.

Вот вторая группа подошла на это же место в лесополосе, но ей была указана другая норка, находившаяся недалеко от первой, и вторая группа так же перебежала по одному в эту норку. На подходе в лесополосу уже была третья группа.

— Фанат, я Шапка, мы зашли в лесополку.

— Хорошо, идите на точку к первой группе, там норка большая.

И тут рядом с лесополосой прогремел взрыв.

— Фанат, по нам миномёт бьет!

— Вижу, бегом к первой группе, максимально быстро, с дистанцией, бегом, вперёд!

Бойцы третьей группы ринулись к норке, где уже сидела первая группа. Миномётные взрывы участились. Бойцы бежали, минуя образовавшиеся воронки. Первый, второй, третий, четвёртый запрыгнули в норку. Шапка и пятый боец уже добежали, вот-вот! Пятый запрыгнул в норку. Шапка, бежавший замыкающим, подбежал ко входу и уже запрыгивал в норку, когда в четырёх метрах от него взорвалась мина...

— Шапка, я Фанат, доложи обстановку! Шапка, я Фанат, приём!

— Фанат, я Самовар. Шапка... Шапка — двести. Осколок в висок прилетел, принимаю руководство группой на себя.

Это была быстрая смерть в бою. Как говорится, пал смертью храбрых за Родину. Шапка даже не успел понять, что случилось, буквально через секунду этот молодой парень умер. Фанат спокойно сказал:

— Да, принял.

Достал сигарету, закурил, глубоко затянулся и выдохнул, поставив отметку 200 в списке личного состава напротив позывного Шапка.

Фрагмент 47. Сходили за водичкой

Комроты связался с тылом, кто там за посылки отвечал, после чего сказал Артёму:

— Нам посылка пришла — еда, вода. Бери Самосвала и сходите на точку эвакуации, заберите её.

— Пошли за водичкой, — передал Артём приказ Самосвалу.

Тот оторвался от починки вышедшего из строя генератора, взял небольшую самодельную тележку, и они пошли по той же дороге, по которой все заходили в деревню. Через открытки перебежали, а в основном шли.

Туда нормально добрались через полтора часа, нашли и забрали посылку, погрузили её в тележку, и вдруг слышат, что где-то летает крыло — разведывательный дрон самолетного типа, его очень хорошо слышно по тарактению, как у кукурузника. Кто-то крикнул из лесополосы:

— Крыло! А ну-ка все быстро прятаться!

В небе появились два дрона-камикадзе и жужжали над лесополосой, зная, что там есть люди. На точке эвакуации находились пацаны с дробовиками и ментально сбили эти дроны, но их операторы, видимо, уже известили минометчиков...

— Двигаем, пока тишина, — предложил Артём Самосвалу. — А то сейчас начнётся.

Так оно и вышло... Они быстро перебежали в другую лесополосу и уже там услышали прилёт. Начался минометный обстрел, но какой-то легкий. Видимо, работал один миномет с целью больше напугать, чем получить результат.

Прилетело крыло и принялось корректировать огонь — разрыв, разрыв, разрыв — но всё как-то они не попадали в лесополку, видимо, минометный расчет был из новичков.

Пролежали полчаса, и обстрел прекратился. Ещё немного полежали, встали и очень быстрым шагом пошли прочь по дороге.

— Скорее всего, сейчас налетят, надо быть поосторожнее, — высказал опасение Артём.

Он шагал позади Самосвала, подталкивал тяжёлую тележку и вертел головой во все стороны. И не даром... Метрах в полутора от земли лейтенант заметил маленький дрон-разведчик, который очень быстро пролетел куда-то вперед.

— Птица! — испуганно вскрикнул Артём.

Но дрон уже улетел очень далеко, возможно, он был российским. Ну и слава Богу! Уже вечерело, когда гонцы за посылкой добрались до своей деревни. Туда шли полтора часа, а назад — пять.

— Поторопимся! — обеспокоился Самосвал. — Сейчас уже бабка летать начнёт,

надо ускориться.

Ускорились, вспотели, устали и вот дошли до своего домика. Тележку загнали в сарайку, потом её разберут, сейчас нужно прятаться. Скинули экипировку, закрыли сарайку и спустились в подвал к Фанату:

— Всё, привезли!

Командир роты кивнул и осведомился:

— Самосвал, вы же нашли, где отдохнуть?

— Так точно, соседи согласились нас пускать.

— Ну, тогда, чтобы тут не толпиться, иди к ним. А ты, Кочевник, останешься, будешь ночью следить за моей работой. Я уже три группы из норок вывел и дальше в ту деревню загнал, они сейчас в домиках спрятались, ночью будут вдоль речки потихоньку продвигаться. Ну а ты наблюдай, смотри всё.

— Понял, наблюдаю!

На лежанке спал Некромант. Значит, когда Артём ушёл, он пришёл и уже отдыхает. Видимо, комроты еще ночь поработает, а Некромант его сменит днем. Либо командир днем посадит на управление Артёма, чего он боялся и не хотел. Так как мало в этом понимал.

Он понимал, что нужно по карте от точки к точке заводить людей по безопасным норкам, чтобы они прятались, по одному перебежали, опять прятались... Но он не понимал, вернее, не знал, на какие точки заводить и в каком месте штурмовики в итоге должны оказаться. И не было понимания, что говорить людям, когда они попадали в передрагу.

Поэтому Артём просто наблюдал, справедливо полагая, что вряд ли его посадят на управление. Так и вышло, с утра на управление сел Некромант.

Фрагмент 48. Задача

Стемнело. Артём перекусил шоколадкой «Баунти» с чаем, и началась работа.

Первая группа выдвинулась из деревни. С дистанцией в сто метров штурмы шли вдоль речки, их было видно с дрона с тепловизором. Бойцы использовали маленькие фонарики, чтобы подсветить себе тропинку. Свет фонаря в тепловизор увидеть невозможно. Они осторожно, но довольно быстро перемещались в течение примерно пятнадцати минут. Ничто не предвещало беды. И вдруг...

Рядом с направляющим взорвалась тээмка, и он упал.

— Бабка прилетела, — сделал вывод Фанат. — Калаш, я Фанат, быстрее все в речку прыгайте, быстрее!

Вся группа резко повернула вправо, и бойцы попрыгали в речку. Их тепловые сигнатуры пропали и смешались с сигнатурой речки. В этот момент тот, кто шёл направляющим, неожиданно поднялся и стал оглядываться по сторонам, видимо, выкивая своих.

— Адвокат, я Фанат, не стой, беги к речке, все уже там! — крикнул Фанат в рацию и уже тихо Артёму: — Ничёсе мужчина, да? Встал, офигеть можно...

Адвокат запрыгнул в речку.

— Адвокат, как чувствуешь себя, нормально всё?

— Вытекаю; чувствую, течёт нога... — дрожащим голосом ответил боец.

— Наложи жгут, потом попробуешь перемотать бинтами. В холодной воде медленнее вытекать будешь, не паникуй, — проинструктировал раненого Фанат. — Калаш, кто там есть рядом с Адвокатом? Пусть подойдёт, поможет ему со жгутованием ноги, — хладнокровно говорил Фанат, как будто всё это было в порядке вещей.

Оказаться раненым в Kill Zone — это очень серьёзно. Никто не сможет прийти к тебе на помощь, кроме твоей группы. А если ты один, это, в большинстве случаев, конец, особенно если кровотечение артериальное. Единственное, на что останется надеяться, это на свою выдержку и удачу. А потому что придётся ползти до ближайшего нуля, где смогут оказать помощь. Но бывает и так, что до нуля далеко, и добраться туда, не наткнувшись по пути на дрон, невозможно. Тогда нужно выполнять задачу до конца и надеяться, что не умрёшь и кровь остановится сама, главное, чтобы кости были целы. А когда задача будет выполнена, всё равно придётся откатываться на ноль, а это непросто, даже будучи целым.

Калаш отправил одного бойца, и тот помог с жгутованием Адвокату. Со слов штурмовиков, речка была по грудь.

— Всё, Калаш, сейчас ваша задача до утра дойти по речке к объекту штурма и засесть на точке <...> в кустах, где ждать остальных. Рядом с речкой нет лесополос, так что если не успеете дойти до рассвета, придётся вам до следующей ночи сидеть в

воде и прятаться от птичек в камышах. Как принял?

— Калаш принял, Фанат, — чётко ответил командир группы, один из тех, кто часто спрашивал совета у Артёма, доверял ему и общался с ним очень хорошо. Ему было двадцать пять лет.

— Бур, я Фанат. Готовьтесь, план немножко меняется. Сейчас вы пробегаете максимально быстро определённый отрезок вдоль речки и потом, по моей команде, прыгаете в неё.

— Бур принял.

Группа Бура состояла из пяти человек. Местность представляла из себя деревню, стоящую в чистом поле, без единого кустика, а через поле протекала речка. Объект штурма находился в пяти километрах от деревни, где сидели бойцы, а от деревни, где сидели Фанат и Артём, до объекта штурма — десять километров.

— Фанат, я Бур, мы готовы!

В этот момент Артём представил себе, как они там готовились, ведь штурмовики понимали, что для кого-то этот забег будет последним в жизни. Что они говорили друг другу, на что каждый из них надеялся, о чем думал? Это живые люди с живой плотью и живой душой. Им не позавидуешь, и никому не пожелаешь побывать в шкуре этих штурмовиков — они оказались на страшной войне в самом пекле ее и прямо в мясорубке, подумал человек, который сам был штурмовиком и сам находился в мясорубке войны.

И еще вот что подумал тогда лейтенант: какой контраст! — здесь, где находится он, и там, на гражданке, где люди знают о войне только понаслышке и не думают о войне, да и не должны думать о ней, ведь для того у страны и есть военные, чтобы гражданские не думали о войне, а жили спокойной мирной жизнью.

Вторая группа побежала по одному, набирая дистанцию. Направляющим был тувинец Дашпыл, а командир группы Бур — замыкающим. Вот направляющий пробежал примерно четыреста метров...

— Дашпыл, сейчас направо, направо! Прыгай в речку! — крикнул в рацию Фанат.

Дашпыл резко повернул направо и рванул к речке. Так же сделал второй и третий. Однако бежавший впереди Бура боец с позывным Драчун споткнулся и упал. Бур тут же подбежал к своему товарищу и стал помогать ему подняться.

— Помогай ему, и быстрее набирайте дистанцию, быстрее набирайте дистанцию! — прокричал Фанат в рацию.

Драчун поднялся, и они уже начали двигаться, набирать дистанцию, но не успели... Произошёл взрыв. Такой же силы, что и прошлый, но был он намного ближе к людям. Оба упали замертво.

Фанат достал сигарету, закурил, глубоко затянулся и, как обычно, прищурил глаза:

— Бур, я Фанат, приём. Кто заместитель? Принимай командование группой!

— Я Борзый, принимаю командование группой, — дрожащим от холода, но уверенным голосом доложил боец.

Фанат сделал пометки в своём списке. Бура и Драчуна пометил числом 200 и зачеркнул. Возле Борзого нарисовал стрелку вверх, обозначающую командира группы, и отдал приказ:

— Двигайтесь за первой группой. Помните, что нужно успеть до рассвета!

— Борзый принял.

Фанат посидел, подумал...

— Самовар, я Фанат. Пути назад больше нет. Вам придётся так же идти по воде. Сначала пробежите по суше, а затем в воду.

— Самовар принял.

Всё шло по отработанной схеме — нужно пробежать, а затем прыгнуть в воду.

Первые три бойца бежали нормально, с нужной дистанцией. Четвёртым был Самовар, а замыкающим — толстяк с позывным Роса, которого Артём отчитывал за лень на тренировках. В какой-то момент Роса начал замедляться и перешёл на шаг. Артём разозлился: опять Роса включил тряпку и не захотел перенапрягаться. Фанат разозлился ещё сильнее Артёма:

— Какого ты пешком идешь, придурок?! Ты сдохнуть хочешь?! Беги! — заорал Фанат в рацию. Но Роса продолжил медленно плестись. — Дебил ты, беги, сука, беги! Включи мужика и пробеги эти чёртовы двести метров!

Роса никак не ускорился. Всё так же шёл и, видимо, задыхался. И тут...

Под ногами штурмовика рванула противотанковая мина. Бабка скинула её точно ему под ноги. Тело разорвало на куски. На мониторе стали видны брызги горячей крови. Ноги моментально обуглились и разлетелись в разные стороны. Половина верхней части тела осталась более-менее целой и отлетела на три метра в сторону, а из

неё верёвкой тянулся кишечник. Одна рука изогнулась в неестественном положении, а другая повисла на оставшемся мясе. Страшная смерть! Нельзя быть тряпкой в ответственный момент, всё закончится плохо, подумал Артём.

Фанат без раздумий поставил напротив позывного Роса в списке число 200 и зачеркнул строчку, даже не пытаясь выйти с ним на связь; при таком взрыве выжить невозможно.

Остальная же часть группы успешно добежала и попрыгала в речку. Их сигнатуры испарились с экрана.

— Теперь не тормозите и продолжайте движение. Как хотите, но успеете до утра!
— строго приказал Фанат, докурил сигарету и потушил её об дно жестяной банки.

Картина 12. ТАКОМУ В УЧИЛИЩЕ НЕ УЧИЛИ

Фрагмент 49. Современная война

Тем временем, пока бойцы шли по речке, Фанат решил немного пообщаться с Артёмом. Он уже довольно неплохо к нему относился:

— Ну как тебе современная война? Такому вас учили в вашем училище?

— Вообще нет, я даже не представлял, что сейчас всё вот так.

— А как ты представлял?

Артём рассказал, как они бегали вслед за танком через минное поле и разворачивались в линию. И ещё он рассказал Фанату про то, что видел на утекших в сеть видео с камер солдат.

— Так воевали до середины 2024 года. Потом резко начали преобладать дроны. Я даже помню войну, когда ещё камиков не было, а были только разведчики и редкие сбросники. Тогда не так страшно было, что тебя везде найдут и достанут, и тогда мы не прятались, как мыши от орла, по норкам.

И в самом деле, хорошее сравнение, в серой зоне Артём чувствовал себя жертвой, на которую охотились летающие хищники.

— Калаш, я Фанат, как обстановка?

— Фанат, Калаш на приёме, идём-идём, все целы. Адвокат вроде течь перестал, повязку ему наложили.

— Да, хорошо, молодцы. Борзый, я Фанат, как обстановка?

— Фанат, я Борзый, идём! Бабка летает где-то рядом, но вроде не видит нас.

— Понял тебя, оставайтесь в воде как можно ниже, лучше по шею. Голову мочить тоже не забывайте! Самовар, я Фанат, как обстановка?

— Фанат, я Самовар, все целы, тоже слышим бабку где-то рядом. Ищет нас, сука, но вроде не видит.

— Хорошо, не светитесь там и не забывайте охлаждать голову, чтобы она не отсвечивала.

Время подходило к четырём двадцати. Фанат оповестил об этом все три группы:

— Мужики, скоро светать будет, у вас минут двадцать осталось! Где идёте? — ему назвали точки. — Калаш, проходите утонувший танк и в точке <...> по одному забегайте в кусты.

— Калаш принял.

— Борзый, ускорьтесь, поторопитесь, мужчины, не зевайте! В той же точке выходите — и в те же большие кусты.

— Борзый принял.

— Хорошо, хоть зелень пошла наконец-то, проще прятаться, — сказал Фанат Артёму. — Самовар, ищите камыш, вы не успеваете до рассвета, придётся ждать ночи. Ни в коем случае не выходите из воды и из камыша! Потом сообщите точку, где засели.

— Самовар принял, — отозвался боец поникшим голосом, ему явно не климатило весь день сидеть в холодной воде.

Перед самым рассветом первая группа выскочила из воды в кусты и принялась готовиться к штурму деревни. Штурмовики преодолели широкую серую зону и оказались в непосредственной близости с противником. Вторая группа была на подходе, а третья спряталась в камышах, и ей предстояло пробыть в воде весь следующий день.

Тем временем проснувшийся Самосвал постучался в подвал и произнес свою привычную фразу:

— Это я — Самосвал! — что в его слегка шепелявой манере речи звучало забавно.

— Калаш, я Фанат, ждите вторую группу и ведите наблюдение за передвижением противника. Вскрываете их укрытия, после обеда будете штурмовать. Закрепитесь на этом фланге деревни, и к вам ночью подойдет парни по дороге, с фронтальной части

деревни. Надо будет им помочь и ударить в тыл пидорам, которые сидят на окраине!
— Калаш принял.

Фрагмент 50. Школа

— Так, Кочевник, сейчас вы с Самосвалом идёте к Сворогу и втроём отправляетесь с тележкой шариться по развалинам школы, ищите там всё полезное.

Зашли в сарайку, экипировались и выдвинулись к норке Сворога. По дороге встретили Алмаза, который совершенно идеально развязной блатной походкой шёл без шлема и с автоматом в одной руке. Поздоровались и поинтересовались, куда он идёт.

— Да я вот прогуливаюсь, птичек стреляю, сейчас к пацанам своим в соседнюю деревню наведаюсь, гляну, как у них там дела, и вернусь.

Ещё пару минут пообщались, и Алмаз той же блатной походкой без какого-либо напряжения пошёл через открытое поле напрямик в соседнее селение. Этот бывший зек сразу поразил Артёма своим бесстрашием и меткостью стрельбы по дронам.

Деревня была разделена на две части болотистой речкой или длинным озерцом. Путь лежал в восточную её часть. Здесь всё было по-старому — кто-то куда-то шёл, в небе летали наши дроны, противник понемногу накидывал из миномёта, и эти свисты мин уже стали привычными для Артёма.

Навестили Сворога, тот надел броник без шлема, и втроем двинулись к разрушенной школе. Артём спросил про неё.

— Да там зимой разбомбили наш ПВД, многих и много чего засыпало обломками, там можно всякого найти.

Подошли к разрушенному зданию. Оно ничем не отличалось от окружающего пейзажа, а в ста метрах за домами виднелась старая деревянная церковь, тоже вся изрешеченная.

Мужики залезли через окно внутрь школы, а Артём, засев в кустах, остался наблюдать за небом. Через короткое время бойцы извлекли из развалин исправный генератор, канистры с горючим, по паре броников и автоматов. Артём подошёл к окну, чтобы это всё принять и уложить в тележку.

Приблизившись, он почувствовал удушающий запах мертвечины. Н-да, много людей лежало под обломками, и возможно, мужики ходили прямо по трупам. Приглядевшись, лейтенант увидел в глубине помещения торчащую из-под обломков коричнево-черную человеческую руку, которая уже почти сгнила.

— Мужики, тележка переполнена, я пойду скину что есть, а вы ищите дальше! Скоро вернусь! — крикнул Артём в окно.

— Да, хорошо! — откликнулся Самосвал.

Артём поднял ручки тяжёлой тележки, убрал автомат за спину и покатил тележку к подвалу Сворога. На улице — пусто, никого. Уже сильно пригрело солнце. Стояла тёплая, весенняя, майская погода. Лейтенант уже третий день как отказался от куртки и был одет в боевые брюки и боевую рубаху, а куртка лежала в рюкзаке в сарайке.

Когда почти дошёл до подвала, по деревне опять начал сыпать миномёт. Прилетало уже рядом, но он не стал бросать тележку и прятаться, важно было довести вещи, а там, попадёт, не попадёт, чего гадать... Прилетело пять мин. Не попало!

Добравшись до подвала, разгрузил тележку в кустах и сразу же выдвинулся обратно. Вернувшись к школе, увидел, что мужики нашли ещё много чего. Загрузились и снова сделали ходку. Вернулся. Загрузились в последний раз, и тележку покати Самосвал. Артём следил за небом. Разгрузились и принялись стаскивать военное добро в подвал к Сворогу.

Фрагмент 51. Детские рисунки в ящике с патронами

В подвале сидел пожилой мужчина по имени Игорь и вслух читал молитвы. У него был какой-то позывной, но все называли его просто Игорем.

Закончив разгрузку, Сворог пошёл пообщаться с дронщиками, а Артём с Самосвалом остались попить чайку, предложенного Игорем. Он был из другого подразделения, его группу полностью уничтожили в серой зоне, но ему повезло выжить, и его приютил хозяйственный Сворог. Теперь он перекадывал на Игоря всю грязную работу на том основании, что он же его приютил, значит, услуга за услугу, давай работай — стирай, убирай, готовь, мой посуду и так далее. Игорь был не против, он пока не мог связаться со своим подразделением и ждал, когда его бригада снова зайдёт на задачу, чтобы к ней присоединиться.

Стали пить чай. Артём почувствовал в воде какой-то неприятный привкус.

— Я один чувствую этот привкус? Мне не кажется?

Игорь немного помолчал, потом ответил:

— Нет, тебе не кажется. Это вода из местного колодца. В нём пидоры пленных топили. Тела давно уже достали, колодец два раза сливали и чистили, но привкус всё равно остался, пованивает. Пей, не бойся, врачи сказали, что это хоть и неприятно, но неопасно, пройдёт со временем.

— Нет, спасибо, — Артём отодвинул от себя свой стакан с чаем.

— Подлей ещё, — попросил Самосвал и подвинул свой стакан к Игорю.

Они здорово проголодались. В норке нашлись макароны, суповой набор из гуманитарки и консервированная печень трески в жирном соусе. В хозяйстве Сворога имела чистая кастрюля и газовая горелка с переходником под плиту. Артём налил воды в кастрюлю и начал варить макароны в суповом наборе. Печень трески в этот свой суп он добавлять категорически отказался, хотя Игорь и просил — жирная, вониючая. Попробовал суп на предмет готовности. Не готов. Решил сходить на улицу в кусты по-маленькому...

Внезапно раздался очень резкий и быстрый свист. Лейтенант мгновенно упал на землю. Мина взорвалась в десяти метрах от него, в кустах. Осколком срубило здоровенную ветку прямо над ним, и она на него свалилась. С этого момента Артём решил справлять малую нужду только лёжа либо стоя на коленях.

Вернувшись в подвал, снова попробовал суп и ощутил противный рыбный привкус.

— Чё за хрень? Откуда этот привкус?

— Это Игорь печень трески добавил, я поздно заметил, — объяснил Самосвал.

— Ох-х, ё-ё-ё! — скривившись, воскликнул Артём.

— Ну а чего вы, парни, треска очень вкусная, я подумал, лишней не будет, — оправдывался Игорь.

— Ну, если тебе так нравится треска, будешь её ложкой вылавливать и есть, всю!

— А что, и буду, мне нетрудно!

Когда с супом было покончено и вечный дневальный Игорь, не откладывая, без разговоров помыл за всеми посуду, Артём увидел в углу подвала вскрытый ящик с патронами калибра 5,45 и решил подзабыть свои полупустые автоматные магазины. Поднял крышку и обнаружил на её внутренней стороне детские рисунки с солдатыками, танками, солнцем, ясным небом и пожеланиями детей солдатам на фронте. Лейтенант замер от неожиданности и начал рассматривать послания. Чтобы взглядеться лучше, снял свои противоосколочные очки, в которых старался быть всегда.

«Мы ждём вас дома, наши защитники!»

«Будьте здоровы и спасибо, что защищаете нас!»

«Мы вас очень любим и ждём!»

Эти детские пожелания тронули Артёма так, что навернулась слеза. Он аккуратно опустил крышку на землю и, надев очки, принялся забивать свои магазины.

Затем решил заварить себе кофе и только им получилось перебить привкус воды. После этого на связь вышел Некромант и велел возвращаться.

По возвращении на командный пункт Фаната Самосвал пошёл дочиновать генератор в сарайке, а Артём снял экипировку и спустился в подвал.

Картина 13. ШТУРМ ДЕРЕВНИ

Фрагмент 52. Взятие трех домов

— Фанат передал, чтобы ты посмотрел на штурм деревни, а потом можешь отдыхать до вечера.

Перспектива отдохнуть подняла Артёму настроение, он валился с ног от усталости.

Фанат спал, с тем чтобы сесть за управление ночью.

Первая и вторая группы штурмовиков уже встретились в кустах и готовились к штурму. Первая группа, наблюдая, смогла выявить дома, где сидел противник.

Калаш доложил, что у Адвоката обморожение ног, а у остальных переохлаждение, и боеспособность из-за этого снизилась. Но Некроманта это не волновало, он видел перед собой только задачу, да и отдыхать штурмам было негде и некогда. Вторая группа тоже заняла боевые позиции.

Задача первой группы — резкое сближение с двумя домами, где засела пехота противника, и последующее подавление неприятеля огнем и ручными гранатами. Вторая группа должна была обеспечить огневую поддержку, стреляя одиночными по окнам.

Некромант дал сигнал, и вторая группа открыла огонь, а первая резким рывком пересекла стометровую открытку перед домами. Вот штурмы подбежали к домам, разделившись по три человека. Некромант, наблюдая с дрона, давал подсказки и напоминал нужные действия. Вот несколько гранат залетели в окна, внутри прогремели взрывы, поднялась пыль, и бойцы по одному залезли через окна внутрь. А дальше —

зачистка.

Неприятеля, что называется, застали врасплох, он не ожидал таких действий от российских штурмовиков. Первая группа заняла два дома без потерь, при этом уничтожив четырёх солдат противника. Теперь эта группа обеспечивала прикрытие другой, бежавшей на подмогу. Однако на улицу деревни никто из её защитников не вышел, все они так и сидели в домах и подвалах.

Вторая группа приступила к штурму соседнего дома, что располагался ближе к центру деревни. Часть первой группы, находящаяся в ближайшем из двух отбитых домов, открыла огонь по окнам. Ухнули взрывы гранат. Вторая группа прострелами во все углы зачистила дом, но в нём никого не было.

Тогда Некромант велел осторожно проверить пустой дом на предмет минирования. Проверили, мин не обнаружили. На этом дневная стадия штурма закончилась. Бойцы закрепились в трёх домах и организовали дежурство, при этом стараясь по очереди отдохнуть и высушить одежду, благо стояла тёплая солнечная погода.

— Закрепитесь и держите занятые дома, готовьтесь к вечеру занять дома на окраине и ночью встретить нашу группу с дороги, — подвел итоги боя Некромант по рации и обратился к Артёму: — На этом пока всё, иди отдыхай и подходи к двадцати часам.

Фрагмент 53. На войне снится дом, а дома – война

Лейтенант покинул командирский подвал и пошёл к закрепам, уже однажды приютившим его на пару с Самосвалом.

— О-о-о, товарищ лейтенант вернулся! Проходи, командир! — радостно крикнул Леший.

Там же находился Димон и чаевничал. Предложили чаю и гостю, на этот раз с водой из бутылок. Немного поболтали за чаем и стали располагаться на ночлег.

Лежанки для большей безопасности закрепи перенесли в погреб и спали теперь там. В погребе пришлось передвигаться на карачках, потолок был очень низким. Там сидел молодой парнишка по имени Даня, двадцати шести лет. Познакомились.

Артём лёг на спальный мешок и поставил будильник на своём рабочем смартфоне на девятнадцать сорок пять. Для сна оставалось четыре часа восемнадцать минут. Какая радость! Наконец-то он может немного поспать!

Повернувшись лицом к стенке, лейтенант немного послушал на телефоне любимую музыку — атмосферный и завораживающий космический саундтрек к игре Stellaris, авторства шведского композитора Andreas Waldetoft. Эта музыка успокаивала, помогала отвлечься от ужасов войны и задуматься о чём-то большем, что наверняка есть где-то за пределами планеты Земля.

И ещё эта музыка помогала представить себя дома. И Артём тут же вспомнил дом, родителей, брата, сестру, бабушку, дедушку, других близких родственников... и Киру. Боже, как бы он хотел сейчас оказаться рядом с ней! Уже в полусне он снова и снова проживал тот день их единственной прогулки, вспоминал её взгляд. Ему казалось, что они обязательно увидятся и не раз. У него было предчувствие, что они полюбят друг друга очень сильно и она будет с ним всегда. И на этом тёплом кадре лейтенант уснул крепким здоровым сном, и снилось ему, как они с Кирой попали отдыхать в какое-то очень красивое место, где был большой шикарный бассейн. Это был прекрасный сон, но почему-то Артём понимал, что это всего лишь сон.

«Вот почему так? — подумал Артём, выныривая из тёплой голубой бездны. — На войне снится дом, родные и ласковое море, а дома снятся кошмары о войне».

Фрагмент 54. «Командир, позволь мне умереть»

Лейтенант проснулся по будильнику. Его словно выдернули из рая. Вылез из погреба и вышел на улицу. Темнело, скоро хищники вылетят на ночную охоту.

В командирском подвале на месте управления сидел Фанат.

— Ну как, отдохнул?

— Так точно, отдохнул!

— Садись, сейчас будем пидоров убивать.

— Что-то поменялось, пока меня не было?

— Первая и вторая группы продвинулись к окраине деревни и убили там всех. Без потерь, правда, не получилось. Калаш, Затон и Легенда — 200.

Артёма потрясла эта информация. Калаш, тот самый грамотный паренёк, погиб. Лейтенант как будто потерял своего ученика.

Легенда был хитрым и весёлым парнем двадцати шести лет, который всегда делился с Артёмом едой и водой, а также готовил вкусный чай, когда они ещё были в тылу на

подготовке.

А Затон, хоть и тормоз, но был добрым и наивным парнишкой.

Артёму сделалось грустно и страшно. Парни сходили в один конец, и неизвестно, как ещё оставшиеся в живых будут откатываться в случае команды на отход. Ведь дроны видят всё.

Закрепившиеся группы должны были встретить седьмую и восьмую, которые шли по дороге в их направлении. Фанат дал команду и третьей группе, просидевшей весь день в воде, начать движение параллельно седьмой и восьмой.

И впрямь дорожный асфальт буквально светился жаром в тепловизоре. Силуэтов людей не было видно вообще. Фанат велел штурмам идти строго по центру дороги и стараться пригибаться, чтобы с боковой проекции не отсвечивать слишком сильно. В случае если рядом появится дрон, бойцы должны были сразу же сесть на корточки и не двигаться, ожидая, когда птица улетит.

Группа Орска следовала с интервалом сто пятьдесят метров между бойцами. Первым шёл боец с позывным Вайлдбериз. Требовалось преодолеть четыре с половиной километра. Первые десять минут прошли спокойно. Потом поступил доклад:

— Фанат, я Вайлдбериз, слышу бабку! — шёпотом проинформировал командира штурмовик. Фанат усмехнулся:

— А чего шепчешь-то? Она тебя не слышит. Замрите все! Сядьте на корты!

— Она не улетает... — дрожащим голосом произнес Вайлдбериз.

— Не вздумай бежать или двигаться, она сразу увидит движение на асфальте! — Фанат уже следил за бабкой со своего дрона. — Скат, отправляйте камика! Вижу бабку на точке <...>

— Скат принял, — спокойно и чётко ответил молодой голос по рации. Через восемь минут Скат доложил: — Подлетаю, вижу бабку.

А дальше — филигранный подлет и точное попадание. От взрыва камика на бабке взорвались и тээмки. В небе возник огромный огненный шар, и обломки гексокоптера упали в поле. Вот она, война дронов. Люди, сидящие внизу, на дороге, в страхе наблюдали за этим одновременно жутким и прекрасным небесным зрелищем.

Но противник такое не стал проглатывать и, видимо, решил отомстить. Через десять минут бойцы доложили о жужжащем рядом с ними дроне-камикадзе. Похоже, это был камик с тепловизором. Он летел сбоку от дороги и там увидел Вайлдбериза, а тот его только услышал. На экране небольшая точка быстро приближалась к дороге.

— Вайлдбериз, он тебя видит, лови момент и отпрыгивай в сторону! — закричал Фанат в рацию. И тут на дороге раздался взрыв. — Вайлдбериз, я Фанат, приём!

— Вайлдбериз на приём!

— Красавчик, блин, красавчик! Как ты?

— Вытекаю! Кажется, мне ногу отсекало, я её не чувствую...

— Перематывайся, перематывайся быстрее!

— Командир, я не хочу, я устал, позволь мне умереть...

— Ты чего, совсем сдурил?! Перематывайся, сука!

— Передайте моим родным, что я люблю их...

— Сука, мы не в кино, перематывайся, я тебе сказал! — орал Фанат. В ответ молчание. — Вайлдбериз, я Фанат, приём! — молчание. — Ну как знаешь, боец. Не понял я тебя, конечно, — успокоился Фанат и пометил штурмовика в своём списке личного состава числом 200. — Продолжайте движение! — велел командир седьмой группе.

И в конечном итоге через полтора часа седьмая группа дошла без происшествий. Следующей двигалась восьмая группа Архангела. К счастью, она тоже добралась без происшествий.

Начало светать. Вся ночь ушла на то, чтобы две группы переместились по одному маршруту и воссоединились с другими двумя группами.

Тем временем третья группа вышла из речки в том же месте, где выходили первая и вторая группы, и закрепилась в уже зачищенных домах. Бойцы равномерно распределились по ним.

Начало штурму деревни было положено. Под контролем роты, кроме планируемых, оказались ещё пара домов на окраине у речки и пара на восточной окраине.

В восемь утра Фанат отпустил Артёма отдыхать, к его удивлению. И сам командир пошёл спать, передав пульт управления Некроманту.

Представившаяся возможность отдохнуть понравилась лейтенанту и не понравилась одновременно. С одной стороны, он выспится, а с другой, это точно предвещало какое-то сложное задание, для чего Фанату и было нужно, чтобы Артём выспался. Но главное, что сейчас он пойдёт спать, а что его ждало дальше — это уже проблема того Артёма, который проснётся в будущем.

Он снова отправился к закрепам, ставшим уже друзьями. По пути заметил в поле

силуэт с автоматом, двигавшийся знакомой развязной походкой. Да, это был Алмаз, возвращавшийся со своей опасной утренней прогулки. Он тоже увидел Артёма и крикнул ему:

— Чего шкеришься, лейтенант, нету птиц, улетели, суки, не пострелять, а-ха-ха!

Они вместе зашли в дом, попили чаю, а там уже проснулся Самосвал и громко поздоровался со всеми.

Артём лёг спать, и снова его накрыли те же самые мысли о доме и любимых людях. Господи, как же он хотел бы оказаться рядом с ними...

Картина 14. ЗАЧИСТКА ТРАНШЕИ

Фрагмент 55. Как знал

Лейтенанта разбудил прибежавший Самосвал:

— Кочевник, просыпайся, тебя Фанат ждёт, говорит, для тебя есть какая-то задача.

Спросонья Артём почувствовал тревогу. Правильно он понял с утра, что Фанат решил его озадачить чем-то серьёзным, недаром выспаться дал.

Время — тринадцать сорок. Поднялся, явился, доложил.

— Кочевник, сейчас тебе будет поставлена очень ответственная задача. Готов?

— Готов!

— Идешь на точку <...> Это дом с синей крышей, там сидит твоя девятая группа. Берёшь с собой трёх человек и выдвигаешься вот в эту точку.

А эта точка находилась в серой зоне, в двух километрах от деревни.

— Там, в лесополосе, — продолжал командир, — есть небольшая траншея, в ней заметили пидоров, ориентировочно три человека. Ваша задача: или убить их всех, или выгнать на открытку, чтобы наши птички их поджарили.

— Принял!

— Хорошо, открывай карту, и будем думать, как штурмовать.

Артём открыл свою электронную карту и нашёл эту лесополосу. И тут Фанат снова дал ему возможность проявить себя. Он показал, где начинается траншея, её изгибы, её конец и предложил лейтенанту строгим тоном:

— Ну, давай излагай мне свой замысел, командир взвода!

Артём предложил зайти с двух сторон и двигаться к центру траншеи двумя двойками, при этом зачищая каждую норку.

— Неплохо! А вы друг друга не постреляете, лоб в лоб?

— Нет, но если вы будете наблюдать за нами с неба и подсказывать.

— Ладно, хорошо, — одобрил Фанат и закурил. — Как дойдешь до девятой — мне доклад.

Артём отправился в сарайку к Самосвалу и начал экипироваться.

— Куда отправили? — с интересом спросил Самосвал, ковыряясь в батарее, которую он ставил на ночь вместо генератора.

— На зачистку траншеи, — ответил Артём, надевая пояс, бронежилет, балаклаву и шлем с очками.

— Удачи тебе, смотри не задыхаться, — пожелал ему Самосвал.

— Нормально всё будет. Отработаю и вернусь, — пообещал Артём, но при этом ощущая некоторый мандраж и сердцебиение. Первый раз всё же.

Фрагмент 56. Первый убитый враг

Лейтенант вышел на улицу. Где-то доносились глухие взрывы мин. До дома с синей крышей добрался без происшествий. Зашёл внутрь, поздоровался с бойцами и сообщил:

— Нужны три добровольца, идём зачищать траншею в лесополке.

Тут же откликнулись Карась, Топник и Смурфик. Эти бойцы всегда охотно и с энтузиазмом следовали за Артёмом, ведь он на них не орал и всегда старался дать правильный совет. Поход в бой они, похоже, восприняли как захватывающее приключение. Однако самому лейтенанту было страшновато, он нёс ответственность за этих людей, и от его решений зависела их судьба.

Проверил экипировку бойцов и готовность к выходу.

— Фанат, я Кочевник, добрался, людей собрал и подготовил.

— Хорошо, начинайте движение! Как подойдете к соседней точке <...>, дай знать, чтобы я глазки туда отправил.

Группа двинулась к окраине деревни, к речке, к точке входа в серую зону. Речка — примерно тридцать метров шириной. Путь лежал через взорванный мост. Взрыв сложил мост в гармошку. Сначала нужно скатиться по нему вниз, потом вскарабкаться

наверх, затем снова вниз, перепрыгнуть через огромный кусок арматуры и снова вскарабкаться наверх. И только тогда окажешься на другой стороне.

Рядом с мостом ни деревьев, ни кустов, а до ближайших лесополос — по сто пятьдесят метров с каждой стороны. Поэтому сначала надо пробежать эти сто пятьдесят метров, перебраться по мосту и пробежать ещё столько же.

Артём принял решение перебежать по одному почти всю дистанцию. Первым отправил Смурфика. Когда тот оказался на другой стороне, побежал Карась, затем Топник. За ним — Артём.

Он добежал до моста и скатился вниз, к воде. Там увидел труп с погружённой в воду головой. Вокруг него стояла жёлтая лужа, а само тело было чёрным и сгнившим. В нос дал сильный запах мертвечины.

Добежав до подъема, лейтенант вскарабкался и с ходу скатился вниз. Там на арматуре лежало ещё одно тело, но более свежее, а под ним была тёмная лужа крови. Перепрыгнул через арматуру и начал карабкаться наверх. Сердце стучало очень сильно, было страшно.

Так группа вбежала в ближайшую лесополосу. В ней тоже лежали трупы, но чьи — непонятно. Вот совсем обугленный скелет, вот тело с набухшим от газов животом. Запах стоял ужасный: гнилой, мочевой, фекальный, всё вперемешку. Kill Zone встречала их во всей своей мрачной красе.

Артём посмотрел в телефоне на карту и сверился с маршрутом. Нужно перемещаться севернее. Перебежали в соседнюю лесополосу и прошли её до конца. И оттуда уже увидели ту лесополосу, в которой сидел противник.

В этой части серой зоны вражеские дроны почти не летали, а если и летали, то мимо — в деревню, откуда штурмовики сюда пришли. Так или иначе, здесь плотность дронов была меньше, и если не щёлкать клювом, было относительно безопасно.

— Фанат, я Кочевник, мы на месте.

— Хорошо, отправляю глазки.

Пока ждали дрон-наблюдатель, Артём велел Топнику тоже понаблюдать за противником и попытаться установить его численность; остальных распределил в круговое наблюдение, ещё раз объяснив, кто и как будет действовать.

Над головой послышалось жужжание.

— Кочевник, это я прилетел, не пугайтесь. Работаем по плану!

— Принял! Группа, заряжай!

Все дослали патроны в патронники автоматов. Это необходимо сделать заранее, чтобы не делать этого вблизи противника, он мог услышать.

— Давай, первый пошёл! — скомандовал Фанат.

— Топник, вперёд! — уточнил команду Артём.

Боец тут же рванул через поле и побежал к правой стороне траншеи. Противник из нор не высовывался, никак не светился, но он не знал, что на него уже шла охота.

Топник добежал и залёг рядом с траншеей. Карась помчался на другой её конец и там залёг. Затем Смурфик побежал к Топнику, а после него Артём к Карасю. И вот группа в исходном положении для штурма.

— Фанат, мы готовы, — доложил Артём тихо.

— Начинайте.

— Группа, начали! — опять тихо приказал Артём.

Сердце застучало сильнее, адреналин выплеснулся в кровь, он почувствовал, как его зрачки расширились, а поле зрения глаз сузилось.

Карась прыгнул в траншею и в двойке встал первым номером. Он шёл полуприсядью и концентрировал своё внимание на нижнем уровне траншеи, высматривая «лисы норы», а Артём смотрел за верхним уровнем и поглядывал за обстановкой в уровне Карася, чтобы в случае чего его подстраховать.

И вот первая нора. Штурмовики работали почти без разговоров.

— Пока сверху никого не вижу! — сообщил Фанат по радию.

Карась начал прострел. Никого там не оказалось.

Со стороны Смурфика и Топника тоже донеслись выстрелы.

— Вижу, пидоры вылезли из норы прямо между вашими двойками, три человека! — проинформировал Фанат. — Но не торопитесь, их может быть больше, простреливайте всё!

Продолжили движение, и вот ещё одна норка.

— Стой, готовлю гранату! — сказал Артём.

Достал гранату, выдернул чеку и показал её Карасю сбоку от его головы, чтобы тот боковым зрением увидел его руку с гранатой и понял, что лейтенант готов к броску. Карась кивнул, и Артём закинул гранату в нору. Взрыв! Прострел от Карася внутрь. При этом Артём смотрел за верхом.

— Чисто! — крикнул Карась.

— Они закрепились на углах поворотов у центра, всё так же трое! — передавал по радиации Фанат. — Кочевник, один бежит в вашу сторону, готовьтесь встречать его справа!

— Быстрее к повороту, закрепимся там! — крикнул Артём.

— Мне надо поменять магазин! — отозвался Карась.

Артём подменил его и встал первым номером. Карась отошёл ему за спину и стал менять магазин. Артём сел на колено, поменял упор автомата на левое плечо, так как поворот был правым, и взял на прицел коридор траншеи. Дальше, в двадцати метрах был Т-образный перекрёсток.

Вдруг на перекрёсток выбежал человек с автоматом и, увидев Артёма, испугался, хотел поднять автомат и направить на него, но не успел. Артём оказался проворнее и целых пять раз накидал одиночным огнём. Тот моментально обмяк и упал на живот. И лейтенант произвёл точный контрольный выстрел в голову.

Так он впервые убил человека. Но в тот момент Артём ничего не почувствовал, потому что был на адреналине. Только мельком он подумало о том, что это был неопытный боец, поторопился выскочить за поворот, вот и отхватил свою порцию свинца.

Им повезло, на их пути больше не было нор, и им не пришлось нагибаться и простреливать их.

— Пидоры выпрыгнули из траншеи, бегут вглубь лесополосы, выбейте их на открытку! — донеслось по радиации.

— Принял! Топник, вы зачистили норы? — спросил Артём у подошедших бойцов первой двойки.

— Да, встретили пару, больше нет.

— Выпрыгиваем из траншеи и давим огнём! — крикнул Артём в радию.

Штурмы выпрыгнули наверх и начали одиночным огнём накидывать в сторону бежавшего противника.

— Отлично! Бейте по ним, они уползают! — прокричал Фанат.

— Топник, перебежка на десять, вперёд! — дал команду Артём.

Боец встал, пробежал десять метров и залёг. Таким образом Артём сместил всех вперёд и сместился сам. И группа продолжила стрелять вслепую одиночными.

— Вижу их, они выбежали на поле! — сообщил Фанат.

— Группа, к краю лесополосы, вперёд! — скоординировал Артём, чтобы не дать противнику передумать и забегать обратно.

Тут зажужжал дрон со сбросом, и через пару минут двое врагов уже лежали с перебитыми ногами в открытом поле. Раненые пытались уползти, но на них сбросили контрольные гранаты, и они умерли.

Задача была выполнена. Проверили траншею ещё раз и уже знакомым путём вернулись в деревню, в дом с синей крышей.

Там Артём пожал бойцам руку, похвалил их за то, что они не тупили, а бойцы выразили лейтенанту благодарность за хорошее управление.

Артём отправился к Фанату. Время к вечеру.

Заглянул в сарайку, где его встретил и похвалил Самосвал. Артём разрядил автомат и скинул с себя экипировку. Самосвал закрыл сарайку, и они пошли к Фанату. Тот отпустил Самосвала отдыхать, а Артёма похвалил и даже разрешил ему поспать до утра.

— Ты заслужил, иди спи.

Комроты продолжили управлять, а Артём пришёл к своим закрепам и, даже не поужинав, рухнул спать. Без мыслей и сновидений. Все силы, и моральные, и физические, он оставил там, в траншее.

Фрагмент 57. Контрудар

Разбудил Артёма Самосвал. Лейтенант посмотрел на свои спортивные часы, включив на них подсветку, было пять сорок утра. Часы он носил традиционно, на левой руке внутрь циферблатом.

Быстро переместились в подвал к Фанату. Артём спустился вниз, а Самосвал пошёл заменять батарею на генератор.

— Что-то случилось за время моего сна?

— Ночью пидоры попытались выбить наших парней из домов. Не получилось, — Фанат сделал глубокую затыжку. — Но без потерь с нашей стороны тоже не обошлось. Вся группа Орска — 200, а он сам 300 со сломанными ногами.

— Но как они смогли убить почти всю группу?! — воскликнул Артём.

— После перестрелки бабка спалила те места, откуда стреляли, и закидала их тээмками. А у Архангела Шофёр — 200.

Фанат начал прокачивать связь с Архангелом, Самоваром, Орском и другими

группами в той деревне.

— Орск, я Фанат, приём!

— Фанат, я Орск, на приёме, — послышался в радиии очень слабый и хриплый голос.

— Как погода у тебя?

— Погода хорошая, чувствую себя плохо, ног не чувствую почти уже.

— Держись, братишка, ты — красавчик, не теряй сознание! Архангел, я Фанат, прием.

— На приёме, — откликнулся уставший боец.

— Как погода?

— Погода хорошая, все на месте.

Так он опросил все группы. Между тем, Самовар слегка пожаловался на переохлаждение. Фанат уже было разозлился и хотел наорать на Самовара, но тому ответил Орск:

— Чего ты ноешь, возьми себя в руки, кому сейчас легко?!

Фанат изменился в лице и буркнул себе под нос:

— Красавчик!

Теперь ему нужно было завести ещё несколько групп вглубь деревни и закрепиться в домах.

Тут в эфире сообщили про Робина. Он весь израненный прибежал к медику и после перевязки готов был бежать выполнять задачу дальше. Этот парень всё-таки снова пошёл в штурма. Вот что сделала с Робинем девушка, бросившая его. Бойца немного подлатали, и он выдвинулся на помощь Орску.

Картина 15. «РОДИНА ДЛЯ ТОГО И ДАНА, ЧТОБЫ ЗА НЕЕ СРАЖАТЬСЯ»

Фрагмент 58. Подрыв машины

Артёма ждала новая задача.

— Смотри, в одиннадцать двадцать в нашу деревню, вот на эту точку, — Фанат показал на карте, — приедет группа зомбиков. Ты должен их встретить и проводить в этот дом.

— Принял.

— Всё, можешь идти экипироваться.

Зомбиками называли бойцов с отклонениями здоровья.

В этой группе было шесть человек, и один из них был тот самый Янек.

Артём зашёл в сарайку, чтобы попить чаю и позавтракать. Самосвал в это время вышел до ветру. Лейтенант встал и потянулся.

«Вжи-у-ух, бах!»

Он уже лежал на полу. Моментально упал, как только услышал свист мины. Осколками посекло крышу сарайки, выбило окно, осколки стекла посыпались на него.

Поднялся и отряхнулся со словами:

— Хэ-э, прикольно!

Не торопясь экипировался, после чего в сарайку ворвался Самосвал.

— Ты сдурил, чё стоишь?! Давай сваливать отсюда в подвал!

— Да подожди ты! Никуда отсюда не выходи, а то спалишь сарай, и его разнесут! Ждём, пока обстрел прекратится. Там сто процентов птичка смотрит за результатом огня, — возразил Артём.

Самосвал не мог усидеть на месте, а Артём сел на ящик и просто ждал. Он вспомнил Печорина из «Героя нашего времени» с его теорией фатализма. Вариантов было два — разнесёт или нет. Оставалось только ждать, ведь если выскочить сейчас, то сарай точно могли засечь и уничтожить, а в нём была буквально вся жизнь роты.

Наконец, обстрел прекратился. Выскочили наружу и метнулись в подвал, где Артём ещё немного переждал и отправился встречать зомбиков.

Снова он шёл один по деревне в самое её начало. Чтобы не светиться для дронов, в нужной точке засел в кустах. Эту задачу он воспринимал уже как что-то вроде неопасной лёгкой прогулки и даже начал подумывать о том, чтобы в следующий раз не надевать всю экипировку.

Вдалеке показалась багги. «Вот они едут!» — подумал лейтенант, вышел из кустов и начал махать рукой. И вдруг... под правым передним колесом сработала тээмка. Переднюю часть машины подбросило. Она раскрылась, как консервная банка, обломки разлетелись по дороге, а двигатель вспыхнул. Взрыв произошёл точно под пассажирским креслом, в котором никто не сидел. Водитель загорелся, выпрыгнул из машины и стал кататься по земле.

Машина была в шестидесяти метрах от Артёма, и он рванул к ней. Выпрыгнули наружу ещё пять человек и забежали в кусты. Горящий водитель, катаясь по земле,

кричал во все горло. Артём принялся засыпать его землёй и тушить огонь руками. Потушить удалось, но водитель обгорел серьёзно, спина была сильно обуглена.

Подбежав к взорванной машине, Артём увидел лежащего на дороге Янека. Он был мёртв. Артём так и не понял, что стало причиной его смерти, ни крови, ни дырок на теле он не заметил, и внешне всё было на месте. Возможно, бедняга умер от испуга либо от удара головой об асфальт.

Доложил о происшествии Фанату, и тот велел направить уцелевших на точку, а раненого отвести к медикам. Геолокация почему-то не работала, и, собрав разбежавшихся зомбиков, Артём подозвал к себе самого адекватного, показал ему точку на карте, куда им предстояло прибыть, и показал точку, где они сейчас находились.

— Приду, проверю, добрались вы или нет!

Обожжённый водитель стонал и просил обезболивающие.

— Давай дойдем до врачей, они всё сделают...

Обезболивающие из своей аптечки давать было нельзя, а аптечка водителя сгорела в машине.

Фрагмент 59. Медпункт под курятником

В импровизированном медпункте, видимо, бывшем курятнике, сидел Знахарь и фельдшер из другой роты с позывным Пенициллин. Вернее, в курятнике был погреб, и сидели они в нём. А в углу на спальнике лежал раненый Ахмед — однокашник Артёма, с которым они недавно тренировались. Глаз у него был чёрным и вытекал. Он первым увидел Артёма из темноты вторым глазом.

— Здорово, брат!

— Ничего себе... Здорово, Ахмед! Как же тебя угораздило?!

В училище они почти не общались, но сейчас, находясь в одной лодке, сдружились... и теперь у однокашника вытекал глаз, а нога и рука были перебиты.

— Ехали мы, ехали... Дрон-камикадзе врезался в машину, осколок в глаз попал, и руки-ноги посеколо.

Ошеломлённый Артём опустился на колени рядом с боевым товарищем.

— Надеюсь, глаз смогут восстановить?

— Ну, мне Знахарь сказал, что восстановить смогут, если постараются, но зрение, скорее всего, у меня на этом глазу будет плохое.

— Ничё-ничё, братишка, сейчас ты приедешь в госпиталь, отдохнешь...

Артём поздоровался со Знахарем, передал ему обгоревшего водителя, немного пообщался за родное Купино и пошёл проверить, дошли зомбики до точки или нет. Зомбики до точки дошли, и можно было возвращаться.

— Фанат, я Кочевник. Раненого отвел, людей на точку привел.

— Принял. Жду, давай ко мне подходи после обеда.

Фрагмент 60. «Косьяк» Самосвала

Артём пообедал с Самосвалом в сарайке. Тот был в очень плохом настроении.

— Что случилось?

— Да я накосячил, забыл посчитать, сколько осталось бензина и дизельного топлива. В итоге мы не сделали заказ замполиту Востоку, чтобы он нам посылку отправил. Фанат обозлился и сказал, что сегодня вечером я уйду на задачу и чтобы собирал экипировку.

— А кто же тогда будет генераторы обслуживать? Кто батарею будет заменять на ночь? Я, что ли? Больше же некому! Только я ничего не понимаю в генераторах. И что в сарайке есть, не знаю. Скорее всего, он просто тебя напугал, чтобы ты больше не повторял ошибок.

— Думаешь? Нет, Фанат очень строгий человек. Жестокий. Никогда не врёт, он не воздухан и впустую ничего не говорит.

— Да я знаю, но это как-то всё глупо было бы. Ты объективно в бытовом и хозяйственном плане очень ценный кадр... И отправлять тебя на БЗ, на передок? Это все равно что самовредительство. Я думаю, командир так не поступит.

— Логика в твоих словах, конечно, есть, но мне всё равно очень страшно.

— Да я понимаю тебя, мне самому некомфортно, но надеюсь, всё будет нормально, это он просто тебя так напугал.

Тут Фанат по рации вызвал Самосвала к себе.

— Удачи, Андрюха!

Вернулся Самосвал довольный.

— Всё, велел сходить к Свиригу за посылкой с деталями и дальше чинить этот

долбанный генератор, с которым я вожусь уже так долго.

Фрагмент 61. Наставления Фаната

Фанат прокачивал связь с теми, кто уже сидел в деревне, а другая рота пыталась туда пойти, неся потери на открытках и на дороге. Страшное дело — эти открытки. Большая часть потерь — именно там.

Потихонечку штурмы продвигались, и Фанат помогал командирам групп управлять бойцами. Фанат был весьма успешным командиром и всегда помогал коллегам.

— Сегодня ты прикроешь товарища, а завтра он тебя спасёт.

Артём сидел у Фаната до вечера, наблюдал, как тот работает, и уже начал проникаться этим делом, понимать, как оно делается.

Фаната пробило на мудрые наставления:

— Военный опыт приходит только с военным опытом. Родина для того и дана, чтобы за неё сражаться. Помни, враг не глупее тебя, учти это и победы. Не надо быть сюсюкалкой, не надо никого жалеть. Люди сами сюда пришли, осознанно. Они пришли воевать за Родину и прекрасно знали, что могут умереть... Надо быть жестким.

Так Фанат наставлял Артёма, но тот понимал, что это для него слишком, и таким, как Фанат, он не станет, просто не сможет.

Картина 16. ЖИВОЙ РЕТРАНСЛЯТОР

Фрагмент 62. «Пусть проявит себя»

Утром Артём услышал разговор Фаната с комбатом:

— Чем там ваш взводный занимается?

Фанат перечислил все дела Артёма.

— Да, красавчик, молодец, но все равно, чтобы не бездельничал, придумайте для него задачу, пусть проявит себя. Если солдат не хватает, отправляйте с ними.

После этого разговора Фанат хмуро посмотрел на Артёма.

— Ну, готовься, кажется, ты пойдешь вперед. Но не сейчас, а завтра. Комбат требует, чтобы ты себя проявил в серьезном деле, — он немного подумал и объявил: — Значит, так. Когда пидоры включают РЭБ, моя связь не дотягивается до деревни, где сидят наши штурмовики, а это десять километров. Твоя задача — завтра утром с двумя бойцами выдвигаешься, заходишь вот в эту деревню, что в пяти километрах — посередине расстояния от наших штурмов, и будешь там сидеть как живой ретранслятор, передавать мои команды и ответы бойцов. Заодно встречать бойцов, экипировать их и направлять на маршрут. Сколько там тебе сидеть, не знаю, поэтому бери побольше еды и воды. Садитесь вот в этот дом, закрепляйтесь там, ставьте вынос, и мы с тобой проверяем и прокачиваем связь.

— Всё понял! — сказал Артём, и в этот момент пришёл страх.

На него напал мандраж. Так далеко он в серую зону ещё не ходил и утешал себя тем, что уже в ней был, правда, недалеко, и второй раз тоже справится. Дальше он просто сидел и думал, что брать в поклаже и по какому маршруту двигаться. Лейтенант уже знал, кого возьмёт с собой: Фанат назначил.

Ещё Некромант с Фанатом объяснили ему, какие маршруты лучше и где, по опыту прошлых групп, плотность дронов меньше.

Самосвал выдал имущество: пять пауэрбанков на двадцать тысяч, вторую рацию, четыре запасные антенны, четыре выноса, две полторашки воды и три основных блюда, протеиновые батончики, четыре провода туре-с. А Фанат из своих запасов даже выдал вкусняшку — охотничью колбасу. На случай холода и дождя Артём загрузил в рюкзак теплую куртку softshell и пончо. Рюкзак получился довольно тяжёлым, под тридцать килограмм. И ещё же оружие...

В разрушенной школе он нашел отличный трофейный нажопник и решил его сразу надеть. В отличие от покупного, этот полностью закрывал задницу и всё остальное закрывал до середины бедра.

Написал Кире: «Меня отправляют дальше вперед, там связи у нас с тобой уже не будет, я не смогу тебе отсюда писать, там серая зона. Но всё будет хорошо, не переживай, я вернусь». Но она, как потом выяснилось, очень переживала. В эту ночь ей приснился сон, что его ранило в ноги. Об этом она Артёму не написала, боялась, что так подорвет его уверенность в себе.

«Уйти и не пропасть, вернуться к той, что будет ждать!» — придумал стих Артём. И как всегда, стих остался лишь первой строчкой.

Фрагмент 63. Дорога смерти

Артём вышел от закрепов в семь тридцать и направился в сторону дома одной из своих взводных групп, чтобы взять с собой оттуда бойца с позывным Левша — всесторонне развитого мужичка и, главное, не тормоза, с хорошей реакцией. Другого бойца предстояло подобрать по дороге — тот сидел в серой зоне в блиндаже, рядом с той промежуточной деревней, и обеспечивал маршрут — встречал-проводил штурмовые группы. Это был борзый зек с позывным Пахан. Фанат предупредил:

— С ним очень осторожно! Если Пахан будет отказываться идти с тобой, то придётся тебе применить силу, а это может спровоцировать его на очень плохие поступки, вплоть до стрельбы по тебе.

Лейтенант принял это к сведению.

Маршрут пролегал через тот самый разрушенный мост. Далее нужно было двигаться не на север, как в прошлый раз, а на запад, по лесополосе, до болота, перебежать открытку рядом с камышами, миновать ещё пару лесополос и выйти к той деревне.

Левша побежал через мост первым. Артём увидел, что он скатился, и поспешил следом. Бежать с таким рюкзаком было тяжело, дышалка сбивалась моментально.

Скатившись вниз, лейтенант увидел, что труп с головой в воде всё так же лежал на своём месте. Жёлтая лужа вокруг головы стала больше, а мухи облепили тело.

Забрался наверх. Дышалка снова сбилась, и захотелось на секунду прилечь отдохнуть. Но тут же стало страшно от такой мысли. Это было самоубийством — лежать отдыхать на этом мосту. Прилечь там можно только навсегда, дроны не оставят шансов выжить. Эти жужжащие машинки не имели чувств, а их операторы, положим, не все, но некоторые, могут вести себя, прямо-таки как маньяки, если доверять впечатлению, сложившемуся у Артёма после общения с одним оператором дрона-камикадзе.

— Что ты чувствуешь, когда видишь жертву?

— Ну, если жертва перебегает поле и до края ей ещё далеко, я могу полетать рядом, поугатать её, вымотать, поиграть немного, а потом, когда у жертвы иссякнут силы, я залетаю со стороны солнца и убиваю!

Для этого дрончика война — игра. А для его жертв — борьба за жизнь.

Лейтенант скатился вниз и увидел, что другой мёртвый парень так и висел на арматуре, на том же самом месте, только лужа крови под ним уже почти высохла. Перепрыгнул арматуру и стал подниматься наверх, держась за боковые ограждения моста и убрав автомат за спину. Вышел на берег и побежал в сторону лесополосы. Дышалка была сбита, ноги плохо слушались, но он бежал.

В лесополосе они нашлись с Левшой и пошли в сторону болота. Здесь тоже лежали непонятно чьи трупы. Стоял жуткий смрад, который невозможно себе представить, пока не познакомишься с ним в реальности. Вот на спине лежит скрюченное тело. Лицо с обнажёнными зубами превратилось в череп, ещё обтянутый кожей. Глазных яблук уже нет, на их месте зияют чёрные дыры.

Сверились с маршрутом, идут правильно.

— Кочевник, я Фанат. Как обстановка? — раздалось из рации.

— Всё в порядке, движемся.

— Хорошо, не торопись, не подставляйся, лови правильный момент.

— Принял.

По пути Левша нашёл отличный покупной шлем, с ходу скинул с себя выданный китайский и примерил обновку. Вообще в лесополосах валялось много разного: элементы экипировки, гранаты, магазины, мины без взрывателей и так далее.

Настал черед перебежать открытку вдоль болота. Левша — первым. Артём отпустил его на сто пятьдесят и тоже побежал. По ходу движения ему попался раненый, который каракатицей полз спиной вперёд без экипировки и оружия. Он остановил лейтенанта вопросом:

— Брат, далеко ещё до лесополки?

Артём оглянулся, до лесополосы — сто пятьдесят метров.

— Нет. Ползи, дружище, немного осталось! — ответил и побежал дальше.

Забегали в лесополосу. Все деревья порублены осколками мин и снарядов. Очень много трупов, не сосчитать, десятки, а может быть, и сотни. Вонь ещё хуже, чем в начале. Скелеты сгоревших заживо, раздутые гнилые трупы...

Вот боец в экипировке, умер в полусидячем положении, обняв дерево. Его руки похожи на огромные сардельки. Его боевая рубашка в натянутом состоянии, а тело раздуто. На нём скотч зелёного цвета с трезубцем на рукаве. Это противник. Похоже, член ДРГ, раз такой относительно свежий труп и так близко к российской территории.

Чуть дальше тело бойца, которого, видимо, тащили, но не дотащили, и он умер по

дороге. Лежит уже без брони, только в одежде, конечности раскиданы в стороны. Артём посмотрел на лицо. Мухи уже съели глаза и бегали внутри головы. Из ноздри в ноздрю тоже шустро перебежали какие-то твари. Щеки и живот раздуты, вот-вот лопнут. Кожа на лице — ярко-жёлтого цвета.

Неподалеку лежат детали дрона-камикадзе — винты, лучи, батарея. В этой лесополосе негде спрятаться, деревья покошены, и, несмотря на то что везде уже была зелень, эти деревья не цвели, как будто тоже были мертвы.

Фрагмент 64. Пятисотик — убийца своих

Вошли в довольно густую лесистую поросль, через которую протекал ручеек. Ступив на мостик через этот ручеек, Артём услышал, что под ним кто-то стонет.

— Левша, стой! Там кто-то есть! Пойду проверю, — сказал Артём и спустился по скату к ручью.

Там были очень густые кусты, и что таилось под мостиком, разглядеть невозможно.

— Ты кто? — крикнул Артём.

— Я с подразделения <...> Помоги, братишка, меня тут трупами зажалю, не могу выбраться, — ответил жалобный голос.

— Как тебе помочь, как подобраться? Тут густые заросли!

Осмотрелся и заметил, что рядом с тем местом, откуда слышался голос, действительно, лежат два трупа.

— Да вот, братишка, по воде пройди немного, и тут местечко открытое, выйдешь на него и сразу увидишь меня.

— Хорошо, сейчас попробую подобраться и помочь.

И в этот момент что-то остановило лейтенанта. Он замер и задумался. Повнимательнее осмотрел это открытое местечко. Да, действительно, сейчас они увидят друг друга. Ещё раз взглянул на трупы. У них не было рюкзаков! Артём задался вопросом: «А откуда здесь эти трупы? Ведь тут густые заросли, дроны не могли их увидеть!» И тут его осенило. Это тот пятисотик, про которого ему рассказывали старшие товарищи! Он убивает своих ради того, чтобы забрать у них еду и воду.

— Ты где там, братка?! Мне тяжело здесь! — крикнул незнакомец, возможно, держа то открытое место на мушке, чтобы прицельно выстрелить в голову. От этой мысли Артёму стало жутко, и он просто молча стал подниматься обратно. Кусты захрустели. — Ты куда?! Стой, помоги мне, не бросай меня! — яростно закричал голос, уже не казавшийся беспомощным и бессильным. — Сто-о-ой! Помоги мне! — Артём ускорился. Он хотел поскорее покинуть это место, чтобы пятисотик не начал наугад стрелять по кустам. — Гад, вернись! — орал тот уже изо всех сил.

— Пойдём отсюда, — сказал Артём Левше и махнул левой рукой вперёд. — Фанат, я Кочевник! На точке <...> под мостом лежит какой-то мужик, вокруг него трупы без рюкзаков, а сам он говорит, что не может выбраться, и просит подойти помочь. Похоже, это тот пятисотик — убийца своих.

— Понял тебя, Кочевник. Отправим туда людей, они закинут ему пару лимонок.

Лейтенант считал, что поступил правильно, слишком уж подозрительно это всё выглядело, и он мог запросто стать жертвой обмана.

Фрагмент 65. Живые среди мертвых

Лесная поросль закончилась и перешла в небольшие кустарники, между которыми тянулась тропка.

— Стой! Крыло летает, прячься! — крикнул Левша.

Они попрятались в кустах. Повисла тишина, и только жужжание крыла перебивало её. Вдалеке крикнул фазан. До того, как попал на войну, Артём ни разу не слышал фазаньих криков, и теперь они ассоциировались у него с войной — противные и мерзкие.

Крыло улетело. Продолжили движение. Пройдя уже примерно два с половиной километра вглубь серой зоны, попали в другую лесополосу, но проходить её до конца не требовалось. Параллельно ей тянулась лесополоса, ведущая в нужную деревню, но к ней нужно было перебежать через поле — триста восемнадцать метров, Артём измерил расстояние на карте.

Поле представляло из себя незасеянную пашню, без всякого намёка на кусты. Благо, погода солнечная и ясная, земля сухая. Под дождём чернозём превращается в болото.

— Там же нет мин, верно? — спросил Левша.

— Только если бабка ночью скинула, но их на земле будет видно, а закопанных точно нет. Давай сто пятьдесят метров, и я за тобой.

Левша двинулся быстрым шагом. Одним рывком перебежать такое расстояние не стоило. Если посередине поля врасплох застанет дрон-камикадзе, то не останется сил на то, чтобы вернуться. Поэтому лучше идти быстрым шагом и пробежать последние шестьдесят метров.

Левша набрал нужную дистанцию, Артём выдохнул и тронулся за ним, постоянно глядя во все стороны, на каждый уголок неба и под ноги. Сердце стучало, страх заполнил голову, но лейтенант сохранял рассудок и оценивал обстановку. Дышать становилось всё тяжелее, ноги вязли в пашне. В поле лежали тела тех несчастных, кого дроны застали врасплох. Мин пока не наблюдалось, дронов тоже.

— Кочевник, я прошёл, на месте! — раздался из рации уставший голос Левши.

— Да, я прямо за тобой иду, ещё чуть-чуть осталось! — тяжело дыша, громко выкрикнул Артём.

Проходя мимо мёртвых тел, он заметил натоштанную тропку и продолжил путь по ней. Идти стало легче. Вдоль этой тропки лежало ещё больше тел. Вот противник в зимней одежде с синими повязками. Вот совсем ещё свежий россиянин.

Когда осталось примерно сто метров, Артём побежал. Добежал до Левши, и вместе двинулись дальше.

Тут они встретили раненого бойца. Он лежал под блестяшкой — спасательным одеялом. Правая нога у него была сломана в районе бедра и выглядела очень неестественно. Он попросил воды. Левша дал, после чего Артём отправил Левшу вглубь лесополосы, которая тоже была вся покошенная.

Из невнятного рассказа раненого лейтенант понял, что тот пытался отбежать от дрона, но не успел, и дрон скинул на него что-то, сломавшее ему ногу, и вот он лежит тут около недели. Боец попросил поделиться сигаретами.

— Я не курю, брат, — ответил Артём и пошёл дальше.

Доложил Фанату об этом бойце и услышал в ответ хладнокровное подтверждение:

— Да, я понял.

Фрагмент 66. Пахан

Вскоре они добрались до норки борзого зека с соответственным позывным Пахан. Это лысый, хромой, голубоглазый мужик средних лет и невысокого роста. Когда Пахана привезли в роту, то сразу предупредили, что он очень вспыльчивый и может в порыве гнева исполнить всякую хрень. Но Фанат сразу поставил его на место, показал, кто тут настоящий пахан, и с ротным тот себя всегда вёл нормально.

Артём доложил Фанату о прибытии на точку.

— Хорошо, замысел знаешь, — ответил Фанат, намекая на то, чтобы Артём держался осторожнее с Паханом и был готов ко всему.

Артём начал разговор с Паханом, держа автомат в руках.

— Пахан, надо идти, собирай вещи, скоро выдвигаемся, — и незаметно снял автомат с предохранителя, патрон уже был в патроннике.

— Да, понимаю, конечно, я пойду, ты ж ведь пошёл сюда. Ты у меня в авторитете, Кочевник, и я тебя признаю, — спокойноотреагировал Пахан и стал собираться.

Лейтенант сначала воспринял это как трюк, посмотрел на Левшу и кивнул ему в знак того, чтобы был в готовности. Но Пахан был искренен и действительно собрался идти с ними.

— Вы готовы? — спросил по рации Фанат.

— Готовы.

Норка Пахана находилась на краю лесополосы. Отсюда до окраины нужной деревни простиралась открытка в пятьсот с лишним метров. А от окраины до нужного дома, где Артёму предстояло поработать живым ретранслятором, — ещё около шестисот метров по улице. Из норки Пахана до этого дома двинулись по одному.

Картина 17. ДРОНИАДА

Фрагмент 67. Душевный зал ожидания

Первым пошел Пахан и добрался за двадцать пять минут без происшествий.

Вслед за Паханом отправился Левша. Он уже почти дошёл до деревни, когда его начали закидывать с неба гранатами. Левша только и успел доложить Артёму об атаке дронов и пропал из эфира. Лейтенант долго пытался докричаться до бойца, но в ответ тишина.

— Фанат, я Кочевник. Левша не отвечает!

— Сука... ладно, как будешь готов, начинай движение.

— Принял. Я пережду какое-то время, чтобы птички улетели.

— Хорошо, дай знать заранее, чтобы я нашу птичку подвёл и наблюдал за тобой.

И Артём стал ждать.

Достал свой личный телефон, заранее переведённый в «режим полёта». Открыл «Телеграм». Вновь просмотрел сообщения от Киры и её фотографии. Затем фотографии мамы и бати. На глаза навернулись слезы. Он остался один в Kill Zone и не знает, что будет дальше. Просто ему надо выполнить совсем несложную задачу и вернуться. Но слезы катились по щекам и впитывались в балаклаву. Лейтенант поднял очки на шлем, чтобы протереть глаза. Как же он хотел в этот момент оказаться рядом с родными, это его желание невозможно описать словами. Как тут не заплакать, но лейтенант держался изо всех сил и не рыдал, просто хлюпал носом и исподволь пускал слезу.

Смотрел на фотографии любимых людей и бормотал под нос: «Ах-х, сестричка, моя маленькая любимая сестричка! Я ещё замуж тебя выдам и на свадьбе твоей буду отплясывать... Кира, когда вернусь, я опять увижусь с тобой и буду так рад снова оказаться в твоих объятиях и поцеловать тебя... Отец, ты всегда гордился мной, гордился тем, что я офицер, но сейчас твоя гордость сменилась страхом... Мама, даже не могу представить, какую боль ты сейчас испытываешь и какую испытываешь, если я погибну. Моя гибель может душевно убить многих людей, которым я дорог — еще и брата тоже. Поэтому мы обязательно ещё соберёмся за столом все вместе. Обязательно! Соберёмся и споем нашу коронку — «Ивушка». Обязательно!»

Лейтенант взял себя в руки, вытер глаза, высморкался и надел очки обратно. И ему не было стыдно за минутную слабость, заплакался, и сразу стало легче.

Фрагмент 68. Сброс

Прошло около двух часов.

— Фанат, я Кочевник, начинаю движение.

— Хорошо, выдвигайся, мои глазки на месте. Вижу тебя, выходи из лесополосы и следуй по тропинке в сторону деревни.

Артём вышел в открытое травяное поле. Вдалеке виднелись изрубленные деревья, которые росли на улице деревни. Вдоль тропинки лежали трупы, много трупов. Сгоревшие, вздутые, сгнившие. Быстрым шагом направился в сторону деревни, и...

В пяти метрах от него раздался взрыв. Лейтенант почувствовал, как что-то вонзилось в левую ногу, сбоку и в середине икроножной мышцы. От боли и неожиданности он громко и протяжно закричал. Его пошатнуло, и он наклонился, чтобы осмотреть место ранения. Почувствовал в ноге резкую колющую боль, словно ударился локтевой чашечкой об угол стола. По ноге потекло, и левый ботинок начал пропитываться кровью. Тогда он побежал в сторону деревни.

— Фанат, сброс, по мне сброс сработал!

— Бегом до деревни, бегом до деревни, там опасно оставаться! Бегом! — ответил командир.

Артём бежал так быстро, как только мог. Ботинок начал хлюпать, выжимая кровь и впитывая её снова при каждом шаге. Было очень страшно, сердце стучало. Это был забег длиной в пятьсот метров и ценою в жизнь. Лейтенант неслся мимо множества трупов и слушал указания Фаната.

— Вот тут сейчас направо, направо поворачивай, беги прямо по тропинке. Там дальше увидишь!

Из-за громкого дыхания Артём половину не расслышал:

— Ещё раз, не понял! — прокричал в рацию.

— В сторону деревни беги, вот, да, правильно бежишь, правильно! — невозмутимо говорил Фанат. — Давай беги-беги-беги!

Артём забежал в деревню. Пятьсот метров открытки остались позади.

— Сейчас в лесочек слева забегай, там перетянешься!

— Куда, в какой лесочек?!

— Вон, слева!

И тут раздался второй взрыв. Ещё один осколочный гранатомётный выстрел ВОГ-17 взорвалась прямо перед Артёмом, рядом с его ногами.

— А-а-а! — закричал лейтенант.

Теперь потекло из обеих ног, и он почувствовал резкую сильную боль уже в обеих ногах, а икры схватил спазм. Но бежал дальше и даже ещё быстрее. Оба ботинка хлюпали так, слово он побывал по колено в воде.

— Ух-х, ё, давай, беги-беги-беги! — говорил Фанат по рации.

Перед глазами разбитая деревенская дорога. Вокруг руины домов и ничего живого, только трупы, некоторые в лужах крови.

Добежал до лесочка.

— Вот здесь, в лесочке, отдохни, в лесочке отдохни. Потом дальше продолжим движение!

Лесочек представлял из себя бурелом из веток без единого зелёного пятнышка. Артём попытался перешагнуть через ветки, но ноги не слушались и подкашивались.

— Фанат, я Кочевник, у меня две ноги перебито! — панически крикнул он в рацию.

— Зайди-зайди в лесочек, перетянешься там! — настаивал Фанат.

Он до последнего сопровождал Артёма и оценивал, насколько хорошо его видно сверху. Лейтенант полез через бурелом. Сухие ветки трескались, ноги текли и хлюпали, их страшно кололо. Перешагивая через ветки, чуть не падал, но успевал схватиться за них же, чтоб устоять на ногах. Автомат болтался на шее, рюкзак тянул вниз, а в глазах темнело. Вновь горько вскрикнул от боли и безысходности, но продолжил искать безопасное место. Лейтенант не сдавался.

Как же ему не хотелось умирать в двадцать два года, как же было страшно. В этот момент, находясь на волосок от гибели, он начал относиться к жизни совсем по-другому, не как раньше.

— Зашёл почти, да, сюда же? — спросил заплетаящимся языком.

— Да, ляг здесь и перетягивайся.

Забрёл в какой-то кустик и лёг на спину. Снял с себя автомат и начал доставать жгут из подсумка, который был на его напашнике. Тяжело дыша и постанывая от боли, достал первый жгут и стал перетягивать правую ногу. Затянул так, что боль от жгута стала сильнее боли от ранения. То же он сделал и с левой ногой, достав жгут из другого подсумка.

— Фанат, я Кочевник, перетянулся. Вроде бы кровь остановил... — произнес слабым голосом.

— Хорошо, отдохни пока, потом пойдём дальше, до дома недалеко уже осталось.

Фрагмент 69. Рой

Артём лежал и смотрел в голубое небо. И тут... тишину нарушило обширное жужжание. Над кустом, под которым он лежал, возник рой дронов. Один, два, три, четыре, пять! Три камикадзе и два сбросника. Они в поисках лейтенанта.

Артём взял автомат в обе руки и положил его на живот. Он приготовился умирать, но был настроен при этом сбить как можно больше тварей. Около пяти минут наблюдал за тем, как они кружили совсем рядом. Жужжание слышалось со всех сторон. Они пытались найти и убить его.

«Чем же я заслужил такое повышенное внимание пидоров, что они впятером за мною носятся, как будто у них других дел нет?» — вяло подумал лейтенант.

Вариант один. Его экипировка сильно отличалась от облачения двух его бойцов. Они были одеты в уставной пиксель, а он — в мультикам и мох. Это выставило его в глазах операторов противника высоким начальством либо заряженным спецназовцем, лакомыми целями.

Сбросники стали скидывать гранаты по кустам наугад. Взрывы доносились где-то в пятнадцати метрах. Не угадали. Сбросили по две гранаты и улетели.

Два камикадзе тоже отправились искать другую добычу, а один решил испытать удачу и спикировал, упав в десяти метрах. Но не взорвался. Артём уже было подумал, что это ждун, и как только он встанет и пойдёт, дрон взлетит. Но приподнявшись, увидел, что камик лежит винтами вниз и, следовательно, взлететь не может.

«Лошара долбанная!» — подумал с чувством глубокого удовлетворения.

Подождал ещё пять минут.

— Фанат, я Кочевник! Они улетели.

— Хорошо, вставай, и пошли дальше, глазки уже здесь.

Артём стал подниматься на свои перебитые ноги. Снова почувствовал колющую боль, хотя ноги были настолько ватные, что он почти их не ощущал. Стиснув зубы и немного постовав, он, опираясь на автомат, всё же смог встать. В глазах темнело, голова кружилась, и ему было уже всё равно, что с ним происходило. Вышел из кустов на дорогу.

— Быстрее идти надо, быстрее идти надо, быстрее идти надо, — повторял Фанат по рации. — Держись рядом с дворами. Ускорься, быстрее идти надо.

Артём слушал указания, как собачка, и шёл не думая. И тут... услышал над головой жужжание. «Это Фанат, наверное», — безразлично подумал, но тотчас понял, что Фанату не обязательно было летать чётко над его головой. Посмотрев вверх, увидел, что у дрона что-то подвешено. Это был явно не Фанат.

— Ну всё, сука, либо ты, либо я! — крикнул лейтенант.

Поднял автомат, попробовал прицелиться и стал стрелять одиночными. Дрон уворачивался — влево, вправо, вперёд и назад, очень быстро и грамотно. В глазах

темнело...

— Мудак, беги, сука! Он сейчас убьёт тебя! — заорал Фанат в рацию.

Артём опустил голову и увидел небольшой дворик. И только туда подбежал, под ноги ему спикировал третий ВОГ-17, чудом не упав на голову. Лейтенант уже ничего не почувствовал, его просто сильно тряхнуло, по ощущениям. Он остался стоять на ногах и побежал в открытый гараж, который был прямо перед ним. Оказавшись там, сел на капот какой-то сгоревшей машины.

— На хрена ты сюда попёрся, у тебя крыши нет над головой!

Подняв голову, Артём убедился в правоте командира, крыши у гаража, действительно, не было. И приготовился умирать во второй раз, подумав, что загнал себя в угол. Но повернув голову направо, увидел дыру в шлакоблочной стене гаража, а через неё, метрах в двадцати, хорошие густые кусты. Оторвал задницу от капота и полез через эту дыру. Наступив на обломки стены, упал, ноги отказали, и он совсем перестал их чувствовать. Артём лежал на спине с тяжеленным рюкзаком на плечах, словно перевернувшаяся черепаха.

И в третий раз лейтенант приготовился к смерти, понимая, что сейчас этот дрон добьёт его вторым сбросом. Но дрона не было, он куда-то исчез. Артём перевернулся на живот, встал на колени, поставил левую ногу на ступню и, опираясь на автомат, попробовал подняться. Из него вырвался душераздирающий крик, но встать он не смог.

Тогда решил поползти до кустов на коленях. На подступах к ним автомат зацепился ремнём за ветку. Артём несколько раз его дёрнул, но неудачно, и оставил автомат болтаться на ветке. Сам же заполз в самую глубь густого кустарника. И только тут подумал, что зря он оставил автомат, ведь по нему его могли найти.

Перевернулся на спину, чтобы перевести дух, и увидел, что над кустами зависли два дрона. Сразу понял, что птички с датчиками движения, которые, в случае обнаружения, выделяют область движения на экране оператора. Замер. И вдруг врезала невыносимая боль в ногах. Резало в местах наложения жгутов, кололо в ранах, хотелось как-то пошевелить ногами... но это нельзя было делать, увидят.

— Да улетайте вы уже отсюда, суки! — крикнул лейтенант дронам, теряя терпение, но и не двигаясь при этом.

Спустя пять минут дроны улетели.

Фрагмент 70. Перемотался

Он сразу же начал снимать ботинки. Правый был изрешечён, а шнурки порваны в нескольких местах. С сильной болью снял правый, затем левый ботинок. Потом аккуратно снял насквозь мокрые носки и перчатки. Ноги были в дырках. Также он чувствовал какую-то боль в пояснице. Потрогал это место и нащупал кровавую шишку.

«Скользом, гад, прошёл. Рядом с позвоночником...»

И в самом деле, осколок прошёл скользом рядом с позвоночником в поясничном отделе, чётко между бронежилетом и поясом. Повезло!

Снял очки и натянул их на шлем. Достал медицинские тактические ножницы и стал резать штанины. Разрезав их до колена, начал ощупывать и осматривать ноги. Все раны ниже колен. Артериального кровотечения нет, только венозное. Сорвал аптечку с пояса и достал оттуда гемостатический бинт, израильский бандаж и обычные стерильные бинты. Найдя самую большую дырку на правой ноге, возле голеностопа, принялся пихать туда гемостатические бинты. Лейтенант стонал от боли, каково было что-то пихать в рану. Буквально два сантиметра получилось. Остальным бинтом обмотал всю стопу в местах, где были дырки.

Затем использовал бандаж на левую ногу. Перемотал все дырки и прочно его закрепил. Двумя стерильными бинтами ещё раз обмотал каждую ногу и плотно их затянул, изготовив давящую повязку.

Боль не уходила, и он принялся снимать жгуты. Сначала еле-еле развязал жгут на правой ноге. На левой развязать жгут не получилось, настолько сильно затянул. Пришлось разрезать ножницами.

Почувствовал приятный приток крови к ногам и облегчение. Обратил внимание на повязки, они слегка пропитались кровью, но это была норма. Кровь он остановил. Выдохнул и лёг на спину.

Ради интереса взял один ботинок и засунул в него руку. Достав её, увидел, что она вся в крови, полностью красная.

— Фанат, я Кочевник. Кровь остановил, на ноги встать не могу, жду указаний, — доложил уже более уверенным голосом.

— Так, смотри, в таком случае, откатывайся обратно в нашу деревню. Но до ночи ты сделать это не успеешь, нужно на ночь где-нибудь занориться. Открывай карту.

Артём очень обрадовался, что ему разрешили вернуться. Открыл телефон и нашёл своё местоположение. Фанат назвал три норки, где можно спрятаться. Две из них были через дорогу, и Артём их сразу же отбросил. Третья норка представляла из себя дом с крышей в том самом дворе, где его загнали в гараж без крыши. И он сообщил Фанату, что решил пойти в этот дом.

— Хорошо. Как птички летать перестанут, выдвигайся, не засиживайся, бабка полюбому проверит эти кусты ночью.

— Понял.

Скинул с себя шлем, на котором были очки, чтобы в будущем было легче ползти до своих, но броню пока решил оставить на себе, вместе с рюкзаком. На голове осталась только балаклава.

— Как думаешь, получится добраться? — спросил Фанат заинтересованно.

— Получится! — уверенно ответил лейтенант.

— Красавчик! Смотри, ты сейчас ближе к Пахану, чем ко мне. Когда спрячешься, мы с тобой, скорее всего, друг друга не услышим, общайся со мной через него.

Над деревней жужжали дроны, очень много дронов. Он разворошил осиное гнездо.

Снова Артём лежал и просто смотрел в небо. Снова вспоминал прогулку с Киной и думал о ней. О том, как они будут ещё гулять. Он верил, что сможет выбраться. Представлял, как они всей семьёй соберутся за столом, батя возьмёт баян и затянет:

«Ивушка зелёная, над рекой склонённая...»

И они вслед за ним ахнут:

«Ты скажи, скажи не тая, где любовь моя?!»

Н-да, попеть за столом хором в их семье любили, впрочем, как и во всех купинских семьях.

Неожиданно слева от него, примерно в тридцати метрах, раздался выстрел миномёта. Это российский расчёт стрельнул в сторону противника. «Бах, и-и-у-у», — улетела мина на передок.

Для Артёма это было очень плохо, ведь, скорее всего, сейчас прилетит ответка, и он, сгруппировавшись, засек три минуты. В среднем столько нужно, чтобы вычислить и навестись на миномёт противника.

«Вжи-и-ы-ых, бах!» — вражеская мина упала где-то у него за спиной, примерно в пятнадцать метрах, и до него долетели ошметки земли.

Российский миномёт сделал ещё один выстрел. «Капец!» — подумал лейтенант и снова сгруппировался.

«Вжи-и-ы-ых, бах!» — теперь ответная мина упала ближе к миномёту и дальше от Артёма.

Третий выстрел никто делать не решился. Как правило, с третьего раза кто-то, да попадал.

Артём снова остался в тишине, но где-то вдалеке были слышны дроны. Он снова смотрел в голубое небо. Потянуло в сон, но он не давал себе спать. Хотелось пить, но пить было нельзя, можно было потечь. Обезбол колоть не стал, хотя у него имелся Нефопам. Препарат мог вызвать тошноту и прочие побочные эффекты, что сейчас совсем некстати. Да и боль была не настолько жуткой, поэтому он проглотил пару таблеток Кеторола.

Фрагмент 71. Фельдшер Волк

Так прошло пять часов. Время — восемнадцать двадцать. Дроны стихли. Лейтенант встал на колени и пополз к выходу из кустов. Снял автомат с ветки и пополз дальше, к дому. И вдруг...

Прямо перед собой он разглядел хорошо замаскированный вход в подвал. Подполз ближе и увидел, что вход закрыт спальным мешком.

— Есть здесь кто живой?! — крикнул вовнутрь, немного отогнув спальник.

— Ты мне ещё тут флажками помаши, придурок! Не пали мою норку! — яростно отозвался кто-то из подвала.

— Брат, пусти, пожалуйста, у меня ноги перебиты, я не могу ходить! — попытался Артём уговорить истерика.

— Ладно, заваливайся! — смилостивился голос.

Артём кубарем скатился по лестнице, ударяясь всем подряд. Скинул с себя рюкзак.

— Фух-х, спасибо тебе большое, добрый человек! Вот рюкзак, в нём еда, вода, бери всё что хочешь!

— Да подожди ты со жрачкой, ноги покажи! — грозно велел хозяин.

Лейтенант повернулся. Перед ним сидел худощавый небритый мужик лет

пятидесяти с выпученными черными глазами и острым лицом. Артём дал осмотреть ему свои ноги.

— Да, хорошо перемотался, но слишком туго, у тебя вот эта нога опухла уже.

— А ты кто, из какого подразделения?

— Я Волк, фельдшер <...> полка. Здесь моя точка сбора раненых.

Волк принялся менять повязки.

Сказать, что Артём был сильно удивлён, — ничего не сказать. Попал, можно сказать, прямо на операционный стол. Повезло!

Подвал был довольно тесным, вдоль дальней стены лежали пять спальных мешков в разложенном виде. Ещё здесь имелся стол и небольшая тумбочка. В углу стояло ведро для туалета.

— Ты какого в полдень тут бегаешь? — строго спросил Волк.

Артём вкратце рассказал, что должен был сесть как живой ретранслятор в одном из домов.

— Ты такой молодой! Тебе сколько лет?

— Двадцать два.

— Да ты просто дурак, что сюда попал! Зачем ты контракт подписал? — удивился Волк.

— Я не совсем контрактник, я военное училище закончил.

— Так ты ещё и лейтенант? Тогда двойной дурак!

Помолчали.

— Мне пятьдесят два, ты мне в сыновья годишься, моему двадцать три. Как зовут-то тебя?

— Артём.

— Во! И моего тоже Артём.

В этот момент Артёму показалось, что мужик увидел в нём своего сына.

— Хавать будешь? — спросил Волк, закончив перевязку.

— Да, сладкого очень хочется и попить.

Волк сделал чай, а Артём из рюкзака достал свои вкусные съестные припасы и протеиновые батончики. Потом доложил Фанату, где находится и с кем.

— Хорошо, группа эвакуации уже вышла за тобой. Сворог и ещё один боец с носилками.

Артём обрадовался, что ему не придётся ползти пять километров, а его отнесут на руках. Скинул с себя броню и пояс, забрав оттуда два своих телефона.

— Ох-х, наконец-то нормальная еда, а то я уже замучался пшено жрать, — сказал Волк. — Утром, как за тобой придет группа эвакуации, вколю тебе обезбол, но он наркотический, смотри, держи себя в руках и старайся не чудить. Но я ещё твоим пацанам всё растолкую.

А дальше всё было, как тогда, в первую ночь у закрепов... Артём включил на своём телефоне фильм, какой-то голливудский блокбастер. Время — двадцать два тридцать. Какое-то время они лежали и смотрели фильм, но потом Волк встал, поставил фильм на паузу и сказал:

— Тихо! Слышишь?

На улице послышалось знакомое низкое жужжание.

— Старая прилетела! Ну, парень, молись, чтобы днём они не видели, как ты сюда заполз, и нас с тобою сейчас не похоронили заживо...

Они сидели молча, скрестив пальцы, ждали. Раздался звук отцепа. Они сгруппировались. «Бах!» С потолка посыпалась земля. Тээмка взорвалась в тех кустах, где Артём перематывался, видимо, бабка увидела там его шлем и ботинки.

— Ого-о, зафигачила туда, где ты лежал!

Бабка пролетела им за спины, вглубь двора. «Бах!» Они услышали, как над ними разрушился дом.

— Ого-о, расфигачила единственный целый дом в этом дворе, — заметил Волк.

— А я должен был в нём прятаться после ранения...

— Тогда тебе очень повезло оказаться здесь, у меня.

Бабка улетела.

— Ну, Артём, сегодня удача была на нашей стороне! — улыбнулся Волк.

И тут лейтенант очень сильно захотел спать. С трудом повернулся на правый бок, испытывая сильные боли в ногах, фух-х, это было долго и сложно. И уснул.

Картина 18. ВЫПОЛЗАНИЕ

Фрагмент 72. Откат на коленях

Спал очень тревожно, постоянно просыпался. Ему казалось, что он проспал весь следующий день, но это было не так. В четыре тридцать лейтенанта разбудил Волк.

— За тобой пришли.

— В подвале стоял незнакомый молодой парень.

— Ты Кочевник?

— Да, а где Сворог?

— Сворог, пидор, запятисотился со своим корешом. Я Злодей, со штурмовой роты. Поднимайся, пошли. Мы отвеем тебя к своим.

Носилок у бойцов не было, как и рюкзаков. Они пришли налегке, просто с автоматами. Волк вколол Артёму наркотический обезбол.

— Мужики, я вколол ему обезбол, это наркотик, если будет чудить или нести чушь, не обращайтесь внимания.

Артём выполз из подвала и увидел перед собой... Игоря, того самого «вечного дневального» — богомольца из подвала Сворога.

— Да ну нафиг, братка, ты, что ли?! — спросил тот с удивлением. — Не думал, что я иду тебя спасать! Ты молись по дороге, проси Бога о помощи.

На улице было прохладно, раннее утро, только начало светать.

— Давай вставай на ноги и держись за мои плечи, — сказал Злодей, поглядывая в небо.

Из подвала Артём взял с собой только рацию, телефоны и автомат с пристегнутым магазином на сорок пять патронов, почти полный. Свой служебный телефон с картой местности отдал Злодею, а личный оставил при себе.

Тяжело встав на свои босые ноги, лейтенант вскрикнул от боли, всем весом навалился на Злодея и, держась за плечи, пошёл по битому кирпичу, деревянным обломкам, осколкам шифера и камням. Было очень больно.

Вышли на деревенскую дорогу, на которой его вчера пытались убить. Прошли мимо тех же трупов. Вот то самое обугленное пятно на асфальте от взрыва гранаты, упавшей ему под ноги.

Опять стало страшно. Они были такой лёгкой целью... Игорь шёл где-то позади и наблюдал за небом. Оно было чистым, ни одного дрона.

Пройдя сто пятьдесят метров, Артём упал на колени.

— Нам нельзя медлить, надо быстрее попасть в лесополку! — сказал Злодей.

— Да знаю, но идти больше не могу, поползу на коленях, так будет быстрее и лучше для всех, — тяжело дыша, ответил Артём. — Держитесь от меня на расстоянии, но прикрывайте.

В тот момент он поблагодарил сам себя за то, что всегда надевал под штаны спортивные мягкие наколенники.

Вышли на травяное поле. Трава была покрыта утренней росой. Артём мгновенно промок. Это было то самое поле, по которому он вчера бегал. Маршрут предстоял тот же, и было страшно представить, что все те препятствия ему предстоит пройти уже с перебитыми ногами, на коленях.

Почти дошли до лесополосы...

— Птица на подлёте! Прячься в кювет! — крикнул Злодей и побежал вместе с Игорем в лесополосу.

Артём резко свернул влево, скатился в кювет и зарылся в мокрую траву, при этом больно ударившись ногами. Дрон прожужжал мимо. Лейтенант быстро поднялся, вскарабкался вверх по траве и ускорился до лесополосы.

— Давай, братка, максимальная скорость, давай! — кричал ему Игорь.

Артём заполз в лесополосу и упал в кусты на живот, чтобы немного отдышаться.

— Братка, держи мои перчатки, так ползти будет легче, — Игорь отдал ему свои тактические перчатки. Да, в перчатках ползти на карачках было гораздо проще.

«Ж-ж-ж», — где-то вдалеке послышался шум камикадзе. Они громкие и писклявые, их было очень хорошо слышно. Мужики сразу же нырнули в кусты. Но пронесло...

Фрагмент 73. «Господи, помилуй...»

А происходило это в День Победы. Девятое мая. В Москве парад. А на фронте должно было состояться небольшое перемирие в честь праздника — с седьмого по десятое мая, но никакого перемирия не было, ни вчера, ни сегодня.

Дрон улетел, Артём снова встал на карачки, и группа продолжила движение по

лесополосе. Тут было намного спокойнее. Хотя кругом трупы. И так близко, лицом к лицу: совсем другие ощущения. Когда идешь, смотришь на них сверху вниз, а когда ползешь рядом с ними, ты находишься на одном с ними уровне и очень близко, и в глаза бросается намного больше подробностей войны, запечатленных на мертвых телах.

На связь вышел Фанат:

— Кочевник, как успехи?

— Всё отлично, ползу, уже почти километр позади, — уверенным и громким голосом ответил Артём.

— Красавчик, давай ползи!

И вдруг... на связь вышел Зверь. Он, командуя уже другой ротой в другом месте, добыл у Фаната частоту Артёма:

— Давай, Кочевник, не сдавайся, братишка, всё будет пучком, ты супер-пацан!

Эта поддержка придала лейтенанту сил, и почему-то он вспомнил слова Зверя, которые тот как-то сказал в первые дни Артёма на войне:

— Я постоянно пшикаюсь дезодорантом. На БЗ собираюсь, как на свиданку. Как это так, идти умирать и плохо пахнуть?

А на войне плохо пахнет, точнее сказать, воняет — воняет всё, от всех и всегда. На БЗ помыться возможности нет, тело протирали влажными салфетками, а трусы и носки просто выкидывали после трехдневной носки.

Артём полз по тропинке. Увидел справа от себя бойца без ноги, оторванной почти по самый пах. На культе завязан жгут. Боец был ещё жив.

— Мама, папа... Помогите мне, мама, папа... — бубнил он себе под нос из последних сил.

Он медленно умирал. Артём ничего не мог сделать для него, не имея для этого никаких возможностей, как и его спутники. В Kill Zone смертельно опасно нести кого-то на себе, это быстро приведёт к гибели обоих. Бедолагу пришлось оставить.

Потихоньку двигаясь по тропинке, лейтенант смотрел себе под руки. Случайно на глаза попалась помятая карманная иконка Казанской Божьей матери. Он всегда считал себя неверующим, но замер и задумался: взять — не взять. Взял иконку и засунул в левый рукав, поджав часами. Почему-то стало намного спокойнее.

Через пятнадцать минут добрались до открытки в триста метров через пашню. Удивительно, но тут до сих пор лежал на боку тот самый раненый со сломанной ногой.

— Ты почему ещё не выполз? — удивлённо спросил у него Артём.

— Боюсь ползти через открытку, дроны убьют, — ответил тот, глядя сквозь Артёма.

— А в чем тогда смысл? Останешься лежать здесь — всё равно умрешь!

Раненый отвернулся от него.

— Ну как хочешь, лежи, а я попробую выбраться.

— Попробуй, только вряд ли у тебя получится.

— Получится!

Злодей спросил:

— Сейчас побежим?

— Да, когти надо рвать сейчас, — ответил Артём, оценив небо.

В этот момент он не думал о родных, мысли о них навевали тоску. Он думал только о цели — перейти открытку, болото, мост и добраться до врача.

Артём отправил Игоря вперёд, а Злодею велел двигаться в пятидесяти метрах от себя и прикрывать в случае дроновой атаки. Игорь побежал. Отпустили его на сто пятьдесят метров и тоже начали движение. Артём пополз максимально быстро, стараясь дышать правильно, как во время бега. Злодей не смог пройти и половины пути рядом с ним и умчался за Игорем.

Лейтенант опять остался один в этом поле. Стало страшнее. Полз мимо тех же трупов и полз быстро. На середине поля почувствовал, что сил больше нет. Но продолжил ползти на силе воли. В какой-то момент губы сами проговорили:

— Господи, помилуй... — и стали повторять: — Господи, помилуй... Господи, помилуй...

Он полз, а открытка всё не кончалась. Осталось пятьдесят метров.

— Давай-давай, ползи! Максимальная скорость! — прокричал Игорь.

Когда осталось пятнадцать метров, мужики выбежали, схватили его и затащили вглубь лесополосы. На переползание этого участка ушло около семи минут.

Он упал на живот лицом в землю и тяжело дышал. На глазах появились слезы.

— Я сделал это... Я смог... — проговорил дрожащим голосом.

— Это чудо, братец, я думал, что у тебя не получится... — радостно сказал Игорь.

— Отдыхай пока, подождём, покурим, — молвил Злодей.

Теперь снова вспомнились родные: мама с папой, бабушка с дедушкой, брат, сестра и Кира. Усилился напор слёз. Лейтенант взял себя в руки.

Через две минуты над полем зажужжал дрон-камикадзе.

— Ого, поймал тайминг... — сказал Артём.

— Да, успел вовремя, — покуривая, подхватил Злодей. — Ладно, чё, движемся дальше, ещё почти три километра.

Фрагмент 74. «Ползи, ползи, ползи!»

Двинулись по лесополосе. Запах мертвечины повсюду. Очень хотелось пить. Наткнулись на группу отдыхающих штурмовиков. Артём подполз к ним и спросил:

— Мужики, будет немного воды?

Один недолго думая подал ему полупустую поллитровую бутылку воды со словами:

— Держи, брат, тебе ещё жить и жить!

На вид ему было за сорок. Артём в секунду осушил бутылку, не забыв поблагодарить:

— Спасибо, брат!

Злодей поинтересовался:

— Мужики, это ваша птичка висит рядом с нами?

— Должна быть наша, сейчас узнаем. Ральф, это ты висишь рядом?

— Нет, я только что улетел на подзарядку, — отозвался голос из рации.

— Воздух! Рассредоточились! — закричал командир штурмовиков.

Все разбежались по лесополосе.

«Вжи-и-иу-ух, бах!» — прилетела сто двадцатая мина.

Они допустили огромную ошибку, собравшись в такое скопление.

«Вжи-и-иу-ух, бах!» Плотность обстрела была серьёзной.

Они ринулись по лесополосе к болоту, но в другую сторону.

«Вжи-и-иу-ух, бах!» Взрыв содрогнул землю. Ошмётки земли разлетались по лесополосе. Снова стало очень страшно.

Обстрел прекратился внезапно, как и начался.

Они уже были далеко от тех штурмовиков. Перед ними сквозь лесополосу проходил двойной ров глубиной в три метра. Мужики перепрыгнули его. А вот Артём смог преодолеть только один ров, потому что через него рядом друг с другом лежали два бревнышка, он прополз по ним и оказался между рвами. Второй ров пришлось обползать, а для этого он должен был выползти из лесополосы, проползти по полю и снова приползти в лесополосу. Так и сделал, причём очень быстро. Каждый выход на открытку вызывал у него дикий страх.

Снова двигались по лесополосе в спокойном темпе. Артём полз рядом со своими сопровождающими. Злодей нашёл полупустую полторашку воды и поднял её, чтобы попить.

— Идиот, выброси! — крикнул Артём.

— Почему?

— Ты что, забыл или не знаешь, что пидоры специально скидывают отравленную воду в лесополосы, чтобы такие, как ты, её пили? — Злодей промолчал. — Выброси! А лучше открой и вылей, — настоял Артём. Злодей так и сделал.

Время — девять пятьдесят. Лесополоса закончилась, впереди виднелось болото. Это была небольшая низина, поросшая камышом и окружённая лесом. Но до этого камыша — примерно двести метров травяного поля с разрозненными зарослями колючей акации.

— Значит, так, сейчас бежим до того куста, до него примерно сто метров, там засядем и оценим обстановку, — объявил лейтенант.

Игоря снова отправил первым, затем пополз сам, и за ним тронулся Злодей, обогнав его по ходу. Мужики забежали в кусты. Артём дополз и попытался в них протиснуться. Получилось с трудом, настолько кусты были плотные, а острые колючки ободрали ему лицо и порвали рукава боевой рубашки. Подполз к мужикам, лёг на живот. Стали оценивать небо.

Прилетел рой дронов — камикадзе, сбросники и даже бабка.

— Совсем оборзели, бабку днём запускают! — выругался Злодей.

— Ну, парни, это надолго. Здесь мы в относительной безопасности, нас не видно, можете пока расслабиться, только не шевелитесь слишком резко, — проговорил Артём и лёг себе на руку, перевернувшись на бок.

Дроны высматривали наши штурмовые группы. «Похоже, пидоры в честь Девятого мая решили сделать праздничный рой», — подумал Артём.

Время десять двадцать. До деревни оставалось около восьмисот метров, если по прямой. Но так как вдоль деревни текла речка, то нужно было добраться до моста, который находился в километре, а до дома Знахаря — ещё столько же. Времени достаточно, можно было и подождать. Незаметно для себя лейтенант уснул и видел какие-то мимолётные сны о доме.

Резко проснулся. Время — одиннадцать сорок. Мужики спали. Дроны ещё летали. От лесополосы, куда им нужно было добраться, чтобы дойти до моста, послышалась автоматная очередь. Один камикадзе спикировал в ту сторону с нарастающим жужжанием и взорвался. Повисла тишина.

Артём осмотрел себя. Разорванные в лохмотья штанины, грязные ноги и руки, затертый тканевый ремень, порванные рукава рубахи. Вспомнились слова одного офицера, который поздравил его с выпуском, когда он прибыл в отпуск после торжественного празднования в училище: «Поздравляю! Отдыхай пока. Дальше будет только хуже».

Неожиданно что-то упало с неба в пяти метрах от него, как будто камень. Привстал глянуть. Это была ПФМ-1, мина-лепесток. Видимо, её скинул дрон, на случай того что кто-то будет перебежать от куста к кусту. Артём воткнул рядом с ней длинную палочку, чтобы не забыть про неё.

Мужики проснулись и стали обсуждать, в какой момент лучше перебежать. На часах тринадцать двадцать. Дроны улетели. Группа начала перебежку. Бойцы мигом пробежали сто пятьдесят метров до камышей. Артём полз изо всех сил. Но не успел. Оставалось метров сто, когда услышал камика.

В двадцати метрах от себя лейтенант заметил небольшой кустик с высоким деревом, быстро дополз и спрятался там. Камикадзе замер почти над ним. Артём не двигался. А какой смысл, бежать он всё равно не мог. Дрон повисел и улетел, то ли приняв Артёма за труп, то ли по другой неведомой причине.

Перестав слышать дрон, поднялся на колени и заполз в камыш. Камыш был высокий и густой. Крикнул:

— Мужики, вы где?!

— Мы здесь, почти вышли из камыша, сейчас в полку запрыгнем! — откликнулся издалека Игорь.

Артём пополз в сторону голоса, периодически останавливаясь и прислушиваясь, потому что хруст сухого камыша был громким, и на его фоне невозможно услышать дрон. В один такой момент с неба донеслось до уха жужжание. Упал на живот, сделав уже привычное движение, похожее на отжимание на коленях, и забросал себя камышом. Дрон пролетел мимо, не заподозрив, что в камыше прячется лёгкая добыча.

Лейтенант пополз дальше. Мокрая почва сменилась водой с глубиной по запястье. Снова слышал дрон. Плюхнулся в воду и закрылся камышом так же. Дрон опять пролетел мимо. И вдруг...

— Кочевник, я Левша! Я живой, нахожусь в норке у <...> штурмовиков из <...> подразделения. Случайно попал к ним, моя радейка потерялась при взрыве, но они дали мне с тобой связаться.

Как Артёму ни было больно, рот его сам расплылся в радостной улыбке.

— Левша, я Кочевник! Принял, жди указаний. Пацанам спасибо!

Вода стала больше, уже почти по локоть. Штаны и перчатки покрылись мокрой глиной. Камыш закончился, а впереди — тридцать метров открытки... И вот уже лесополоса. Легкотня! Уверенным броском переполз это расстояние и оказался рядом с мужиками.

— Потерпи, братка, осталось немного, самое страшное позади, скоро до моста доберемся, — подбадривал Игорь.

Артём начал думать, как ему преодолеть тот разрушенный мост. И решил, что переплывёт речку.

Двинулись по лесополосе, по которой вчера они шли с Левшой. Артём чувствовал, что колени уже очень сильно стёрлись, из них сочилась кровь, они ужасно щипали. Наколенники не смогли уберечь их. Трудно представить, что было бы с коленями, если б он не надел на колени.

Знакомые трупы лежали на прежних местах. Тот самый парень, сгоревший заживо, только теперь очень близко к лицу. Вот шлем, который скинул с себя Левша. Лесополоса тянулась медленно и безопасно. Вражеские дроны уже не беспокоили, зато пугали российские птички, когда вылетали в сторону противника. Артём периодически останавливался передохнуть и отдышаться. И вот край лесополосы возле моста.

— Ну что, как преодолевать его будешь? — спросил Злодей.

— А я не пойду. Я поплыву, — с абсолютным спокойствием ответил Артём.

— Ты уверен?! — удивился Игорь.

— А есть другие варианты?

Злодей помотал головой и одобрительно кивнул. Бойцы помчали к мосту и принялись преодолевать эти скорбные качели. А Артём подполз к воде и аккуратно начал заходить в неё на коленях. Подумал: «Пф-ф, неглубоко». И на следующем шаге погрузился в воду с головой. Поплыл, еле дотягиваясь до дна ногами.

Мужики, добравшись до того берега, забежали под мост и спрятались. Вода была холодная. Артём плыл. То брасом, то по-собачьи, но плыл. В воде заметил какие-то бугорки. Понял, что это:

— Подвиньтесь-ка, братцы! — руками раздвинул трупы в стороны.

Доплыл до берега, выполз на бетонное округлое основание моста. Он был весь в глине. С рук кусками сваливалась грязь. Попытался залезть к мужикам наверх, но не смог. Тогда просто остался лежать под мостом. Чувствовал себя полностью обессиленным, вода забрала последние силы. Рядом лежал ещё свежий труп молодого парня. Бледное лицо, как у фарфоровой куклы. Лейтенант отвернулся.

Мужики перекурили и двинули дальше. Вышли из-под моста и по низине пошли-поползли вдоль дороги к деревне, по низине. В небе нависли грозовые тучи. В низине имелся участок с камышом, но ближайшая к дороге его часть была выгоревшая и представляла из себя торчащие из земли короткие штыри, по которым Артёму приходилось ползти. Они впились в его напрочь стёртые колени. Мужики быстро проскочили этот участок, а он то и дело останавливался, чтобы передохнуть.

Как только группа выбралась на дорогу, начался ливень. Артём полз из последних сил по первой от моста улице деревни, задыхаясь и уже еле двигая ногами и руками. Навстречу попались несколько незнакомых штурмовиков, похлопали его по плечу:

— Ползи, молодой, ползи-ползи!

Артём прополз первую улицу. Оставалось примерно четыреста метров до курятника Знахаря, когда последние силы покинули его, а боль в коленях стала уже совершенно невыносимой. Злодей вышел на связь со Знахарем и вызвал того с тележкой к ним.

Артём лежал на животе лицом вниз. Вдалеке показался силуэт Знахаря с самодельной громко скрипящей тележкой. Подойдя, он, улыбаясь, сказал:

— Артём, что с тобой? Ты как будто пять километров раненый ползёшь.

— Толя, клади меня на тележку и увози отсюда, — злобно ответил Артём.

Знахарь всегда подкалывал его за то, что он не курит, и говорил, что это обязательно случится, когда он попадёт в какую-либо задницу. И опять Знахарь не упустил шанса подколоть товарища.

— Что-то ты какой-то нервный. Может, сигаретку?

— Толя, сука, клади меня на тележку!

И вот, наконец, Артём был в курятнике Знахаря на спальных мешках, на которых совсем недавно лежал раненый Ахмед.

«Я сделал это: я выбрался живым!» — подумал и вырубился.

Фрагмент 75. Форма 100 – и в Россию

Знахарь позвал Пеницилина и, когда тот пришел, разбудил Артёма.

— Что случилось, молодой человек, рассказывайте? — шутливо-издевательским тоном спросил Пеницилин. — Специально подставились под гранату, чтобы уехать домой отдышаться?

— Три раза.

— Так и запишем: трижды предатель.

— Я пить хочу.

Ему дали полторашку «Святого источника», и он её залпом выпил.

— Может, ты и есть хочешь?

— Только чего-нибудь сладкого. Хорошо бы кашу быстрого приготовления с персиком или с клубникой.

Когда насытился, за него взялись оба фельдшера.

— Давай-ка мы тебя приоденем!

Раздели догола, тщательно протёрли всё тело влажными салфетками и выдали всё новое. Вместо боевой рубахи дали уставную нателку, уставные штаны пиксельного цвета и флисовую кофту, именуемую «собакой». Затем обработали раны, перебинтовали и отправили на точку эвакуации.

Время — шестнадцать сорок. Появился Злодей со своим кроссовым мотоциклом, и с этого момента Артём уже сам не перемещался: либо катался на всех видах колясок, либо его носили на руках.

— Смотри за небом, а я слежу за дорогой, — сказал Злодей. — Если что, будь готов, что мы на полной скорости влетим в лесополку и врежемся во что-нибудь. У меня уже так было. Через руль перелетел и в кустах приземлился.

Помчались, объезжая сгоревшие машины, и через десять минут добрались до места без происшествий. В лесополке на точке эвакуации пацаны сняли Артёма с мотоцикла и посадили на ящик с боеприпасами. Спросили:

— Голодный?

Предложили сухпай. Он достал шоколадку, пюре и повидло, в общем, всё сладкое.

Вспомнил Урала, медика батальона, который говорил:

— На БЗ всегда тянет на сладкое и покурить, а если не куришь, то только на сладкое. Стресс же, а там глюкоза. Она мгновенно сжигается в организме из-за стресса.

Пока Артём трапезничал, в поле пролетал камик. В него начали стрелять из другой лесополки, сбили, дрон упал на поле и взорвался. Артём ел шоколадку, как будто его это уже не касалось.

Задумался. Теперь восьмое и девятое мая он будет праздновать в том числе и как свой второй день рождения.

Через час приехала медицинская буханка, и его загрузили в нее на руках. А вместе с ним загрузили два мешка с трупами. Водитель буханки был совсем молодой пацан, лет девятнадцати, и его стрелок, который следил за небом, точно такой же. Они выглядели, как школьники.

В Селидово лейтенант попал в медпункт батальона. Молодой фельдшер сделал перевязку и оформил на него карточку раненого. И вдруг...

В помещении, где Артём лежал один, вошёл Сворог. И был он побритый, вымытый, подстриженный и свежий. Артём офигел. Сворог пояснил:

— Понимаешь, мой напарник сказал, мол, на хрена этого командира взвода вытаскивать, он все равно умрет, не доползет, давай лучше свою задницу спасем, и просто убежал.

— И поэтому ты тоже решил свалить?

— Ну да.

— Ты же понимаешь, что тебя ждет за то, что ты командира взвода вот так бросил? Сворог молча кивнул и ушел.

Позже Артём узнал, что Сворог — 200. Его отправили на передок, где его и нашёл камик. Ему просто пришлось бежать по полю, по прямой. Это называлось «двигать фронт»: двигаешь фронт, пока не добежишь до конечной точки или тебя не найдёт судьба...

Артёма накормили, дали пюрешку и лапшу Роллтон, колбасы с хлебом, он наелся, улегся и почти заснул. И тут слышит:

— За тобой приехали, собирайся!

Его посадили в другую буханку, и она увезла его в Ясиноватую. Ехали долго. В носу стоял запах мертвечины. То ли потому, что в этой буханке перевозили трупы, а то ли это от него так воняло, потому что он в «речке мертвецов» поплавал.

В Ясиноватой его отвезли на рентген. Ноги болели ужасно, особенно левая, ее кололо и ворочало. Врач сказал:

— Ну, братишка, тебе повезло! Три перелома. Тебя, скорее всего, в Россию отправят, домой попадешь.

Замечательно! Реально повезло.

Ночью почти не спал, всё болело. Утром — в путь на шконке, приделанной к стенке медицинского грузовика. Ехали два часа в постоянной тряске. Прибыли в Перевальск, где ему наложили гипсовые лангетки, ещё раз сделали рентген и форму 100 — документ о ранении. Через два дня отправили в Россию, а именно в Пермский гарнизонный военный госпиталь.

Эпилог

Сейчас лейтенант Артём К. дома в законном отпуске по ранению.

Выходить в запас не хочет, хотя и имеет полное право.

Отдохнёт, восстановится и вернется в действующую армию, с которой только и связывает своё будущее и судьбу.

В Новосибирске они с Кирой сняли квартиру и вместе жили неделю. Ему перестали сниться кошмарные сны, в которых жужжат дроны и пытаются его найти и убить. Кира прилетала к нему и в Пермь, когда он ещё лечился. Там они признались друг другу в любви. Лейтенант собирается сделать Кире предложение. Она согласна стать офицерской женой.

Пару слов о соратниках героя на момент, когда пишутся эти строки.

Фанат так и воюет, ничто его не берёт.

Лёха — 300, пулей пробило лёгкое, сейчас в санатории.

Ахмед — 300, лежит в госпитале, один глаз не видит.

Пахан стал «живым ретранслятором» вместо Артёма.

Знахарь воюет, недавно приезжал домой, в Купино, в отпуск. Приходил в гости к лейтенанту Артёму К., и его чуть не закормила пирогами мама нашего героя.